

Г. А. Решетникова

**БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА
КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**Ижевск
2025**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт права, социального управления и безопасности

Г.А. Решетникова

БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА
КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Монография

Ижевск
2025

УДК 343.211
ББК 67.408.011
Р471

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом УдГУ

Рецензенты: д-р юрид. наук, профессор, профессор каф. теории государства и права, трудового права ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» **А.В. Петров;**

д-р юрид. наук, профессор, профессор каф. уголовно-правовых дисциплин филиала Московского университета им. С. Ю. Витте в Нижнем Новгороде **В.В. Сверчков;**

канд. юрид. наук, доцент, зав. каф. уголовного права и прокурорского надзора ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» **Л.В. Боровых.**

Решетникова Г.А.

Р471 Безопасность субъектов уголовного права как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-методологический аспект : монография / Г.А. Решетникова; предисловие З.А. Незнамова. – Ижевск : Удмуртский университет, 2025. – 174 с.

ISBN 978-5-4312-1298-7

DOI 10.35634/978-5-4312-1298-7-2025-1-174

В монографии представлены результаты анализа теоретико-методологического аспекта безопасности субъектов уголовного права как объекта уголовно-правовой охраны; доказана основополагающая идея философской концепции безопасности; установлены и раскрыты основополагающие понятия политической и уголовно-политической концепции безопасности; исследована сущность, политико-правовое и уголовно-правовое значение феномена «общественная опасность»; установлено системное свойство Особенной части УК и его значение для обеспечения национальной безопасности.

Для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов юридических учебных заведений, научных работников, сотрудников органов государственной власти и правоохранительных органов, а также иных читателей, интересующихся вопросами науки уголовного права.

УДК 343.211
ББК 67.408.011

ISBN 978-5-4312-1298-7

DOI 10.35634/978-5-4312-1298-7-2025-1-174

© Решетникова Г.А., 2025

© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Введение.....	9
Глава 1. «Состояние защищенности» как основополагающая идея философской концепции безопасности.....	11
Глава 2. Основополагающие понятия политической концепции безопасности.....	30
Глава 3. Основополагающие понятия уголовно-политической концепции безопасности.....	58
Глава 4. Сущность общественной опасности, ее политико- правовое и уголовно-правовое значение.....	102
Глава 5. Системное свойство Особенной части УК и его значение для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.....	129
Библиографический список.....	157

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей представлена монография Решетниковой Гульнары Аликовны на тему «Безопасность субъектов уголовного права как объект уголовно-правовой охраны: теоретико-методологический аспект».

Безопасность в законодательстве ранее понималась как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз. Несмотря на то, что законодатель в дальнейшем отказался от данного определения, мне оно представляется очень верным, поскольку емко и точно определяет понятие безопасности. А безопасность всех субъектов права, которая всегда была актуальной, сегодня актуальна как никогда. Ибо если ранее безопасность была связана с состоянием защищенности субъектов в основном от внутренних угроз, то сейчас угрозы носят не только внутренний, но и внешний характер. А состояние защищенности как отдельной личности, так и общества в целом, все чаще становится проблематичным.

В этой связи монографическое исследование проблемы безопасности субъектов уголовного права как объекта уголовно-правовой охраны, является весьма своевременным и актуальным.

Безопасность субъектов права в первую очередь должна обеспечиваться системой экономических, политических, организационных и других мер. Однако значительную роль в обеспечении такой безопасности занимают правовые меры, среди которых не первое, но и далеко не последнее место – уголовно-правовые. Традиционно основной задачей уголовного права и уголовного законодательства считается охрана наиболее важных ценностей для государства, общества, граждан. Эта задача, по мнению большинства исследователей, решается путем установления санкций уголовно-правовых норм и реализации мер уголовной ответственности. Иначе говоря, обеспечение безопасности субъектов уголовного права традиционно рассматривается через охранительные уголовно-правовые отношения. Автор настоящей монографии пытается решить эту задачу

иначе – через призму анализа позитивного уголовно-правового отношения. Далеко не все ученые в области уголовного права признают в принципе существование позитивного уголовно-правового отношения и уж тем более позитивной уголовной ответственности. Именно поэтому рассмотрение проблем состояния защищенности субъектов уголовного права автор начинает с глубокого теоретического анализа понятия защищенности, ее сущности и видов. Поэтому оправданно, что в монографии рассматриваются прежде всего теоретико-методологические аспекты заявленной проблемы.

В первой главе работы автор рассматривает философские концепции безопасности. На основе глубокого, иногда критического анализа философской, социологической, политологической, юридической литературы, а также изучения нормативных актов, посвященных проблемам безопасности, в том числе Концепции национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. (в ред. 2000 г.); Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.; Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г.; действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г., автор приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу, что именно состояние защищенности является основополагающим, конструктивным признаком безопасности, и что это понятие применимо и к безопасности субъектов уголовного права.

Вторая глава монографии посвящена политической концепции безопасности. Автор доказывает, что политическая концепция безопасности концентрируется в политике национальной безопасности, в которой имеет место концептуальная схема: интересы (национальные интересы) – угрозы (угрозы национальной безопасности) – защита (обеспечение национальной безопасности). Далее автор в данной главе рассматривает понятие и содержание всех структурных элементов данной схемы. Наиболее подробно рассматривается относительно новое для общей теории права и уголовного права понятие национальных интересов, поднимается вопрос о тождественности понятий «национальные интересы» и «государ-

ственные интересы», соответственно, «нация» и «государство», «общество» и «государство». На основе проведенного анализа делается вывод, что национальные интересы Российской Федерации – это объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии.

В третьей главе анализу подвергается уголовно-политическая концепция безопасности. В этой главе на основе выводов, сделанных в двух предыдущих главах, автор развивает концепцию общих (общерегулятивных) или так называемых абсолютных правоотношений в уголовном праве. Подвергая критическому анализу работы авторов по общей теории права и по уголовному праву, автор монографии доказывает, что они имеют такое же право на существование, как охранительные уголовные правоотношения. Далее в работе анализируются и определяются структурные элементы такого регулятивного правоотношения. По мнению автора, объектом общих (общерегулятивных) или абсолютных правоотношений является безопасность субъектов уголовного права – личности, общества и государства. Соответственно, субъектами уголовного права в контексте общих (общерегулятивных) или абсолютных правовых отношений являются личность, общество и государство.

Автор приходит к верному, на наш взгляд, выводу, что признание существования общих (общерегулятивных) или абсолютных уголовно-правовых отношений способствует устранению распространенной точки зрения о неравном друг к другу отношении личности, общества и государства в публично-правовых отношениях. Особенность названных уголовно-правовых отношений состоит в равноправии субъектов уголовного права, выражающемся в одинаковой оценке, и достаточном отражении в объектах уголовно-правовой охраны всех жизненно-важных интересов личности, общества и государства.

Возвращаясь к понятию безопасности как защищенности от угроз применительно к регулятивному правоотношению, выдвигается тезис о том, что к внутренним угрозам в уголовно-политической концепции безопасности относятся необоснованно

репрессивные средства уголовно-правового воздействия, а к внешним угрозам – опасное деяние, признаваемое преступлением, и опасная с криминологической точки зрения личность.

Стоит поддержать позицию автора, которая достаточно смело и вопреки традиционным представлениям общественную опасность преступления связывает не только с опасным деянием, но и с криминологически опасной личностью. Следует согласиться и с тем, что к внутренним угрозам необходимо отнести и необоснованно репрессивные средства уголовно-правового воздействия. К сожалению, чрезмерная и излишняя криминализация современного периода развития уголовного права подтверждает данный тезис.

В число мер обеспечения безопасности, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности, входят и уголовно-правовые меры обеспечения безопасности, к которым в соответствии с ч. 2 ст. 2 УК относятся: 1) основание и принципы уголовной ответственности; 2) криминализация; 3) наказание; 4) иные меры уголовно-правового характера.

В четвертой главе Г. А. Решетникова подвергает анализу понятие, которое выступает противоположностью безопасности – понятие общественной опасности в уголовном праве. Сущность категории «общественная опасность» заключается, по ее мнению, в обоснованной легитимации формального закрепления правового запрета (уголовно-правового запрета). Автор также считает, что степень и характер общественной опасности выполняют важную политико-правовую функцию, обеспечивая баланс между свободой личности и необходимостью обеспечения безопасности интересов личности, общества и государства с помощью средств уголовно-правового воздействия.

В пятой главе монографии анализируются системные свойства Особенной части УК РФ и ее значение для обеспечения национальной безопасности. Данная глава, как нам представляется, является мостиком между теоретическими рассуждениями автора о понятии и свойствах безопасности субъектов уголовного права к практическим вопросам их законодательной регламентации.

Поскольку субъекты общего (общерегулятивного) или абсолютного уголовно-правового отношения являются равноправными, то и обеспечение их безопасности методами уголовного закона должно быть равнозначным. Проведенный автором анализ системы Особенной части действующего Уголовного кодекса РФ с позиции стратегических национальных интересов, закрепленных в Стратегиях национальной безопасности, позволяет поставить под сомнение соответствие системы действующего уголовного законодательства национальным интересам России.

В конце пятой главы монографии автор, по всей очевидности, ставит перед собой задачу для продолжения работы: «...задача заключается в обеспечении средствами уголовного закона соответствующего отражения в Особенной части УК сбалансированных интересов личности, общества и государства, в создании эффективного механизма их уголовно-правовой охраны, а значит, и уголовно-правовой охраны национальной безопасности».

Смеем надеяться, что в своей последующей работе автор решит эту задачу.

В заключение хотелось бы сказать, что данная работа требует серьезного, вдумчивого чтения, поскольку в ней рассматриваются сложные и весьма неоднозначные вопросы общей теории права, криминологии, политологии, уголовного права. Но их теоретическое исследование является необходимой методологической предпосылкой для столь же серьезного и обстоятельного рассмотрения проблем нормативного закрепления безопасности всех субъектов регулятивного уголовно-правового отношения в будущем уголовном законодательстве России.

доктор юридических наук, профессор
З. А. Незнамова

ВВЕДЕНИЕ

Безопасность является не только одной из фундаментальных потребностей человека, но и гарантией его социального благополучия. Поэтому закономерным становится использование этого феномена в различных областях знаний, свидетельствующее о его общенаучной и практической значимости, необходимости его разработки на теоретическом уровне, поиска его природы и общего смысла (внутреннего содержания) как концептуального методологического основания.

В любом исследовании, независимо от той или иной отрасли знания, этот поиск, как правило, начинается с определения рассматриваемого понятия. Определение безопасности было дано в Законе РФ «О безопасности» № 2446-1 от 5 марта 1992 г. Но оно больше всего и подвергается критике ввиду «пассивности», «статичности», «чрезмерной идеологизации» и других замечаний, что вызывает сомнение в его пригодности в качестве концептуальной и методологической основы.

Использование философского знания для осмысления сущности феномена «безопасность» позволило установить, что защищенность – это основополагающий, конститутивный признак, определяющий сущность явления «безопасность». Но не защищенности вообще, а защищенности прежде всего человека, находящего свое естественное продолжение в социально-политических и правовых конструкциях (личность, общество, государство, физическое и юридическое лицо).

Содержанием и смыслом существования субъекта является удовлетворение его потребностей, реализация его интересов. С этой точки зрения безопасность связана с различными областями общественной жизни, разносторонними интересами и потребностями субъектов, и ответными действиями по их защите, по реализации их интересов и удовлетворению потребностей.

Эта мысль созвучна концептуальной схеме, использованной в документе стратегического планирования – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: «национальные интересы» –

«угрозы национальной безопасности» – «обеспечение национальной безопасности», где «национальные интересы» – базовое понятие национальной безопасности, смысл которой собственно и заключается в обеспечении защиты личности, общества и государства. Другой вопрос: на что следует «опираться» при постижении сущности этого явления? Как возникли личность, общество и государство? Что явилось основополагающей предпосылкой в этом процессе? Названные вопросы заставили обратиться к идейным основаниям и исследовать процесс теоретического развития указанных явлений, опираясь на результаты, полученные исследователями в области философии, этнографии, политологии, теории и истории права и государства, истории правовых и политических учений и т.д.

Частью внутригосударственной политики является уголовная политика, поэтому для установления основополагающих начал в уголовно-политической концепции безопасности в предлагаемом исследовании была использована та же концептуальная схема, что и в политической концепции безопасности. Использование такой схемы позволило установить ключевые проблемы и конкретные вопросы, на которые необходимо ответить при постижении основных идей уголовно-политической концепции безопасности; выявить и обеспечить ясное и точное представление о базовых понятиях, лежащих в основе уголовно-политической концепции безопасности; найти взаимосвязь между этими понятиями; сформулировать определение понятия «безопасность субъектов уголовного права».

Преимущество названного подхода заключается в возможности продолжить развитие научного знания о безопасности субъектов уголовного права как объекта уголовно-правовой охраны; адекватно оценить объем и качество уголовно-правовых норм, предназначенных для обеспечения безопасности субъектов уголовного права, в целях дальнейшего совершенствования уголовного законодательства; обеспечить баланс интересов личности, общества и государства как основы национальных интересов, нацеленных на консолидацию российского общества и устойчивое развитие Российской Федерации.

ГЛАВА 1. «СОСТОЯНИЕ ЗАЩИЩЕННОСТИ» КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ИДЕЯ ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ

К началу XXI в. вопросы феномена безопасности, как объекта теоретического исследования, его природы и поиска концептуального основания для его социально-философского осмысления, довольно прочно утвердились в отечественной науке. Сам термин приобрел статус общенаучного понятия, выходящего за пределы той или иной области знаний. В этой связи задача заключается в формировании системы знаний о безопасности на теоретико-методологическом уровне, в разработке его универсального определения¹.

Научное изложение определения достигается благодаря комплексному и всестороннему изучению явления. Однако комплексность, всесторонность, системная взаимообусловленность, достоверность и доказательность научного знания не отражают существенных свойств концепции, а скорее, становятся возможными благодаря ей. Это в конечном итоге отражается на качестве разработанных понятий изученного явления, его научном определении². Имея в виду, что любая концепция предполагает наличие концепта (общего смысла (содержания) понятия)³, то без него вообще не может сложиться развитая, организованная форма научного знания, которое дает целостное представление о закономерностях и существующих связях в определенной области действительности⁴.

¹ См.: Владимирова Т. В. Социальная природа информационной безопасности : монография / АНО содействия развитию совр. отечеств. науки. М. : АНО Изд. дом «Науч. обозрение», 2014. С. 6. См. также: Потапова Н. Е. Феноменологический подход к осмыслению понятия безопасности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 29.

² См.: Понятовская Т. Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск, 1996. С. 6.

³ См.: Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Сов. Энциклопедия, 1983. С. 278, 618.

⁴ Там же. С. 676.

Философская концепция безопасности заключается в познании сущности данного понятия как социального явления. Наиболее распространенной точкой зрения об основополагающем смысле (внутреннем содержании) феномена «безопасность» является понимание его как «состояние защищенности», но оно чаще всего и критикуется. Вывод: возникает сомнение в его пригодности выступать в качестве основополагающей идеи философской концепции безопасности.

Проанализируем, насколько приводимые авторами аргументы «против» этой основополагающей идеи весомы и убедительны.

Основной упрек о «состоянии защищенности» в понятии феномена «безопасность» заключается в его «пассивности». О. А. Бельков критикует понятие «безопасность» как состояние защищенности, поскольку само понятие «состояние» отражает статичную данность, хотя «безопасность» надлежит квалифицировать и в динамике (как процесс)⁵. В. Г. Вишняков отмечает: «Состояние означает «быть», «находиться». Государство должно активно действовать, принимать меры и т.д., а не пассивно наблюдать за «состоянием защищенности»⁶. Отсюда следует, что эти позиции близки, так как в них делается акцент на динамике.

Стремлением «примирить» позиции О. А. Белькова и В. Г. Вишнякова можно считать предложение М. А. Ефремовой, которая рассматривает безопасность в широком смысле: «в статике – как состояние защищенности и в динамике – как совокупности мер, принимаемых для обеспечения данного состояния»⁷.

⁵ Бельков О. А. О языке теории и политики национальной безопасности России // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание : материалы Всерос. науч. конф. 4 декабря 2009 г. Москва / Центр пробл. анал. и гос. – упр. проект. М. : Научный эксперт, 2010. С. 153, 154.

⁶ Вишняков В. Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 31.

⁷ Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 56.

Названные доводы неубедительны. Как философская, общеметодологическая категория термин «состояние» отражает специфическую форму реализации бытия, фиксирует момент устойчивости в изменении, развитии, движении материальных объектов в некоторый данный момент времени при определенных условиях. Оно свойственно всем объектам, системам, явлениям, процессам⁸. Как верно заметил А. Л. Симанов, любое изучение чего-либо нужно начинать с выделения его состояний или состояния⁹.

«Состояние» – это также взаимосвязанность и взаимодействие явлений мира, то есть, отражая в первую очередь статику объектов разной природы, оно в той же мере с помощью изменяемых свойств (или параметров состояния) удачно отображает и объясняет разные процессы преобразования вещей и явлений, изменяющих статическую сторону свойств и отношений, раскрывая их динамическую сторону. О. С. Разумовский пишет: «...Если в описании статики процесса категория состояние дает нам интегральное описание главных сущностных параметров объектов в данный момент времени, то в рамках длящегося существования и/или качества объекта в целом, а также его частей и аспектов легко выражаются изменения, процессы, эволюция и т.п. характеристики»¹⁰. В продолжение к сказанному он отмечает: «В целом познанию процессов должно предшествовать познание предметов как относительно неизменных, готовых или как «данных». Только после того, как мы выяснили, что именно движется, изменяется, связывается, взаимодействует, можно перейти к выяснению самой сути данного движения и его характеристик»¹¹.

⁸ Крылов А. А. Психология : учебник. 2-е изд. Москва : Проспект, 2005. С. 183.

⁹ Симанов А. Л. Понятие состояние в научном познании. Философия науки. 2021. № 3 (90). С. 167.

¹⁰ Разумовский О. С. Современный детерминизм и экстремальные принципы в физике. Москва : Наука, 1975. Текст : электронный // Институт исследований природы времени : [сайт]. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/TERMS/razumovsky_dinamika.html

¹¹ Там же.

Следовательно, и статика, и динамика присущи понятию «безопасность» и как результату (состояние защищенности), и как деятельности (совокупности мер по ее обеспечению). Соотнося статику и динамику с помощью термина «состояние», мы считаем, что статика отражает некоторое идеализированное состояние объекта, системы, явления, процесса и т.д., тогда как динамика – это показатель их объективного состояния¹².

Поскольку термин «состояние» относится к понятию, характеризующему функционирование и развитие систем, имеются системные исследования понимания безопасности, причем в контексте кибернетического, синергетического и термодинамического подходов. Общий вывод этих исследований заключается в том, что безопасность представляется как способность социальной системы при негативных воздействиях сохранять свою целостность, устойчивость и стабильность. Например, Н. В. Щедрин считает, что организм, личность, социальную группу, государство, социум и др. можно рассматривать как отдельные системы. Каждая из них является элементом системы большего уровня. Главная цель системы как целого – это самосохранение. В то же время пишет он: «...нормальное функционирование системы зависит от состояния ее частей. В этом смысле система высшего порядка стремится к сохранению входящих в нее элементов. При этом части, чтобы сохраниться как системы, должны иметь относительную автономность. Полное «поглощение» системой входящих в нее «систем – частей» ведет к разрушению последних»¹³. Во избежание таких последствий, по мнению Н. В. Щедрина, «...всякая система должна обеспечивать свою безопасность, то есть состояние целостности, упорядоченности, устойчивости, а также способности к самоуправлению и управлению»¹⁴. Схожую позицию занимает Э. П. Литвинов,

¹² Решетникова Г. А. Политико-философская концепция безопасности: введение в проблему // Вестник Удм. ун-та. Сер. «Экономика и право». 2020. Т. 30, вып. 6. С. 888.

¹³ Щедрин Н. В. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности : монография / под науч. ред. Н. В. Щедрина ; Сиб. федер. ун-т. Красноярск : СФУ, 2010. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 14.

который полагает, что «безопасность есть состояние сложных социальных систем, обеспечивающих и гарантирующих сохранение их целостности, устойчивого динамического развития и эффективного функционирования на заданные цели, а также тех объективных условий, которые этому способствуют»¹⁵. По его мнению, безопасность социальной системы может быть обеспечена только готовностью и способностью самой системы сохранять свое состояние как целостное и устойчивое и активно противостоять различным внутренним и внешним отрицательным воздействиям¹⁶. Наконец, А. М. Якупов под опасностью понимает изменение состояния системы, приводящее к ее гибели и разрушению. Исходя из такого понимания, А. М. Якупов, С. И. Смагин и др. безопасность связывают с состоянием социальной системы, ее равновесностью, способностью к жизнедеятельности и устойчивому развитию основных системных элементов, обеспечивающих ее функционирование¹⁷.

Но не все так определено. Равновесие и неравновесность являются в одинаковой степени неизменными в процессе развития любой системы. Т. Ю. Ивановой справедливо отмечается об обоснованности идеи Н. Д. Кондратьева о параллельном движении противоречивых составляющих, с одной стороны, выражающих их статику, с другой стороны, динамику их развития. То есть неравновесная система не может противостоять случайным изменениям, не способна к адаптации и быстро разрушается, а равновесная система, сдерживая отклонения, сохраняя структуру и поведение, не в состоянии поменяться качественно, и ее разрушение оказывается делом времени¹⁸.

¹⁵ Литвинов Э. П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. 2012. № 1 (7). С. 67.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Якупов А. М. О природе опасности и безопасности, формах их проявления и «зонах живучести» систем // Современные проблемы транспортного комплекса России. 2014. № 5. С. 68. См. также: Самыгин С. И. Социальная безопасность России в условиях информационной реальности : монография / С. И. Самыгин, А. В. Верещагина, И. В. Печуров. М. : РУСАЙНС, 2016. С. 5.

¹⁸ Управление изменениями : учебное пособие / под ред. Т. Ю. Ивановой. Москва : Проспект, 2016. Текст : электронный. URL: <https://books>.

Отмечая преимущества системного подхода, авторы тем не менее отмечают неоднозначность его использования для исследования социальных систем. Состояние – это понятие качественное и количественное. Оно определяется совокупностью переменных параметров, которые имеют пределы допустимых, детерминированных или вероятностных значений. В. Белов и А. Голяков указывают, что задача выбора совокупности параметров, описывающих состояние системы, и установление допустимых границ даже для простых технических систем представляет сложную проблему, а для таких систем, как человек, общество и государство, сложность ее решения возрастает многократно. Само же решение находится в области качественных категорий¹⁹.

По мнению А. И. Позднякова, не всегда несохранение целостности социальной системы является для нее опасным. Возможны ситуации, когда дестабилизация может обернуться благом. Все зависит от конкретного состояния, внешней среды и самой системы²⁰. Например, введенные в отношении России Евросоюзом, США и Украиной санкционные ограничения затронули один из ключевых высокотехнологичных секторов российской экономики – оборонно-промышленный комплекс (ОПК). В частности, под запрет попала импортная электроника, используемая для комплектования продукции ОПК. Разумеется, санкции ограничили процессы экономического роста, но, как отмечают экономисты, наряду с этим мотивировали поиск новых стратегий развития, явились стимулами повышения конкурентоспособности и инновационного роста в экономических системах²¹. А. В. Александрова замечает, что в ряде случаев

google.ru/books?id=raF8DAAQBAJ&pg=PT344&dq=иванова+управление+изменениями

¹⁹ Белов В., Голяков А. Терминологическая база теории безопасности // Стандарты и качество. 2004. № 9. С. 49.

²⁰ Поздняков А. И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // Угрозы и безопасность. 2013. № 21 (210). С. 49.

²¹ Ситникова Л. В., Будник Е. Е., Гумерова Г. Ф. Влияние политики импортозамещения на деятельность предприятий оборонно-промышленного комплекса // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4 (46). Часть 1. Апрель. С. 104.

Россия вынуждена сократить импорт, так как, например, органы государственной власти Украины запретили своим предприятиям совместную деятельность с российским оборонно-промышленным комплексом. Это принесло значительный урон гособоронзаказу РФ, но сделало политику импортозамещения актуальной²².

Свойство устойчивости системы также неопределенно. Бывает, что социальные системы переходят на другой уровень развития (прогресса) лишь вследствие бифуркации и революции²³.

В современной научной терминологии термин «бифуркация» является отличительной чертой (названием) поведения сложных систем, подверженных сильным воздействиям. Один из основателей научного направления И. Р. Пригожин доказал, что при потоке вещества и/или энергии из окружающего пространства в достаточно сложную среду в ней возможно образование новых структур (диссипативные структуры). На основе наблюдений ученого сформировалась точка зрения на эволюцию, где консолидирующий принцип – не стабильное, а динамическое состояние неравновесных систем²⁴. Все системы содержат постоянно флуктуирующие подсистемы. Переломный момент в развитии системы происходит тогда, когда изменения параметров системы под воздействием внутренних и внешних флуктуаций превышают ее адаптационные возможности. В точке бифуркации неравновесие усиливается, поскольку флуктуации, сдерживаемые в устойчивом состоянии в результате нелинейных процессов, выводящих параметры за критические значения, возрастают и влекут скачкообразный переход. В этот критический момент (точка бифуркации) трудно спрогнозировать дальнейшее направление системы: будет ли состояние системы хаотическим или система перейдет на другой уровень упорядоченности и организации²⁵.

²² Александрова А. В., Василенко Н. С., Степанова О. В. и др. Инновации и импортозамещение в промышленности: экономика, теория и практика. СПб. : СПбПУ., 2015. С. 307.

²³ Поздняков А. И. Указ. соч. С. 49.

²⁴ Концепции современного естествознания : учеб. пособие / В. О. Голубинцев [и др.] ; под общ. ред. С. И. Смагина. Изд. 11-е. Ростов /н Д : Феникс, 2009. С. 395.

²⁵ См.: Термодинамика нелинейных биологических процессов. Переход к хаосу : хрестоматия. Екатеринбург, 2008. С. 4.

Истории известны примеры социальных бифуркаций. В 1917 г. участие России в Первой мировой войне, ставшее причиной экономических трудностей, крестьянский вопрос, неправильная национальная политика и т.д. привели ее за пределы стабильности. Система распалась, и из хаоса «Великой Октябрьской Социалистической Революции» возник политический режим большевиков, окончательно закончивший существование в 1991 г. в результате другой бифуркации²⁶.

Г. Николис и И. Пригожин писали: «Ежедневный опыт учит нас, что приспособляемость и пластичность поведения – два основных свойства нелинейных динамических систем, способных совершать переходы вдали от равновесия, относятся к числу наиболее заметных особенностей человеческих сообществ. Поэтому естественно ожидать, что наиболее адекватными для социальных систем будут динамические модели, учитывающие эволюцию и изменчивость. ...Эволюция таких систем определяется поведением действующих лиц во взаимодействии с условиями, накладываемыми внешней средой»²⁷.

Идеи И. Р. Пригожина для многих ученых стали иметь методологическое и своевременное значение для развития теории общества как социальной системы. Своевременность открытий заключалась в том, что современный глобализирующий мир, полный грозящих опасностей его существованию, – это нестабильная и неустойчивая система. Поэтому было необходимо изменить направление исследования от способов равновесия социальных систем и их предопределенности поведения к способам неопределенности их поведения. Использование в науке идей ученого позволило рассматривать общество как социальную систему, состоящую из социального

²⁶ Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира / пер. Ю. А. Данилова ; Центр гуманитарных технологий. М., 1995. Текст : электронный // Гуманитарный портал : [сайт]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4545>

²⁷ Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. М. : Издательство «Мир». 1990. С. 275.

порядка и хаоса. Процессом преодоления противоположности между порядком и хаосом является развитие общества. О. И. Шкаратан верно замечено, что социальные кризисы в этом процессе являются движущей силой перехода от порядка к хаосу²⁸. «Восстановление же устойчивости происходит через выбор людьми одного из возможных путей развития. Выбор направления развития – равнодействующая всех социальных сил, участвующих во взаимодействии по преобразованию общества. Здесь ключевое место занимает выбор идеалов, на основе которых формируется новое общество как преобразованная социальная система с новыми каналами социализации, новой совокупностью социокультурных ценностей»²⁹.

Бифуркация в обществе не обязательно предопределена случаем, так как деятели, создающие в обществе критические ситуации, – это люди. По выражению Э. Ласло, «если они смогут понять природу процесса, в котором им отведена важная роль, то перед ними откроется возможность управлять этим процессом. Они смогут «изнутри» смещать в нужную сторону взаимодействие флуктуации, которое в остальном случайно. ...Когда устоявшиеся убеждения и практика оказываются нефункциональными и устаревают, становится актуальным поиск более функциональных и эффективных идей. Многие новые представления и стратегии лежат на поверхности, и некоторые из них удастся нащупать»³⁰.

В контексте анализируемой нами основополагающей идеи для обеспечения безопасности предпочтительнее не натуралистический, а системно-деятельностный подход. В чем различие этих подходов? При натуралистическом подходе задача заключается в изучении «опасных процессов» объективной реальности, прогнозирование их поведения и принятие надлежащих защитительных мер³¹.

²⁸ Шкаратан О. И. Общество как социальная система // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 135.

²⁹ Там же.

³⁰ Ласло Э. Указ. соч. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4545>

³¹ Кортунов С. В. Концептуальные основы национальной и международной безопасности : учеб.-метод. пособие. М. : Государственный университет – Высшая Школа Экономики, 2007. С. 53.

При системно-деятельностном подходе опасными или безопасными являются сами системы деятельности. С. В. Кортунов считает, что опасность или безопасность обусловлены не «свойствами материала» (явлениями природы, конструкциями, действиями других людей и пр.), а наличием или отсутствием форм организации, средств и методов работы с материалом и протекающими в нем процессами в определенных условиях³². Выходит, знания об опасностях – это знания о недостатках деятельности. Они необходимы при разработке мер по обеспечению безопасности для предупреждения возникновения негативных явлений³³.

Однако, являясь достаточно эффективным подходом (свидетельством этому являются основные политические документы страны, где системный подход использовался и используется: Концепция национальной безопасности Российской Федерации 1997 г.³⁴ (в ред. 2000 г.)³⁵; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.³⁶; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2015 г.³⁷, действующая Стратегия национальной

³² Кортунов С. В. Концептуальные основы национальной и международной безопасности : учеб.-метод. пособие. М. : Государственный университет – Высшая Школа Экономики, 2007. С. 53.

³³ Там же. С. 57.

³⁴ Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации № 1300 от 17 декабря 1997 г. Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>

³⁵ О Концепции национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации № 24 от 10.01.2000. Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927>

³⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 го-да : Указ Президента Российской Федерации № 537 от 12 мая 2009 г. Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/ bank/29277>

³⁷ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г. Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/ bank/40391>

безопасности Российской Федерации 2021 г.³⁸ для объяснения многого в области безопасности) он непродуктивен для выяснения ее сущности. При использовании системного подхода изучение явлений происходит отвлеченно от их конкретной природы, основанное на формальных взаимосвязях между составляющими элементами и на характере их изменения под влиянием внешних условий³⁹. Результаты этих наблюдений объясняются взаимодействием их компонентов, например характером их организации и функционирования, а не с помощью непосредственного обращения к природе вовлеченных в явления механизмов. При системном подходе объект исследования представляется как система, то есть абстрактная формальная взаимосвязь между основными признаками и свойствами, а не как «физическая реальность». Система – это целостный набор элементов (компонентов), взаимосвязанных и взаимодействующих между собой так, чтобы могла реализоваться функция системы. Понимание безопасности как состояния социальной системы (общества, страны), при котором она сохраняет свою целостность, устойчивость (стабильность), способность к эффективному функционированию и устойчивому развитию, а на их основе – возможность надежной защиты всех реальных и потенциальных элементов (подсистем, сфер, объектов) от любых деструктивных внутренних и внешних воздействий, безусловно, как указывает А. И. Поздняков, позволяет получить научные выводы. Однако соотношение понятия «безопасность» с понятиями «целостность», «устойчивость», «стабильность», «способность к эффективному функционированию и развитию», «устойчивое развитие», «деструктивное воздействие», как было показано выше, далеко не однозначно⁴⁰.

³⁸ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

³⁹ Решетникова Г. А. Объекты национальной безопасности: их природа, социально-политическое и правовое значение // Вестн. Удм. ун-та. Сер. «Экономика и право». 2021. Т. 31, вып. 4. С. 692, 693.

⁴⁰ Поздняков А. И. Указ. соч. С. 49.

Следующее критическое замечание касается термина «защищенность». А. А. Гриценко полагает, что защищенность раскрывает не смысл понятия «безопасность», а подразумевает ее обеспечение⁴¹. По мнению Е. В. Штурба, понятие «защита» отображает лишь одну из основных функций безопасности, но не исчерпывает их⁴². О. А. Бельков отмечает, что термин «защищенность» подразумевает лишь сохранение существующего положения, хотя обеспечение безопасности должно включать возможности выхода на качественно иной уровень развития⁴³.

С названными замечаниями по тем же основаниям, отмеченным нами ранее, трудно согласиться, то есть неверным пониманием термина «состояние» только как статичного явления, подменой понятия «результата (итога) деятельности» с самой деятельностью.

Другой позиции придерживается А. А. Смирнов, предлагающий под безопасностью понимать состояние защищенности, включающее комплекс внутренних и внешних условий, обеспечивающих защиту объекта от негативного воздействия внутренних и внешних угроз. Достижение этого состояния предполагает активную деятельность государства (субъектов обеспечения безопасности). Эта активная деятельность составляет содержание обеспечения безопасности, а не самой безопасности, выступающей результатом такой деятельности⁴⁴. Нельзя не согласиться с ним и в том, что поиск какого-то иного, более ёмкого термина, чем термин «защищенность» является весьма затруднительным⁴⁵.

⁴¹ Гриценко А. А. Теоретико-методологические подходы к определению понятия безопасности // Вестник НГУ. Сер. «Философия». 2008. Т. 6, вып. 3. С. 87, 88.

⁴² Штурба Е. В. Историография, источники и методология изучения государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 1-2 (7). С. 22.

⁴³ Бельков О. А. Указ. соч. С. 154.

⁴⁴ Смирнов А. А. Критический анализ ревизионистских подходов к определению понятия «безопасность» // Административное право и процесс. 2015. № 5. С. 17.

⁴⁵ Там же.

И это не случайно. Известно, что толкование начинается с анализа языковой формы выражения понятия. Слово «безопасность» образовано с помощью приставки «без», присоединенной к существительному «опасность». Приставка «без» при присоединении к существительному обозначает недостаток или отсутствие чего-либо. Думаем, поэтому, например, Я. Г. Яновский определяет безопасность как «отсутствие опасности»⁴⁶. Однако в литературе эта позиция называется условной. По мнению В. М. Родачина, отсутствие опасности – фикция, условная реальность⁴⁷. Приставочный способ словообразования заключается в том, что приставка присоединяется лишь к существующему слову, а не к основе. Получается, что для постижения сущности феномена «безопасность» первичное значение слова, если использовать этимологический подход, требует уяснения слова «опасность». Слова «опасность», «спасать», «запас», – полагают лингвисты, – произошли от глагола «пасти», имевшего значение «сторожить» и «защищать». Глагол «защищать» («защитить») образован от названия предмета – «щит»⁴⁸.

Таким образом, «защищенность» – это основополагающий, конститутивный признак, определяющий сущность явления «безопасность»⁴⁹. Прав Г. А. Атаманов, что «с позиции диалектики понятие «безопасность» не может существовать без ее взаимоисключающей и одновременно взаимодополняющей противоположности – «опасность». Дихотомию «безопасность – опасность» следует рассматривать как проекцию дихотомии «бытие – небытие». Безопасность

⁴⁶ Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999. С. 341.

⁴⁷ См.: Родачин В. М. Безопасность как социальное явление // Журнал право и безопасность. 2004. № 4 (13). Текст : электронный // Dpr.ru : [сайт]. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_10_5.htm

⁴⁸ Арсирый А. Г., Дмитриева Г. М. Материалы по занимательной грамматике русского языка. Часть 1. М., 1963. С. 210. Текст : электронный. URL: <https://djvu.online/file/I50EeqYdncBl7>

⁴⁹ Решетникова Г. А. Легальное понятие феномена «безопасность»: критический анализ // Вестн. Удм. ун-та. Сер. «Экономика и право». 2019. Т. 29, вып. 6. С. 889.

является необходимым (но не достаточным) условием бытия. Опасность же выступает как предпосылка и первая стадия небытия»⁵⁰.

Другие критические замечания и подходы к определению сущности безопасности не имеют принципиальных различий. Все определения безопасности, имеющиеся в социально-гуманитарных науках с учетом их содержания и смысла, будь то безопасность как отсутствие опасности для объекта, системы, равно их защищенность от опасностей, или способность объекта противостоять опасностям и угрозам, сохраняя свои системообразующие свойства и др., подразумевают гарантию бытия. В этом контексте формулировка «состояние защищенности» кратко и ясно выражает основную суть феномена «безопасность».

Но не состояние защищенности вообще, а объектов безопасности, прежде всего человека, находящего свое естественное продолжение в таких объектах безопасности, как «личность», «общество» и «государство».

В научной литературе нет однозначной позиции об объектах безопасности. Спорна точка зрения А. И. Позднякова, считающего объектом безопасности ценности. По его мнению, наиболее универсальным и методологически обоснованным следует считать аксиологическое понимание безопасности. Он пишет: «Безопасность любого субъекта с позиции ценностного подхода следует определить как защищенность его ценностей от получения небезразличного для него ущерба»⁵¹. Следуя этой логике, выходит, что уничтожение «носителя» ценностей не представляет никакой опасности. Но не о ценностях же самих по себе идет речь при решении вопросов, например, безопасного существования человека?

Отчасти это объясняется стремлением представителями разных наук дать собственное определение (дефиницию) феномена «безопасность», оставаясь только в рамках конкретной научной дисциплины.

⁵⁰ Атаманов Г. А. Диалектика безопасности. 03.03.2014. Текст : электронный // Блог Атаманова Г.А. : [сайт]. URL: <https://gatamanov.blogspot.com/2014/03/blog-post.html>

⁵¹ Поздняков А. И. Указ. соч. С. 52.

Разные науки, имея свой объект и предмет исследования, анализируют его вне системы присущих ему связей и отношений. Этим достигаются предметная определенность, точность понятийного аппарата, доказательность и др. Следовательно, неизбежны и различные понятия, виды и, соответственно, объекты безопасности⁵².

Исследование видов безопасности (государственной, общественной, экологической, информационной и др.) ограничено той или иной сферой общественной жизни. Но существует ли деятельность и общение без субъекта? Вопрос, не требующий ответа. Проблема деятельности и проблема общения «замыкаются» на проблеме субъекта. Поэтому изучение каждого вида безопасности представляет ценность только как одна из сторон обеспечения безопасного существования субъекта/объекта безопасности. С этой точки зрения безопасность связана с областями общественной жизни, разносторонними интересами и потребностями субъектов, и ответными действиями по их защите, реализации и охране.

Далее, при всей ясности утверждения, что безопасность – это аксиологическая категория, тем не менее эта однозначность лишь кажущаяся вследствие разного понимания ценности в самой философии, то есть как объективного феномена, усматриваемого или усваиваемого субъектом в процессе практической, познавательной, нравственной или эстетической деятельности. Или как феномена субъективного, имеющего своим источником проявляющуюся вовне совокупность интеллектуальных, психологических и нравственных особенностей личности. Либо понимание ценности как субъектно-объектного феномена, имеющего свою природу и выявляющегося только в отношениях между субъектом и объективным бытием⁵³. В последнем случае это означает, что собственно

⁵² Решетникова Г. А. Субъекты уголовного права как объекты безопасности // Вестник Удм. ун-та. Сер. «Экономика и право». 2019. Т. 29, вып. 2. С. 224.

⁵³ Баева Л. В. Экзистенциальная природа ценностей : дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград. 2004. С. 19. Текст : электронный // Baevaludmila.ru : [сайт]. URL: <http://baevaludmila.ru/>

философский подход подразумевает рассмотрение не самой ценности и не самой ценностной оценки (отнесения к ценности), а целостное ценностное отношение, «полюсами» которого являются ценность и оценка. Это отношение образуется особой формой связи объекта и субъекта⁵⁴. При таком подходе вкладываемые смыслы в понятия «субъект» и «объект» являются исключительно философскими. Во-первых, субъект и объект – это взаимоотношение противоположностей одной цельной и только в абстракции расчленяемой системы связей человека с миром. Не бывает субъекта без объекта, и наоборот. Во-вторых, разделение объекта и субъекта отражает понимание человеком своего отличия от внешнего мира, которое и делает осуществимой его осмысленную и целенаправленную деятельность. В-третьих, противоположности «субъект – объект» не наделены безвозвратно установленной привязанностью к определенному предмету. Один и тот же предмет может являться и субъектом, и объектом. Так, в одном отношении человек может быть субъектом, а в другом – объектом. К тому же субъектом может быть не только индивид, но и общество в целом и социальная группа (политические партии, профсоюзные организации и др.), потому как они обладают некоторым коллективным самосознанием и активностью.

Ценностное отношение осуществляется двояко: как отнесение оцениваемого объекта к ценности и как его осмысливание. С одной стороны, восприятие любого объекта складывается из уже сформировавшегося у субъекта представления о ценностях, и его оценка становится отнесением к ценности. Оно происходит эмоционально, впоследствии может в той или иной степени осознаваться и вербализоваться. С другой стороны, ценностное отношение предусматривает возможность, а чаще потребность, в осмысливании оцениваемого или в обнаружении и понимании конкретного смысла,

⁵⁴ Каган М. С. Философская теория ценности. Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1997. Текст : электронный. URL: https://logic-books.ru/sites/default/files/kagan._filosofskaya_teoriya_cennosti.pdf

которое оцениваемый объект имеет для себя как для субъекта. И поскольку как объект сам по себе в своем «в-себе» и «для себя – бытии» смысла не имеет, а находит какой-нибудь из них только при оценке его субъектом, постольку для различных субъектов одинаковый объект может приобретать неодинаковые смыслы. Необходимо учитывать, что ценностное отношение существует во внешней среде (социокультурной), в ней формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со своим окружением, являясь при этом ведущим компонентом, при этом особое значение приобретают прямые и обратные связи как немаловажные условия его функционирования. Каждый объект является элементом системы или системы систем, соответственно, познание должно начинаться не от частей к целому, а от целого к частям, происходить от строения культуры к пониманию самого ценностного отношения в описываемом случае, необходимое место в котором занимает ценностное осмысление мира и предопределяет ценностную ориентацию деятельности людей. Оценивание невозможно вне субъекта, поскольку представляет собой проявление той ценностной предметности, которая стала предметом оценочной деятельности, то есть оценка – это один из способов актуализации ценности в действительности⁵⁵.

Полагаем, именно в этом контексте должен использоваться аксиологический подход при выяснении сущности феномена «безопасность», в рамках которого объектом оценивания (отнесение к ценности) оценивающим субъектом является сама безопасность как состояние защищенности от внутренних и внешних угроз⁵⁶. Все то, что для оценивающего субъекта представляется безопасным, имеет смысл лишь в силу наличия антипода. Феномен

⁵⁵ Стужко В. В. Проблема оценки в философии и науке XX века // Известия Саратовского университета. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2010. Т. 10, вып. 4. С. 47.

⁵⁶ Решетникова Г. А. Политико-философская концепция безопасности: введение в проблему... С. 890.

«безопасность», как отмечалось, не может существовать без взаимоисключающей противоположности – опасности. Понятие «безопасность», по утверждению Г. А. Атаманова, обретает смысл исключительно при существовании «опасности», идущей от определенного «источника угроз»⁵⁷.

Высказанные соображения согласуются с содержанием Стратегии 2021 г., где ценностная ситуация (оценка) используется во многих главах документа, в частности в гл. II «Россия в современном мире», в гл. IV «Обеспечение национальной безопасности», например, при характеристике угроз национальной безопасности и т.д.

Если общее определение верно, то значит «работоспособно» в любых областях знаний. В рассматриваемом случае – в области уголовного права.

В соответствии со ст. 2 УК РФ задачами Уголовного кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и предусматривает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Жизненно важные интересы субъектов уголовного права (объектов безопасности) находят выражение в нормах Особенной части уголовного закона: личности – в разд. VII УК РФ; общества – в разд. IX УК РФ; государства – разд. X и XI УК РФ; экономические интересы всех субъектов уголовного права – личности, общества и государства – в разд. VIII УК РФ, мир и безопасность человечества – в разд. XII

⁵⁷ Атаманов Г. А. Определения понятий «опасность» и «безопасность». 01.01.2016. Текст : электронный // Блог Атаманова Г.А. : [сайт]. URL: https://gata-manov.blogspot.com/2014/07/blog-post_17.html

УК РФ. Представляется, что основополагающая идея «состояние защищенности» в понятии «безопасность» в полной мере отражает уголовно-правовое значение интересов субъектов уголовного права.

Следовательно, названные аргументы «против» неубедительны, чтобы отказаться от «состояния защищенности» как основополагающей идеи философской концепции безопасности в научном поиске решения проблем безопасности. В нашем случае – безопасности субъектов уголовного права.

ГЛАВА 2. ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ

Социальное явление становится политическим, когда в обществе формируется целенаправленная государственная политика по его организации⁵⁸. В Законе РФ «О безопасности» 1992 г. безопасность определялась как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Жизненно важными интересами признавались совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства⁵⁹. В действующем Федеральном законе РФ «О безопасности» 2010 г.⁶⁰ это понятие не раскрывается, что для противников легального исходного определения «безопасность» служит одним из доказательств своей правоты. Так, А. В. Матвеев и В. В. Матвеев пишут: «...невозможность практического применения понятия «безопасность» породило его отсутствие в законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»!»⁶¹. Однако с тем же смыслом либо дословно определение безопасности формулируется в базовом документе стратегического планирования – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г.⁶² (далее – Стратегия 2021 г.) и в других

⁵⁸ Решетникова Г. А. Политико-философская концепция безопасности: введение в проблему... С. 886.

⁵⁹ См. ст. 1 Закона РФ № 2446-1 от 5 марта 1992 г. «О безопасности» (ред. от 26.06.2008) (Утратил силу). Текст : электронный // Портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102015025> (дата обращения: 25.04.2025).

⁶⁰ См. Федеральный закон № 390-ФЗ от 28.12.2010 «О безопасности» (ред. от 05.10.2015). Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32417> (дата обращения: 25.04.2025).

⁶¹ Матвеев А. В., Матвеев В. В. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. Вып. 1 (5). С. 8.

⁶² О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021...

нормативно-правовых актах⁶³, принятых для обеспечения безопасности личности, общества, государства, которые взаимодействуют в разных сферах общественной жизни.

Концептуализация государственной политики по безопасности является обязательной. В ст. 4 Федерального закона «О безопасности» 2010 г. отмечено, что государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер.

Государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления на основе Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утвержденных Президентом Российской Федерации⁶⁴.

В соответствии с ч. 4 ст. 18 Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» Стратегия национальной безопасности Российской Федерации является основой для конструктивного взаимодействия органов государственной власти, организаций и общественных объединений в целях

⁶³ См., напр., ст. 1 Федерального закона № 116-ФЗ от 21 июля 1997 г. «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (ред. от 29.07.2018). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11232>; ст. 1 Федерального закона № 7-ФЗ от 10.01.2002 «Об охране окружающей среды» (ред. от 27.12.2018). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17718>; ст. 2 Федерального закона № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 01.05.2019). Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32492> и др. (дата обращения: 25.04.2025).

⁶⁴ О безопасности : Федеральный закон № 390-ФЗ от 28 декабря 2010 г. (в ред. Федеральных законов от 05.10.2015 № 285-ФЗ; от 06.02.2020 № 6-ФЗ)... (дата обращения: 25.04.2025).

защиты национальных интересов Российской Федерации и обеспечения безопасности личности, общества и государства⁶⁵.

Согласно Стратегии 2021 г. в политике национальной безопасности используется та же концептуальная схема, как и в предыдущих политических документах страны по этому вопросу⁶⁶. Это: интересы (национальные интересы) – угрозы (угрозы национальной безопасности) – защита (обеспечение национальной безопасности).

«Национальные интересы» – это смыслообразующее понятие национальной безопасности, суть которой, собственно, в том и заключается, чтобы обеспечить их защиту⁶⁷. Другой вопрос: на что следует «опираться» при постижении сущности этого явления? Как возникли личность, общество и государство? Что явилось основополагающей предпосылкой в этом процессе? Названные вопросы заставляют обратиться к идейным основаниям и исследовать процесс теоретического развития явления «национальные интересы»⁶⁸.

Термин «национальные интересы» для российской науки достаточно новый. Лишь последние четверть века идет процесс его теоретического осмысления. Есть ученые, которые отрицают положительный смысл (общетеоретическую состоятельность и практическую целесообразность) применения термина «национальные

⁶⁵ О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. (ред. от 18.07.2019). Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 25.04.2025).

⁶⁶ См. Указ Президента Российской Федерации № 1300 от 17 декабря 1997 г. «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации № 24 от 10.01.2000 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации № 537 от 12 мая 2009 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»; Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»...

⁶⁷ Решетникова Г. А. Политико-философская концепция безопасности: введение в проблему... С. 890.

⁶⁸ Там же.

интересы» в политической реальности. Например, в силу его кажущейся видимости (ложности). Д. Е. Фурман пишет: «национальный интерес – псевдопонятие, аналогичное другому родственному понятию «классового интереса», очень удобное в силу своей неопределенности и эмоциональной «заряженности» для политической полемики, но непригодное для научного обсуждения и анализа»⁶⁹.

С нашей точки зрения, явление «национальные интересы» обладает вполне определенными пространственно-временными характеристиками. Одним из объективных показателей является целенаправленная государственная политика (сочетание организационных, социальных, экономических, политических и правовых действий органов власти и управления) по реализации национальных интересов. Справедливо мнение А. А. Кокошина, что «национальные интересы» – это категория реальных политических процессов, термин, уже имеющий сравнительно общепринятое значение⁷⁰.

Для других ученых, в частности Б. Г. Капустина, использование этого феномена невозможно, потому что единый «национальный интерес» предполагает общую «культурную идентичность», достичь которую в условиях «мультикультурализма» или культурного плюрализма нельзя. Поэтому единое понимание общественно-го блага «...будет иметь очень мало общего с идеей «национального интереса»»⁷¹.

⁶⁹ Цит. по: Рековская И. Ф. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической жизни (сводный реферат). Текст : электронный // КиберЛенинка : [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-018-025-ponyatie-natsionalnyy-interes-v-rossiyskoy-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-svodnyy-referat/viewer>

⁷⁰ Кокошин А. А. Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность // Вопросы философии. 2015. № 10. Текст : электронный // Журнал «Вопросы философии» : [сайт]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1258

⁷¹ Цит. по: Рековская И. Ф. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической жизни... URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-018-025-ponyatie-natsionalnyy-interes-v-rossiyskoy-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-svodnyy-referat/viewer>

Вопросы культурного плюрализма или мультикультурализма являются предметом отдельного исследования. Для разрабатываемой нами темы достаточно утверждения, что в демократическом государстве мультикультурализм – это политика взаимного сотрудничества, противоположность политике слияния (ассимиляции). Ее основными принципами являются: культурный плюрализм, толерантность и диалог⁷². О. Н. Астафьева пишет: «Этнокультурное многообразие не мешает формированию определенной гражданской идентификации, которая не тождественна социокультурной идентичности, тем более – национально-культурной (коллективной) идентичности, но является важной частью целостной идентификационной палитры, присущей людям, проживающим в рамках единого государственного образования»⁷³.

В научной литературе считается, что термины «национальные интересы» и «национальная безопасность» произошли от термина «нация». С точки зрения С. Г. Кара-Мурзы, основным вопросом, от решения которого зависит дальнейший контекст исследования, является вопрос о смысле, вкладываемом тем или иным автором в понятие нация как гражданство, как коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии, или нация как этничность, сообщество тех, кого связывают общие язык, история или культурная идентичность⁷⁴.

В контексте национальной безопасности национальные интересы связаны с этническим основанием, но не исчерпываются им.

⁷² См. Всеобщую Декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 32-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО. Париж, 2 ноября, 2001. Текст : электронный // Welcome to the United Nations : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 25.04.2025).

⁷³ Астафьева О. Н. Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном // Знание, понимание, умение. 2008. № 4. С. 16.

⁷⁴ Кара-Мурза С. Г. Государственная политика национально-этнического строительства в современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. № 3. Т. 4. С. 63.

Верными являются слова В. О. Ключевского: «Народ есть население, не только совместно живущее, но и совокупно действующее, имеющее общий язык и общие судьбы. Поэтому в народной памяти обыкновенно надолго удерживаются события, которые впервые коснулись всего народа, в которых весь он принял участие и через это совокупное участие впервые почувствовал себя единым целым»⁷⁵.

Многовековой опыт российской государственности показывает, что географические и геополитические условия обусловили и задали в качестве национального интереса укрепление государства для обеспечения безопасности, мирного проживания этнических, религиозных и других социокультурных общностей. При этом А. Галкин и Ю. Красин отмечают: «...в современных развитых обществах этническое основание уже не играет сколько-нибудь значимой роли в определении национальных интересов. Эти общества становятся этнически смешанными, где национальная принадлежность деполитизируется и уже мало влияет на гражданское положение и, следовательно, на понимание национальных интересов»⁷⁶.

С другой стороны, утверждать, что для России этнический фактор не играет самостоятельной роли, тоже неверно. Напротив, для нашей страны этнический компонент имеет одно из первоочередных значений. Одним из подтверждений этого служат положения Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Стратегия на период до 2025 г.). Согласно этому документу основными вопросами, требующими своего ближайшего разрешения, являются: развитие культур и сохранение языков народов России, упрочнение их духовной общности; создание гарантий для реализации прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств; создание

⁷⁵ Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1 / под ред. В. Л. Янина. М. : Мысль, 1987. С. 120.

⁷⁶ Галкин А., Красин Ю. Национальные интересы и национальная безопасность России // Обозреватель. 1997. № 3. Текст : электронный // Институт стран СНГ : [сайт]. URL: https://i-sng.ru/observer/observer/N3-4_97/017.htm

дополнительных политических, социальных и экономических усилий для обеспечения крепкого национального и межнационального согласия и мира на Северном Кавказе; содействие и поддержка соотечественников, находящихся за рубежом, участие в развитии их связей с Россией⁷⁷. С. Г. Кара-Мурза пишет: «Понятно, что сделать память и культуру общими для всего населения территории, то есть создать гражданскую нацию, можно лишь в том случае, если будут ослаблены различия разных групп, составляющих это население. Таким образом, строительство нации не может быть «бесконфликтным»...»⁷⁸. Тем не менее, – заключает он, – Россия, являясь сложным типом, предполагает построение общей территории и общего культурного ядра при сохранении этничности разных групп населения⁷⁹. Действительно, в соответствии со Стратегией на период до 2025 года основные начала (принципы) и направления, задачи и механизмы осуществления государственной национальной политики России подчинены главным целям – реализации интересов государства, общества, человека и гражданина; сохранению государственного единства и целостности России; сбережению этнокультурной самобытности ее народов; обеспечению баланса общегосударственных интересов и интересов народов России; гарантированию конституционных прав и свобод граждан⁸⁰.

По нашему мнению, лучше всего социально-политический смысл термина «нация» объясняет теория общественного договора. Основная идея этой теории заключается в том, что согласие управляемых является источником легитимности политических институтов.

⁷⁷ Пункт 5 Указа Президента Российской Федерации № 1666 от 19 декабря 2012 г. «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>

⁷⁸ Кара-Мурза С. Г. Указ. соч. С. 63.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации № 1666 от 19 декабря 2012 г...

В политической жизни теория общественного договора занимает прочную позицию, а ее основополагающая идея является господствующей для политического строя современных демократических государств. Нельзя не согласиться с точкой зрения Т. Г. Понятовской, что общие признаки понятия политической концепции заключаются прежде всего в системе взглядов на государство, в основной идее его происхождения⁸¹. Она пишет: «иное решение этого вопроса (иной концепт) предопределяет иную систему взглядов на государство...»⁸².

Основу теории общественного договора, – отмечает О. Б. Соколов, – образует соединение индивидуализма и инструментального подхода к социальному объединению и политическим институтам как к частному ее проявлению. Эти сдерживающие человеческое поведение структуры формируются людьми, рационально руководствующимися своими интересами. Политические же нормы являются подходящим и убедительным способом защиты от угроз и опасностей, которыми грозит состояние анархии. Кроме того, собственный смысл и свое существование политика получает из потребностей людей: в самосохранении; в своей безопасности и своих близких; в создании условий для индивидуальной предпринимательской деятельности и т.д.⁸³. Под рационализмом здесь понимается скорее (как понимал это явление Макс Вебер) то, что действия человеческого индивидуума обуславливаются в первую очередь его целями⁸⁴. Под индивидуализмом, следуя мысли Б. О. Соколова, видится такое общественное устройство, где индивид выступает *raison d'être* (смыслом) политической жизни; варианты политической организации соизмеряются со стремлениями и желаниями конкретных индивидов⁸⁵. В этом контексте политика, политические институты,

⁸¹ Понятовская Т. Г. Указ. соч. С. 31.

⁸² Там же. С. 8.

⁸³ Соколов Б. О. Концепция общественного договора в современной политической теории : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2014. С. 23.

⁸⁴ Там же. С. 25.

⁸⁵ Там же. С. 24.

в том числе и государство, понимаются (объясняются) как средство реализации интересов индивида, удовлетворения его потребностей, что было недопустимо для античной философско-политической мысли, обусловленной всеобщей презумпцией, сформулированной Аристотелем: «Человек есть существо политическое»⁸⁶. Л. В. Поляков отмечает: «Принудительная (встроенная в саму «человеческую природу») социальность человека избавляла любого античного политического мыслителя от необходимости логического обоснования самого факта «социальности». Человека до-общественного, то есть до-политического, согласно этой логике, просто не может быть. А потому сам вопрос о том, как человеку совершить максимально эквивалентный обмен первичной «свободы» на гарантирующий ему безопасность социальный «порядок», принципиально не может быть задан. Его просто некому задавать»⁸⁷.

Основоположник теории общественного договора Т. Гоббс для своей политической концепции выбрал ее основным субъектом самодостаточного индивида, способного к рациональному выбору, являющегося сутью политической жизни. По выражению О. В. Горяинова, «идея человека как центральное звено всей политико-правовой доктрины Гоббса берет свое начало в фигуре «идеального» индивида, то есть субъекта абсолютно свободного. Концепция «естественного состояния» функционирует в политико-правовой доктрине автора «Левиафана» в качестве способа выхода за пределы правовой и государственной реальности для их сущностного определения, <...> является методологическим условием для адекватного объяснения государственно-правовых явлений... »⁸⁸.

⁸⁶ Поляков Л. В. О понимании свободы. Перечитывая И. Берлина // Полития. 2009. № 1. Текст : электронный // ИНТЕЛРОС : [сайт]. URL: http://intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/8471-o-ponimanii-svobody-perechityvaya-iberlina.html

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Горяинов О. В. Политико-правовые идеи Т. Гоббса и их влияние на философию французского просвещения: Теоретико-методологический историко-правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. Текст : электронный // disserCat : [сайт]. URL: <https://www.dissercat.com/>

Итак, по Т. Гоббсу, отправным началом социального развития была «война всех против всех»; чтобы выжить люди заключают общественный договор. Так образуется феномен «социума». Для сдерживания и подавления человеческих страстей и обоюдной вражды вводится институт государства⁸⁹. Разумеется, отражением этого процесса были и реальные политические события. Английская гражданская война (1642–1651), когда страх перед насильственной смертью преобладал, позволила увидеть этот предел и сделать его отправным для философско-политического рассуждения Гоббса. «Гоббс в своей политической философии, – пишет Б. Капустин, – прав не столько теоретически, сколько практически, ибо преодоление состояния общественного коллапса и есть важнейшая ключевая задача. Во имя этой цели и разрабатывается Гоббсом теория нового государства. Нового – не в смысле «очередного» и «сменяющего предыдущее», а в смысле беспрецедентности характера этого государства... Масштаб и новизну вставших задач Гоббс и передает подчеркиванием искусственного характера этого политического образования: Левиафан – искусственный «коллективный человек». Полис был естественным для древних греков, христианское государство – для средневековых европейцев. Для современников же Гоббса, «экономических человек», естественным является безгосударственное состояние «войны всех против всех». Но в нем невозможно жить. Чтобы жить, они должны совершить нечто для себя противоестественное – заняться политикой как целенаправленным и коллективным устроением своего общежития. Они, будучи естественным образом частными лицами, должны как-то перевернуться и выступить в искусственном для них виде граждан, то есть публично-политических субъектов»⁹⁰. Таким образом, современная трактовка феномена «нация» приобретает

⁸⁹ Багдасарян В. Э. Национальное государство сквозь призму идеологий // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. Вып. 3. Т. 4. С. 92.

⁹⁰ Капустин Б. Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.) М., 2004. С. 10.

следующий политический смысл: «совокупность граждан, чей коллективный суверенитет и воля образуют государство»⁹¹.

Обращение к тексту Конституции России позволяет увидеть основную идею происхождения государства. «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, – говорится в преамбуле, – ...принимаем Конституцию Российской Федерации». Объединяясь в целостное (неделимое) демократическое государство, многонациональный народ России провозглашает себя носителем суверенитета и единственным источником власти. Народ, принявший действующую Конституцию Российской Федерации, легитимировал современное Российское государство, придав ему соответствующую политико-юридическую форму.

В настоящей работе термины «народ» и «нация» используются в качестве синонимичных понятий, поэтому их специальное использование (иногда не совпадающее) остается за рамками анализа. В качестве отправного нами используется определение, данное в Стратегии на период до 2025 года, где российская нация – это многонациональный народ Российской Федерации и все составляющие его народы (этнические общности)⁹².

Возникновение наций, где этничность сопряжена с гражданством (или даже преобразована в гражданство), повлекло формирование национального государства⁹³. Его сопутствующим понятием неотступно стало понятие «суверенитет», в дальнейшем получившее свое развитие в различении национального, народного и государственного суверенитетов⁹⁴.

⁹¹ Хобсбаум Э. Цит. по: Босяцкий А., Любашиц В. Я., Филиппова М. К. Возникновение национального государства как государства современного типа // Теория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2015. № 4 (31). С. 124.

⁹² Пункт 8 Указа Президента Российской Федерации № 1666 от 19 декабря 2012 г. «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»...

⁹³ Кара-Мурза С. Г. Указ. соч. С. 62.

⁹⁴ Решетникова Г. А. Политико-философская концепция безопасности: введение в проблему... С. 892.

В рамках дискуссии о национальном государстве ключевыми проблемами являются концепции нации и национализма в целом, включающие все вопросы, возникающие в процессе гражданского и этнокультурного взаимодействия. Какой бы смысл не вкладывало научное сообщество в термин «нация», – отмечает А. А. Кокошин, – этот термин используется гораздо больше как синоним государства, и этой объективной реальностью нельзя пренебрегать. Именно в этом качестве он используется в международном праве и в международно-правовых документах ООН⁹⁵.

Данное утверждение поднимает вопрос о тождественности понятий «национальные интересы» и «государственные интересы», соответственно, «нация» и «государство». Р. Р. Улитин пишет: «...Зачастую государственные интересы противопоставляют национальным и общественным. Но если мы говорим о национальном государстве или о нации-государстве, имея в виду неэтнический (в западном понимании) компонент данного понятия, то мы вправе говорить о национальных интересах и интересах государственных если не как о синонимах, то, во всяком случае, как о близко связанных и взаимодополняемых понятиях... Поэтому мы вправе использовать также понятие «национально-государственные интересы»»⁹⁶. А. А. Борисенков считает, что «национальные интересы» и «интересы государства» различны. Они каким-то образом между собой связаны, но с формально-логической точки зрения как виды они неодинаковые. В этой связи используемая в Стратегии национальной безопасности формулировка «национальные интересы Российской Федерации» некорректна, поскольку происходит смешивание двух разных видов интересов⁹⁷.

⁹⁵ Кокошин А. А. Указ. соч.

⁹⁶ Улитин Р. Р. Соотношение понятий «национальный интерес» и «национальная безопасность» в трудах западных и отечественных исследователей // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Международные отношения, Политология, Регионоведение». 2003. № 1. С. 131.

⁹⁷ Борисенков А. А. Представления об индивидуальном интересе и их значении для изучения национальных интересов // Вестник Сибир. ин-та бизнеса и информационных технологий. 2015. № 3 (15). С. 62.

Ответа на вопрос, каким же образом связаны «национальные интересы» и «государственные интересы», в используемой нами работе А. А. Борисенкова нет. Тем не менее ему ясно и то (он об этом пишет), что термин «Российская Федерация» подразумевает не общество или нацию, а государство, имеющее собственные интересы⁹⁸. Но интерес государства, полагаем, в первую очередь, заключается в защите представляемой им социально-политической общности (нации). Собственно, этим и обуславливается легитимность власти государства. Государство в международных отношениях выступает от имени нации, и представляемые им интересы расцениваются как национальные. Но это не значит, что происходит подмена государственных интересов национальными интересами или то, что государственные интересы являются простыми производными от национальных интересов. Поэтому отождествлять национальные интересы государственными интересами неверно. Так же как неверно в контексте национальной безопасности при толковании термина «нация» ограничиваться только одним из его возможных смыслов (этническим, социальным, политическим и т.д.). Здесь феномен «нация» включает в себя все смыслы, преобразовывается в единое системное понятие, тем самым приобретая качественно иной смысл. Об адекватном отражении национальных интересов можно вести речь лишь при соразмерном учете всех сторон общественной жизни, включая политическую, внешнеэкономическую, социальную, этническую, культурную и др., а также духовные ценности, традиции и обычаи многонационального народа⁹⁹.

⁹⁸ Борисенков А. А. Представления об индивидуальном интересе и их значении для изучения национальных интересов // Вестник Сибир. ин-та бизнеса и информационных технологий. 2015. № 3 (15). С. 62.

⁹⁹ Решетникова Г. А. Понятие «национальные интересы» в контексте национальной безопасности Российской Федерации // Вестн. Удм. ун-та. Сер. «Экономика и прав». 2020. Т. 30, вып. 3. С. 443; см. также: Елин В. М. Теоретические аспекты формирования национальной безопасности // Инновации и инвестиции. 2022. № 9. С. 243.

Не менее важным является вопрос о предпосылках (условиях) формирования теории общественного договора. Основополагающей предпосылкой, наряду с достижениями научно-технической революции, с зарождением естественно-правовой доктрины и развитием позитивного права, явилось изменение, произошедшее в общей ориентации философии, обращенной к человеку и его земному существованию. Б. Капустин пишет: ««естественное состояние» – не описание, пусть абстрактно-теоретическое, какой-то эпохи или формы человеческой жизни. Это прежде всего аналитическая модель, позволяющая увидеть важную тенденцию новоевропейской жизни – тенденцию эрозии старых «естественных» этико-религиозных форм регуляции человеческих отношений под влиянием нового буржуазного «рационального» индивидуализма, а вместе с ними – и покоящихся на них форм политической и правовой организации. Домысленная «до конца», до своего логического предела, которыми оказывается «война всех против всех», эта тенденция представляла тотальным разрушением самих основ социальной жизни»¹⁰⁰.

Последствием этих изменений, как отмечалось ранее, стало развитие новых представлений об индивиде и рациональности. Авторы (Гоббс Т, Локк Д, Руссо Ж. Ж., Кант И. и др.), руководствующиеся духом идей общественного договора, приходили к различным выводам о способах организации политической власти и по другим вопросам государственного строительства, но пользовались общей предпосылкой: индивидуальные интересы являются базовой причиной человеческого общения (взаимодействия). Отдельный человек является источником всего политического, главной целью политики и мерой ее эффективности. Легитимно лишь то политическое устройство, которое содействует реализации потребностей человека.

Однако «ноевропейский индивидуализм» это не только «продукт» теории общественного договора. Это результат длительного развития концепции субъекта, наиболее ярко нашедший свое

¹⁰⁰ Капустин Б. Указ. соч. М., 2004. С. 9, 10.

выражение у Декарта, это и идеи протестантских доктрин, и собственное Ренессансу поклонение человеку, и процесс Реформации. Так или иначе, концепция человека развивала все магистральные идеи современной политической философии, начиная от «гражданского общества и прав человека» до «государства всеобщего благосостояния»¹⁰¹, наконец, концепции личности. Традиционному обществу с созвучной ему традиционной культурой требовалась строгая социальная иерархия с четко установленным за каждым своим членом его места в этой системе. До разрушения феодального традиционного общества личность, имманентным качеством которой является способность духовного самоутверждения, свободного выбора форм поведения и деятельности, могла быть только исключением. Типичными же разновидностями «безличности» индивида были социальные институты монашества и рыцарства, юридически закрепленные сословные права и обязанности, определявшие принадлежность к дворянству, духовенству, к крестьянской общине, к ремесленному цеху, к торговой гильдии. Возрождение, Реформация и республиканизация, – указывает М. С. Каган, – три пути формирования индивидуального сознания человека и права выбора каждым своих нравственных, эстетических, религиозных, политических ценностей – рождали Личность как носителя свободы и самоидентификации, самосуществования, самореализации...¹⁰².

Россия реализовала естественно-правовую идею, продиктованную «революционным преобразованием общей картины мира и представлений о человеческой природе»¹⁰³ в ст. 2 Конституции РФ. Согласно ее норме признание прав и свобод человека в качестве высшей ценности – это органически присущий признак правового государства. Права и свободы определяют место человека в его взаимосвязях с обществом и государством, выдвигая человека

¹⁰¹ Соколов Б. О. Указ. соч. С. 24.

¹⁰² Каган М. С. Проблемы методологии гуманитарного познания. Избранные труды : для вузов. М. : Издательство «Юрайт». 2019. С. 276, 277.

¹⁰³ Соколов Б. О. Указ. соч. С. 22.

в качестве первоосновы всей политической и социальной организации общественных отношений. Цель этой организации как раз и заключается в обеспечении интересов человека. Высшая ценность прав человека, во-первых, заключается в выражении его свободы. Во-вторых, права человека призваны служить ограничителем всевластия государства, препятствовать произволу государственных органов и должностных лиц, необоснованному вторжению государства в сферу личной свободы человека. Суть разграничения прав и свобод на права и свободы человека и гражданина заключается в разделении гражданского общества и государства. Этим преодолевается односторонний взгляд на человека в его взаимосвязи только с государством, происходит развитие его самоопределения, где движущей силой выступает его индивидуальный интерес, основанный на частной собственности, семье, всей сфере личной жизни, всего того, что опирается на естественные права человека. Формируется гражданское общество. Государство в этом процессе, воздерживаясь от вмешательства в эту сферу, призвано ограждать ее не только от чьего бы то ни было, но и от своего вмешательства. Другими словами, «в гражданском обществе на основе прав человека создаются условия для самоопределения, самореализации личности, обеспечения ее автономии и независимости от любого незаконного воздействия»¹⁰⁴.

Изложенные выше мысли рождают в науке вопрос: почему в таком случае в базовых политических документах страны о национальной безопасности человек не называется в числе объектов безопасности? Например, И. В. Мухин считает, что, игнорируя принцип гуманизма, в качестве объекта обеспечения безопасности выделен социально-психологический абстракт (личность), а не живой из плоти и крови человек. И задается вопросом: как тогда быть с обеспечением безопасности детей и других людей, которые еще или уже не являются личностями? Или «каким образом

¹⁰⁴ Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / под ред. акад. Б. Н. Топорнина. М. : Юрист, 1997. С. 98.

возможно обеспечение в меньшем (государстве) безопасности большего (общества), в части безопасности целого, в элементе безопасности системы, в институте всего социума и т.д.? ...Государство только лишь в совокупности с гражданским обществом составляет общество. Государство – это всегда лишь часть общества и уменьшающаяся в сегодняшней России часть?»¹⁰⁵. С позиции формальной логики Аристотеля, – считает цитируемый автор, – неверно, что объекты обеспечения безопасности расставлены в следующей последовательности: личность, общество, государство, так как объемом (денотат, предметное значение, экстенционал) понятия «общество» шире, чем объем понятия «государство». Правильнее будет последовательность: человек, государство, общество¹⁰⁶. Не согласен И. В. Мухин и с тем, что в качестве объекта безопасности не выделена окружающая среда. Ни люди, ни государство, ни общество не могут быть в безопасности вне среды существования¹⁰⁷.

Трудно понять, какой смысл вкладывал И. В. Мухин в понятие «окружающая среда», так как являясь местом жизнедеятельности общества, она состоит из различных сфер общественной жизни. Ее основанием является социальное взаимодействие. Содержание той или иной сферы общества разное, но его основа всегда межсубъектна. Поэтому в какой из сфер жизни общества (экономической, политической, экологической, духовной и т.д.) не состоялось бы взаимодействие, принципиально другое – оно всегда социально по сути. Такое взаимодействие отображает (в самом общем виде) связи между индивидами и их группами, обуславливаемые целями, потребностями и интересами, которые каждая из сторон стремится достичь, удовлетворить и реализовать¹⁰⁸. Вряд ли оправдана критика

¹⁰⁵ Цит. по: Зеленков М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации : монография. М. : Юридический институт МИИТа. 2013. С. 17, 18.

¹⁰⁶ Там же. С. 18.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ См. также: Социология: основы общей теории : учебник для вузов / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичёв. М. : НОРМА; ИНФРА-М, 2002. С. 128.

И. В. Мухина о замене в объекте безопасности человека личностью. В контексте национальной безопасности триада личность – общество – государство – это социальное бытие человека. Человек, рассматриваемый через концепт личности, понимается в первую очередь как воплощение и выражение социальных связей и отношений конкретного общества. Социальность человека означает, что реализация себя, следовательно, реализация его интересов и удовлетворение потребностей, происходит через взаимодействие с иными субъектами жизни в пространстве регулируемых социальными нормами социальных отношений. С этой точки зрения «личность» – это «итог» общества, то есть индивид, уяснивший социокультурные нормы, в большей или меньшей степени действующий в соответствии с ними. Понятие «личность» является универсальной категорией, употребительной к каждому человеку в любом обществе и культуре. В. Л. Абушенко отмечает: «Социализированный индивид всегда остается самотождественным самому себе в социальных взаимодействиях и характеризуется набором усвоенных характеристик, необходимых для осуществления социальной жизни: сформированностью «Я», вменяемостью, рациональностью, компетентностью и т.д.»¹⁰⁹.

Различие феноменов «человек» и «личность» заключается в том, что последний отображает лишь социальную природу человека, тогда как первый феномен состоит из единства биологического и социального компонентов. Как отвлеченное научное понятие феномен «личность» призван показать отделение человека от природы, ее опосредованность конкретно-историческим типом общественных отношений. Разумеется, биологические предпосылки для становления человека имеют немаловажное значение, но их будущее развитие все же определяется социальными факторами, приобретая черты необходимого соответствия социальным потребностям. Биологическое существование человека осуществляется

¹⁰⁹ Абушенко В. Л. Пресуппозиции изучения личности в классической социологии // Социологический альманах. 2014. № 5. С. 212.

на основе его общественного бытия, следовательно, оно не может быть вне организованных (коллективных) форм общественной жизни¹¹⁰. А. Г. Бережнов пишет: «Хотя природную основу человека составляют его биологические особенности, все же определяющими факторами человека являются не его природные качества, а социально значимые свойства, совокупность которых образует понятие личности. И если деятельность вообще атрибут человека как представителя рода, то особый вид деятельности характеризует человека как представителя конкретно-исторической социальной общности, в силу чего он предстает в качестве личности. Общественное содержание человека с его трудовыми способностями и социальными потребностями – это новое свойство, неизвестное остальной природе»¹¹¹.

По мнению цитируемого автора, анализируя соотношение индивида и общества, К. Маркс подчеркивал их диалектическую взаимосвязь: сущность индивида может быть раскрыта не путем его противопоставления социальному, а через анализ общественных отношений. В то же время общество – не просто сумма индивидов, характеризующихся социальными признаками, а совокупность связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу¹¹². Э. Дюркгейм считал, что общество представляет собой внеиндивидуальную и надиндивидуальную реальность, не сводимую к другим ее видам, включенную в универсальный природный порядок. «Общество – не простая сумма индивидов, но система, образованная из ассоциаций и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную своими особыми свойствами. ...Индивид испытывает давление постоянно существующего общества, где к действию современников присоединяется действие предыдущих поколений и традиций!»¹¹³.

¹¹⁰ Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М. : Изд-во МГУ, 1991. С. 11, 12.

¹¹¹ Там же. С. 11.

¹¹² Там же. С. 12.

¹¹³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / под общ. ред. А. Б. Гофмана. М. : Наука, 1991. С. 493, 496.

Такой взгляд на общество характеризует одну из позиций, согласно которой общество – это целостное образование людей, особый субъект, развивающийся по своим, только ему свойственным законам, в котором приходится жить людям и в которое включаются все другие (объединения) группы¹¹⁴. О. И. Шкаратан пишет: «Итак, конкретные общества выступают как некие целостности, в рамках которых и происходит воспроизводство материальных средств существования и самого человека. В этом смысле мы называем данные целостности «социальными организмами», поскольку их основной функцией является обеспечение вступившим в контакты людям необходимых условий для воспроизводства средств существования и самовоспроизводства. В число таких условий входят: единство территории, единство экономической жизни, общность языка (или наличие языка, служащего наряду с другими средством общения) единство социальных норм, стереотипов и ценностей, позволяющим группам людей устойчиво взаимодействовать и т.д.». Подобными социальными организмами (обществами), – заключает он, – следует, видимо, признать национально-государственные общности¹¹⁵.

Этот вывод ставит вопрос об отождествлении общества и государства, поскольку при положительном ответе – понятие «общество» утрачивает свое самостоятельное значение. По мнению Л. Р. Иванова, с социально-философской точки зрения государство тождественно обществу. Его субстратом является народ, а само оно определяется как особый тип социума, уникальная форма существования общества, сменившая первобытную форму его существования. Форма «государство» – это единственно возможная форма существования общества, поскольку, как показывает история человечества, какой-то иной альтернативы нет. Поэтому вне государственной формы общество существовать и развиваться не может. Ее универсальность характеризуется тем, что форма «государство»

¹¹⁴ Шкаратан О. И. Указ. соч. С. 118.

¹¹⁵ Там же. С. 123.

охватывает все сферы общественной жизни, включая личную жизнь каждого человека, из необходимости ее защиты от чьего-либо вмешательства. А подобную защиту может обеспечить лишь государство¹¹⁶. И тем не менее для Л. Р. Иванова понятия «общество» и «государство» – это не тождественные понятия по следующим причинам. Во-первых, государство является одним из типов общества, который был не всегда, а возник лишь на этапе социальной стратификации. Во-вторых, понятие «общество» может охватывать все население Земли, но всемирного государства не существовало, и перспектива его возникновения призрачна. В этой связи, по утверждению ученого, универсальная государственная форма всегда «привязана» не к обществу как к таковому, не к человечеству в целом и материализуется в конкретном, обособившемся от других социуме, имеющем свое собственное название, свою уникальную культуру и т.д. С этой точки зрения конкретный государственно-организованный социум (государство-страна) является только частью мирового общества, следовательно, категория «общество» сохраняет свое самостоятельное значение и при «широком» социально-философском взгляде на субстрат государства¹¹⁷.

Развернутое объяснение о соотношении понятий «общество» и «государство» дает М. Н. Марченко. Им отмечается, что в период Античности и Средневековья явного разграничения между обществом и государством не существовало. Жизнь общества полностью регламентировалась государством и было им поглощено¹¹⁸. Г. Еллинек писал: «Государство тождественно с составляющими его людьми, – кажется с первого взгляда едва ли не само собой понятным, поэтому отождествление государства и народа относится к древнейшим теориям государства. Оно положено в основу воззрений, популярных

¹¹⁶ Иванов Л. Р. Соотношение государства и общества (проблема субстрата государства) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 2 (43). С. 10.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Марченко М. Н. Соотношение гражданского общества и государства: вопросы теории // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 53.

у народов древности; оно играет значительную роль в средневековом учении о государстве, причем народ нередко рассматривается как источник великой государственной организации. На нем затем основано новейшее учение о народном суверенитете»¹¹⁹. Однако, как заметил М. Н. Марченко, «...весьма спорным представляется утверждение о том, что в более поздний период, включая современный этап развития человеческой цивилизации, вопрос о соотношении общества и государства по существу был решен...»¹²⁰. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к рассуждениям Р. Иеринга о том, что «государство есть общество как держава регулируемой и дисциплинированной принудительной власти», а понятие общества «отчасти совпадает с понятием государства». «Но именно лишь отчасти и именно настолько, насколько цель общества нуждается для своего осуществления во внешнем принуждении. Торговля и промысел, земледелие, фабрикация и промышленность, искусство и науки, домашний быт и право в существенных чертах организуются сами собой. Государство лишь кое-где заявляет свои права, насколько это представляется необходимым для обеспечения от нарушений порядка, установленного целями торговли, промышленности и т.д.»¹²¹. Тем не менее, – по мнению М. Н. Марченко, – несмотря на оговорки и пояснения известного ученого, в его рассуждениях допускается (хотя и «отчасти») смешение государства с обществом и наоборот, просматривается нечеткость в представлении и понимании общества, а, следовательно – и его отношений с государством. Следует согласиться с цитируемым автором в том, что на каждом этапе развития человеческой цивилизации были свои представления как о государстве, так и об обществе, складывающиеся на основе существовавших в тот период государственно-правовых и общественных явлений, так и свое видение их границ и взаимосвязей. Более того, «...в каждой стране процесс

¹¹⁹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 104.

¹²⁰ Марченко М. Н. Указ. соч. С. 53.

¹²¹ Иеринг Р. Цит. по: Марченко М. Н. Указ. соч. С. 53, 54.

эволюции государства и общества, а вместе с тем и характер отношений, возникающих между ними, имеет свои особенности. Эти особенности обусловлены, с одной стороны, историческими, национальными и другими им подобными факторами, а с другой – местом национального государства и общества, которое они занимают в современном мире, и ролью, которую они играют. Государство создается на базе общества, вырастает из него и изначально обуславливается характером общества, а не наоборот»¹²².

О приоритете интересов и ценностей общества над интересами и ценностями государства свидетельствует хотя бы то, что реализация интересов и ценностей общества – суть процесса возникновения и существования государства. «Общество как основа и социальное содержание государства, будучи первичным к нему, и государство как политико-правовая форма организации общественной жизни, будучи вторичным, выступают в отношениях друг с другом не как пассивные объекты, а как активные, уравнивающие и сдерживающие друг друга субъекты»¹²³. Государство может оказывать на общество не только положительное, но и негативное влияние. Это связано, в частности, с тем, что «неолиберальное» государство вынуждено брать на себя все больше «ответственности» за осуществление ряда социальных программ, с усложнением внешнеполитических, экономических и иных процессов, связанных с глобализацией, с изменением представлений («идеологии») о частной собственности и расширением так называемого «корпоративного или менеджериального капитализма», предполагающего усиление «присутствия» государства в экономической сфере» и т.д.¹²⁴. Оказывая прямое воздействие на общество, государство, в свою очередь, подвергается обратному влиянию со стороны общества. Г. Ф. Шершеневич считал, что небольшое число людей, имея в руках государственный механизм, в состоянии глубоко деморализовать общественные силы, что государство способно разрушить работу общества,

¹²² Иеринг Р. Цит. по: Марченко М. Н. Указ. соч. С. 56, 57.

¹²³ Там же. С. 61.

¹²⁴ Там же С. 62.

но бесспорно и то, что общество, в свою очередь, оказывает сильнейшее влияние на государство и что силой, которой оно действует, является общественное мнение. Он подчеркивал, что государственная власть должна быть сильнее всякой другой в обществе. Но когда она становится сильнее самого общества – это опасная гипертрофия¹²⁵.

Таким образом, признание объектами безопасности интересов, ценностей, потребностей, традиций и т.д. возможно лишь во взаимосвязи и взаимодействии с их носителями (в контексте национальной безопасности – личностью, обществом, государством).

Напомним, что предусмотренные в Законе «О безопасности» 2010 г., и в Стратегии 2021 г. виды безопасности (государственная, общественная, экологическая, безопасность личности, информационная и др.), а также те, которые не нашли своего закрепления в названных документах, но рассматриваются в науке, являются решением задач обеспечения безопасности одного или нескольких субъектов социального взаимодействия (личности, общества, государства), имеющих, как аргументировано выше, самостоятельное значение. Следовательно, изучение каждого вида безопасности представляет ценность только как одна из сторон обеспечения безопасного существования субъекта¹²⁶.

Одновременно с этим национальная безопасность, так же как и национальные интересы, – это системное явление. Главными свойствами системы являются целостность и единство, устанавливающиеся в результате взаимосвязи и взаимодействия каждого из элементов системы. Система приобретает новые, качественно иные свойства, которыми элементы системы не обладают (свойство эмерджентности). В аспекте национальной безопасности Российской Федерации национальные интересы, «опредмеченные» потребностями личности, общества и государства, не сводятся к простой их совокупности (сумме). Это целостное, единое и неделимое явление, выражающее объективно значимые потребности личности, общества

¹²⁵ Шершеневич Г.Ф. Цит по: Марченко М. Н. Указ. соч. С. 63.

¹²⁶ Решетникова Г. А. Объекты национальной безопасности: их природа, социально-политическое и правовое значение... С. 692.

и государства, удовлетворение которых гарантирует существование и развитие всей нации. Целостность системы означает, что каждый ее элемент вносит свой вклад в реализацию собственно-целевой функции системы. Хотя бы это системное свойство уже позволяет возразить И. В. Мухину: какое значение в принципе имеет последовательность перечисления объектов безопасности, если личность, общество и государство имеют самостоятельное и равное друг к другу отношение?¹²⁷ Справедливо образное выражение Г. А. Атаманова: «Безопасность имеет мозаичную структуру. То, что сегодня трактуется как самостоятельные виды безопасности, на самом деле является («частичками») ячейками одной общей картины. Из этого образного сравнения следует очень важный вывод: так же как и в мозаике все ячейки имеют равное значение по отношению к целой картине, так и в безопасности – состояние всех сфер деятельности и областей социальных отношений имеет равное значение для достижения конечного результата – безопасности объекта»¹²⁸.

«Угрозы национальной безопасности» – следующий структурный элемент концептуальной схемы. Источники угроз, их виды, критерии классификации и сами классификации, оценка уровней угроз и методика их оценивания – эти и другие вытекающие вопросы являются частой темой для исследований, посвященных проблемам национальной безопасности. Поэтому в настоящей работе обратим внимание лишь на то, что присутствие в концептуальной схеме явления «угрозы национальной безопасности» закономерно¹²⁹. Как отмечалось в предыдущей главе, понятие «безопасность» не может существовать без ее взаимоисключающей и взаимодополняющей противоположности – «опасности». Поэтому, как бы не назы-

¹²⁷ Решетникова Г. А. Объекты национальной безопасности: их природа, социально-политическое и правовое значение... С. 692.

¹²⁸ Атаманов Г. А. Диалектика безопасности. 03.03.2014. Текст : электронный // Блог Атаманова Г.А. : [сайт]. URL: <https://gatamanov.blogspot.com/2014/03/blog-post.html>

¹²⁹ См.: Арсланбекова А. З., Дибиргазиев Д. М. Понятие и структура национальной безопасности // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. 2024. Т. 39, вып. 1. С. 97, 98.

валось явление, способное причинить вред (ущерб) объектам безопасности (состоянию их защищенности), – риск, вызов, угроза и т.д. – это все «опасность», определяемая в Стратегии 2021 г. как «угрозы национальной безопасности»: совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам¹³⁰. В соответствии со Стратегией 2021 г. национальные интересы Российской Федерации – это объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии¹³¹.

С этих позиций смысл категории «интерес» заключается в том, что «интересы» – это условия благополучия, обеспечивающие удовлетворение потребностей субъектов¹³² социального взаимодействия в их безопасности.

Обеспечение национальной безопасности – заключительный элемент концептуальной схемы. Об эффективности обеспечения национальной безопасности свидетельствует ее состояние, напрямую зависимое от реализации интересов личности, общества, государства, от удовлетворения их потребностей: в реализации конституционных прав и свобод граждан, достойного качества и уровня их жизни, гражданского мира и согласия в стране, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономического развития страны¹³³.

Учитывая, что в общем виде концептуальная схема – это совокупность взаимосвязанных понятий и отношений между ними, необходимая и достаточная для получения производного понятия¹³⁴,

¹³⁰ Пункт 5 Указа Президента Российской Федерации № 400 от 2 июля 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»...

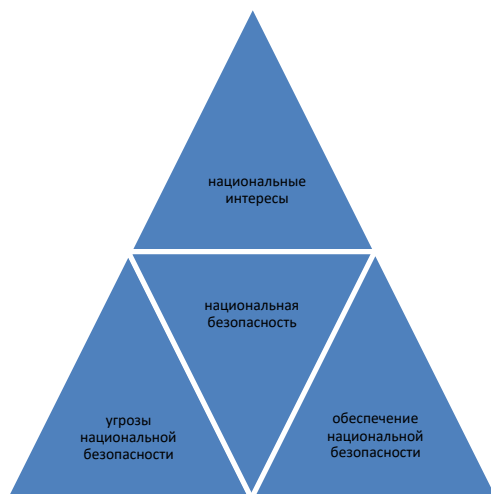
¹³¹ Там же.

¹³² См.: Малинова А. Г. Интерес как правовая категория, его специфика в семейном праве : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2002. С. 40–45.

¹³³ Пункт 5 Указа Президента Российской Федерации № 400 от 2 июля 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»...

¹³⁴ См.: Масленников Е. В. Принципы формирования концептуальной модели предмета исследования в методологическом контексте социо-

под национальной безопасностью, согласно Стратегии 2021 г., понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны¹³⁵.

Таким образом, основополагающими понятиями, входящими в состав политической концепции безопасности (национальной безопасности) являются: национальные интересы – угрозы национальной безопасности – обеспечение национальной безопасности.

В соответствии со ст. 28 Всеобщей Декларации прав человека (1948 г.) каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные

логического измерения // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2011. С. 117–131.

¹³⁵ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021...

в Декларации, могут быть полностью осуществлены¹³⁶. По мнению Н. В. Генрих, «этот порядок, с одной стороны, и есть состояние безопасности человека и общества, а с другой стороны, сам требует некоторой инфраструктуры, которая обеспечивала бы безопасность этого порядка. В любом случае безопасность как порядок и безопасность самого порядка, являясь неперенными условиями выживания человека в природной и социальной среде, относятся к числу фундаментальных прав»¹³⁷. Решающее значение гарантирования этого права принадлежит средствам правового регулирования. В позитивной форме, – отмечает А. А. Фомин, – задача заключается в том, чтобы, пользуясь технико-юридическими возможностями, обеспечить полное и адекватное отражение сбалансированных интересов субъектов социальных отношений в праве, создать действенный юридический механизм их функционирования и безопасности¹³⁸.

Следовательно, нерешенность правовых проблем – это повод для решения вопроса об обеспечении безопасности субъектов социально-политического общения и взаимодействия, в том числе субъектов уголовного права¹³⁹.

¹³⁶ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. Текст : электронный // Welcome to the United Nations : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.04.2025).

¹³⁷ Генрих Н. В. Предмет уголовного права в контексте теоретических проблем правопонимания // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 62.

¹³⁸ Фомин А. А. Юридическая безопасность субъектов российского права: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Саратов, 2008. Текст : электронный // КиберЛенинка : [сайт]. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1275356>; см. также: Аверьянова В. Р., Пилюгина Т. В., Юшкина Т. В. Правовая организация взаимодействия и взаимосвязи национальной безопасности и национальных интересов гражданского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11. С. 128.

¹³⁹ См.: Дрейшев Б. В. Правовая безопасность и проблемы ее обеспечения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 2. Текст : электронный // Научная электронная библиотека : [сайт]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23135341_17345406.pdf; Фомин А. А. Юридическая безопасность и правовая защищенность: состояние и взаимосвязь // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 101.

ГЛАВА 3. ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПОНЯТИЯ УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ

Уголовная политика является частью внутригосударственной политики, и как бы она не определялась юристами, обязательно имеет общие черты, присущие политике как социальной реальности, и специфические черты, отражающие собственную ее природу и назначение¹⁴⁰. По мнению Т. Г. Понятовской, производный характер уголовно-политической концепции определяется тем, что в ее основании лежит тот же концепт, что и у политической концепции¹⁴¹. М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин, В. К. Андриянов считают, что в качестве исходного положения в концепции уголовной политики содержится криминологическая идея. Суть этой идеи – криминологическая безопасность. Соответственно, базой российской уголовной политики, ее стержнем, – пишут они, – следует признать концепцию криминологической безопасности (безопасности от криминальных угроз)¹⁴². Но что в таком случае является основополагающей идеей самой криминологической безопасности? Цитируемые авторы ответа не дают.

Изложенное в предыдущей главе исследование показало, что изучение криминологической безопасности, так же как и других ее видов, необходимо для разработки мер, направленных на обеспечение безопасного существования, прежде всего человека, находящего свое естественное продолжение в социально-политических конструкциях: «личность», «общество», «государство»¹⁴³.

¹⁴⁰ Жалинский А. Э. Избранные труды: в 4 т. Т. 3. Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право / сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов ; отв. ред. О. Л. Дубовик ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 28, 29.

¹⁴¹ Понятовская Т. Г. Указ. соч. С. 26.

¹⁴² Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е., Андриянов В. К. Уголовная политика : учебное пособие. М. : РГУП, 2018. С. 18.

¹⁴³ Решетникова Г. А. Концептуальная схема уголовно-правовой политики в области обеспечения безопасности личности, общества и госу-

Решение вопроса о субъектах уголовного права необходимо начать с общетеоретической концепции «субъект права». Учитывая, что основные (классические) концепции о субъекте права с позиции двух типов правопонимания (естественного и позитивного права) не раз рассматривались в юридической литературе¹⁴⁴, остановимся на современной концепции, разработанной С. И. Архиповым.

По мнению ученого-правоведа, та роль, которая отводится человеку, его правам и свободам, требует иного понимания субъекта права¹⁴⁵. Он считает, что «Новейшие российские кодексы, регулирующие публично-правовые отношения, определяют в качестве участников соответствующих отношений физических и юридических лиц. При этом не учитывается то обстоятельство, что понятия физического лица и юридического лица изначально формировались как частно-правовые, отсюда их использование в публичном праве не может не вызывать сложностей. Неслучайно в отраслевых юридических науках наметилась устойчивая тенденция к созданию «собственных» отраслевых субъектов права»¹⁴⁶. То есть если отраслевыми нормами права регулируются разные отношения, то в каждой отрасли права есть свои собственные субъекты права – участники правоотношений. «Отождествление субъекта с участником

дарства // Вестн. Удм. ун-та. Сер. «Экономика и право». 2024. Т. 34, вып. 2. С. 326.

¹⁴⁴ См.: Биктагиров Р. Т. Субъект права как опорная категория // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 2. С. 47–52; Владимиров С. М. Основные вопросы современной теории субъекта права // Вопросы экономики и права. 2013. № 12. С. 7–11; Гревцов Ю. И. Субъект права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. 2014. Вып. 1. С. 33–39; Дякина Л. П. Определение понятия «субъект права» в контексте основных типов правопонимания // Современная наука. 2011. № 1 (4). С. 21–25; Пономарева Е. В. Методологические проблемы разграничения субъектов права и квазиправовых субъектов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. С. 74–81.

¹⁴⁵ Архипов С. И. Субъекты права (теоретическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 5.

¹⁴⁶ Там же.

правоотношений приводит к тому, что в праве наряду с традиционными субъектами (физическими, юридическими лицами) появляются субъекты – роли»¹⁴⁷.

Названная тенденция не является исключением и для представителей науки уголовного права. Так, А. А. Лакеев указывает на то, что основным признаком субъекта уголовного права является наличие у лица отраслевой правосубъектности, включающей правоспособность, а также правовой статус. Правосубъектность субъекта уголовного права обуславливается особенностями объекта уголовного права, то есть общественного отношения, устанавливающегося в связи с поведением отдельных людей, организации и государства и заключающегося в применении легального или криминального насилия¹⁴⁸. В итоге система субъектов уголовного права у данного автора выглядит следующим образом: 1) преступник; 2) лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии невменяемости; 3) потерпевший; 4) государство; 5) лицо, действовавшее при обстоятельствах, исключающих преступность деяния»¹⁴⁹.

С представленной позицией трудно согласиться. В правовом государстве «насилие» имеет иной смысл. Оно является легитимным в силу добровольного согласия на принуждение тех, против кого оно направлено. Насилие (в собственном смысле этого слова) согласия не предполагает, так как не отвечает интересам тех, против кого оно направляется¹⁵⁰. Справедливо замечание А. В. Иглина: «Понятие «насилие» сформировалось в уголовном праве давно, укоренилось прочно и приобрело конкретно-юридические формы.

¹⁴⁷ Архипов С. И. Субъекты права (теоретическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 29.

¹⁴⁸ Лакеев А. А. Субъекты уголовного права: признаки, система // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 3. С. 108.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ См. подробнее: Гусейнов А. А. Насилие // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека института философии РАН. Текст : электронный // Наука. Искусство. Величие : [сайт]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/964/nasilie.htm>

Для изменения этих представлений нужны очень серьезные социально-политические основания и практическая необходимость»¹⁵¹.

Но существенно другое обстоятельство. Выражаясь словами А. А. Лакеева, «...отраслевая правосубъектность, включающая правоспособность, а также правовой статус, детерминированные спецификой предмета уголовного права»¹⁵², подразумевают существование (участие) субъекта права лишь в уголовно-правовых отношениях. Из этой мысли следует, что отсутствует единство права, а есть только независимые отрасли права со своими собственными субъектами¹⁵³.

Бесспорно, отраслевая правосубъектность имеется, но как элемент общей правосубъектности – единой родовой связи лица с правопорядком. По мнению В. С. Нерсисянца, «и в плане сущности права, и в плоскости его существования имеются в виду свобода, правоспособность и правосубъектность прежде всего именно индивидов, физических лиц, а не наиндивидуальных объединений, институтов, формирований»¹⁵⁴. Отсюда все прочие субъекты права – их естественное продолжение.

Такая точка зрения известна. Так, Н. М. Коркунов считал, что юридические лица как субъекты права – те же люди. «...С точки зрения защитников действительного существования юридических лиц как особых субъектов права, их цели – те же людские интересы... Но интересы эти общи целой группе лиц, состав которой к тому же может быть изменчив, и поэтому юридические нормы, вместо того, чтобы в отдельности разграничивать тождественные интересы целого ряда личностей, рассматривают однородные интересы как одно целое, как один интерес и самую группу как один

¹⁵¹ Иглин А. В. Личность как субъект уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008. С. 26.

¹⁵² Лакеев А. А. Указ. соч. С. 108.

¹⁵³ Решетникова Г. А. Субъекты уголовного права как объекты безопасности... С. 226.

¹⁵⁴ Нерсисянец В. С. Философия права : учебник для вузов. Москва : Изд. группа «ИНФРА-М-НОРМА», 1997. С. 44.

субъект юридического отношения – юридическое лицо»¹⁵⁵. Этими же соображениями руководствовался И. А. Покровский, говоря, что «в создаваемых союзах и учреждениях индивидуальная личность находит себе естественное продолжение и восполнение»¹⁵⁶.

Рассматривая человека в качестве основы (природы) имеющих субъектов права, С. И. Архипов указывает на то, что первая фигура индивида заключает в себе особые индивидуальные интересы (правовую особость), тесно связанные с существованием человека как физического существа. Вторая фигура – юридическое лицо заключает в себе внешне обособленные от человека его общественные, социально-правовые интересы (его обособившуюся социально-правовую природу)¹⁵⁷. Характеризуя понятие «субъект права», он обратил внимание, что субъект права в первую очередь определяется с помощью термина «лицо». Уголовное право не исключение (ст. 5, 6, ч. 2 ст. 7, 10, 11, 12 и т.д.).

Г. Ф. Пухта считал, что понятие «лицо» – абстрактное понятие, потому что «...мы этим понятием обнимаем не все существо человека, а непосредственно только его качество как субъекта воли, все же прочие его свойства принимаем во внимание только посредственно...»¹⁵⁸.

Также идет вразрез натуралистическому представлению о субъекте права и учение Н. Л. Дювернуа. Его взгляд о лице как о правоспособном субъекте – это «...абстракция всегда и везде, где речь идет об организованном гражданском быте»¹⁵⁹.

¹⁵⁵ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Санкт-Петербург, 1909. С. 145, 146.

¹⁵⁶ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Издание Юридического книжного склада «Право». Петроград, 1917. С. 125.

¹⁵⁷ Архипов С. И. Указ. соч. С. 242.

¹⁵⁸ Пухта Г. Ф. Энциклопедия права / под ред. П. Карсевича. Ярославль, 1872. С. 47.

¹⁵⁹ Дювернуа Н. Л. Из курса лекций по гражданскому праву: Введение и часть общая (учение о лицах). 2-е изд. СПб., 1895. С. 258, 259.

Думается, что юридическая реальность, – писал И. А. Покровский, – есть вообще некоторая особая реальность: самый физический человек, превращаясь в юридического субъекта прав, утрачивает в значительной мере свою реальность естественную; для понятия «субъект права» безразличен рост, цвет волос и т.д. В особенности в сфере имущественного оборота право мыслит людей прежде всего в качестве некоторых абстрактных центров хозяйственной жизни. Понятие «субъект права», таким образом, есть вообще некоторое техническое, условное понятие, которое как таковое вполне применимо и к лицам юридическим¹⁶⁰.

Эти суждения позволили С. И. Архипову сделать вывод, что субъект права создается путем абстракции, как обобщающий образ, правовой слепок человека, одинаково прикладываемый и к государству, и к организации, и к индивиду¹⁶¹.

Однако, рассматривая человека как источник права и его конечную цель, тем не менее С. И. Архипов не считает его непосредственным субъектом права. Человек выступает первичным правовым феноменом, от которого через процесс эманации получают свои правовые характеристики все субъекты права – от индивидов до юридических лиц, в том числе государство и иные публичные корпорации¹⁶².

Ученый выделяет несколько ключевых правовых качеств человека: во-первых, автономность и обособленность лица; во-вторых, свойство его опознаваемости, его идентификации; в-третьих, тесная связь с волеспособностью; в-четвертых, участие в социальных (правовых) отношениях в качестве участника, стороны отношений (правоотношений); в-пятых, термины «лицо», «лик», «личность» несут этическую нагрузку, подчеркивая ценность человека и его социальную значимость, что учитывается при определении субъекта права¹⁶³.

¹⁶⁰ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд. Москва, 2001. С. 147.

¹⁶¹ Архипов С. И. Указ. соч. С. 27, 28.

¹⁶² Там же. С. 16

¹⁶³ См. там же. С. 30–35.

В правовой науке к числу достоинств рассматриваемой концепции относят, в частности, трактовку юридического лица как общеправовой категории, позволяющей использовать ее не только в гражданском праве, но и в других отраслях права. Р. Т. Биктагиров пишет: «Научную и законодательную задачу исследователь обоснованно видит в том, чтобы распространить универсальную правовую форму юридического лица на максимальное число социальных субъектов, входящих в правоотношения»¹⁶⁴.

С точки зрения С. И. Архипова, «в качестве юридических лиц могут выступать: государство, муниципальные образования, иные публичные субъекты, также частные корпорации, отдельные люди в отношениях, не связанные с их частным, «физическим» существованием, другие социальные субъекты». Форма юридического лица является открытой для всех видов социальных субъектов, отвечающих определенным критериям. К ним он относит (без учета отраслевой конкретизации) волеиспособность и опознаваемость (идентификацию)¹⁶⁵.

Субъект права, по утверждению С. И. Архипова, есть совокупность помещенных в специальную юридическую форму (в форму юридического лица или индивида) правовых качеств человека¹⁶⁶. Таким образом, субъект права представляет собой неразрывное единство правовой формы и содержания. Его нельзя сводить лишь к одному из этих элементов, когда субъект права отождествляется с правовой формой, то он оказывается «мертвой» правовой конструкцией, лишенной содержания. Когда же субъект права отождествляют с некоторой совокупностью прав и обязанностей, правоотношений или, например, с правовыми действиями, актами правового поведения, то он оказывается чем-то неопределенным, неоформленным, неперсонифицированным. В этом случае его можно отождествлять с любой правовой ролью, правовой функцией или правовой целью. Лишь в единстве правовой формы и содержания субъект права представляет собой правовую ценность¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Биктагиров Р. Т. Указ. соч. С. 56.

¹⁶⁵ Архипов С. И. Указ. соч. С. 353.

¹⁶⁶ Там же. С. 95.

¹⁶⁷ Там же. С. 96, 97.

Из этой концепции следует, что «физическое лицо» и «юридическое лицо» – это не более чем абстрактные юридические понятия, социально-правовые конструкции существования человека в праве, выполняющие служебную функцию реализации его правовых интересов. Социально-политическая сущность социально-правовых конструкций «физическое лицо» и «юридическое лицо» заключается в том, что с их помощью реализуются интересы человека как социального субъекта, существующего в виде других абстрактных социально-политических конструкций – «личность», «общество», «государство»¹⁶⁸, при определенных условиях (предусмотренных правовыми нормами в качестве субъектов (участников) правовых отношений) приобретающих значение политико-правовых конструкций.

Считаем, что именно этот смысл вкладывал Н. С. Таганцев, «...говоря о субъектах прав, на которые посягает виновный, мы придаем этому понятию совершенно своеобразное значение. Понятие субъекта в этом определении не ограничивается лицами физическими и юридическими, но это понятие распространяется на такие фиктивные единения, которые иногда не имеют никакой определенной юридической структуры...»¹⁶⁹.

Опуская социально-экономический и политический контекст периода, в котором проводилась работа, думаем, что этим же замыслом проникнуто высказывание Б. С. Никифорова: «Общественные отношения – это всегда отношения между людьми в процессе их общественного существования, выступающими либо в виде коллективов, в виде таких классовых установлений, как государство, государственный аппарат, вооруженные силы, либо в виде отдельных личностей, в своей деятельности и идеологии, выражающих интересы определенных классов и в этом смысле также представляющих собой социальные явления особого рода»¹⁷⁰.

¹⁶⁸ Решетникова Г. А. Объекты национальной безопасности: их природа, социально-политическое и правовое значение... С. 695.

¹⁶⁹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Часть общ. Т. 1. Тула : Автограф, 2001. С. 49.

¹⁷⁰ Никифоров Б. С. Избранное / составитель: канд. юрид. наук А. А. Гравина. М : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2010. С. 34.

Однако анализируя виды правовых отношений, в которых названные С. И. Архиповым субъекты права могут быть их участниками, выясняется, что в их число не входят те субъекты, которые могут быть участниками общих (общерегулятивных) или абсолютных правовых отношений.

Допуская мысль о существовании политико-правовых феноменов (отдельных социальных общностей), но, не относя их к субъектам права, этот автор называет их метаправовыми субъектами, к которым причисляет нации и народы. Он пишет: «...те аргументы, которые были высказаны различными исследователями в пользу признания отдельных социальных общностей в качестве субъектов права¹⁷¹, не должны быть просто отброшены, исходя лишь из формально-юридических соображений. Как представляется, в лице отдельных социальных общностей (наций и народов) правовая наука имеет особый политико-правовой феномен, применительно к которому можно сформулировать новое общетеоретическое понятие – «метаправовой субъект»¹⁷².

Рациональность использования названного термина он объясняет тем, что народы и нации, представлены в правовых отношениях другими субъектами права в лице индивидов, государства или иных юридических корпораций, но не как их непосредственные участники¹⁷³.

В то же время С. И. Архипов уверен в воздействии метаправовых субъектов на всех участников правового общения, но не внешнее воздействие, а внутреннее, через правовую культуру, правовое сознание субъектов права, систему ценностей и их правовых представлений и т.д.¹⁷⁴.

¹⁷¹ Об отдельных социальных общностях как субъектах права писали: Бойцов В. Я. Система субъектов советского государственного права. Уфа, 1972; Кечежян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958; Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург, 1994; Кравчук С. С. Государственно-правовые отношения в Советском социалистическом государстве // Советское государство и право. 1956. № 10; Щетинин Б. В. Проблемы теории советского государственного права. М., 1969.

¹⁷² Архипов С. И. Указ. соч. С. 361.

¹⁷³ Там же. С. 361, 362.

¹⁷⁴ Там же. С. 363.

Противоположной точки зрения придерживается Н. И. Матузов, считая, что всякое общественное отношение, так или иначе подвергнутое правовому опосредованию (регулированию), является правовым. Он подчеркивает, что речь идет именно о регуляции, а не о простом воздействии права на сознание и поведение людей (психологическом, моральном, превентивном)¹⁷⁵.

Примечательно, что в оглавлении своей диссертации С. И. Архипов включает в главу ««Коллективные» субъекты права» параграф «Метаправовые субъекты (нации и народы)»¹⁷⁶.

А. Н. Кокотов, анализируя правовые свойства и правовые качества этносов (наций, народностей, племен), приходит к выводу об обладании ими признаками субъектов права, где определяющим признаком их правосубъектности является персонификация¹⁷⁷. По его мнению, персонифицированность наций, народностей, племен (этносов) обуславливается в первую очередь совокупностью объективных потребностей и интересов, служащих источником для обособления этноса. Особенностью позиции А. Н. Кокотова является то, что им допускается возможность и доказывается целесообразность конструкции «безответственных» и «необязанных» субъектов права в качестве недееспособных, но правоспособных субъектов¹⁷⁸.

Появление социально-политических, а в последующем политико-правовых феноменов (отдельных социальных общностей, куда следует включить «общество») считаем неслучайным явлением. Оно обусловлено объективными процессами развития человеческого социума.

Формирование общества прошло в несколько ключевых этапов, начиная от простейших форм в виде общины и заканчивая сложной структурой, охватывающей всю территорию государства.

¹⁷⁵ Матузов Н. И. Права человека и общерегулятивные правоотношения. URL: <https://www.iolr.org/wp-content/uploads/2012/04/>

¹⁷⁶ Архипов С. И. Указ. соч. С. 3.

¹⁷⁷ См.: Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург, 1994. С. 45, 46.

¹⁷⁸ Конституционное право России : учебник. Екатеринбург : УрГЮА, 2001. С. 260.

На каждом этапе развития наблюдалась тенденция к усложнению социальных связей и расширению сферы саморегулирования общественных отношений. Как показало исследование в предыдущей главе, общество как самостоятельный субъект способно к самоорганизации, развитию и взаимодействию с другими социальными образованиями. Оно обладает всеми необходимыми функциями для реализации своих собственных интересов, отличных от интересов отдельных лиц, и соответствующими механизмами для достижения поставленных целей во всех основных сферах социальной жизни: духовной, культурной, политической, экономической, правовой.

Представляется, что признание существования общих (общерегулятивных) или абсолютных правоотношений делает избыточным образование (формулирование) нового термина «метаправовые субъекты».

Видный представитель теории общих (общерегулятивных) правовых отношений Н. И. Матузов выделяет следующие их черты: «1) они возникают главным образом на основе норм Конституции и других правовых актов такого же уровня и значения; 2) носят общий, а не строго индивидуализированный и детализированный характер; 3) являются постоянными или продолжительными – их длительность равна длительности действия самого закона; 4) опосредуют наиболее важные, основополагающие, относительно стабильные отношения; 5) выражают общие правовые положения (статус) субъектов, их взаимные права и обязанности, свободу и ответственность друг перед другом и перед государством; в этом смысле их можно назвать статусными; 6) возникают не из тех или иных юридических фактов, а, как правило, непосредственно из закона, точнее, тех обстоятельств, которые привели к его изданию; 7) будучи исходными, первичными (базовыми), служат предпосылкой для появления и функционирования разнообразных, конкретных, отраслевых правоотношений»¹⁷⁹. К этим признакам Н. Н. Вопленко добавляет еще один – общие (общерегулятивные)

¹⁷⁹ Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов. 2003. С. 137.

правовые отношения выражают длящееся во времени правовое состояние связанности субъектов. «Это не столько общественное отношение, а скорее, социальная юридическая связь, которая при наличии юридического факта переходит из состояния абстрактного долженствования в плоскость конкретных прав и обязанностей. И этим состоянием правового долженствования все мы связаны невидимыми внешне нитями с бесконечным множеством иных субъектов: государством, обществом, общественными объединениями, семьей, местом работы и т.д.»¹⁸⁰.

В науке уголовного права одним из первых, кто признал существование общих (общерегулятивных) или абсолютных уголовно-правовых отношений, был М. И. Ковалев. Он писал: «Действие уголовного права, т.е. социальная полезность и эффективность его норм, заключается не только в правильном применении их к конкретным случаям жизни. Оно гораздо глубже и многообразнее. Применение правовых норм есть лишь одна из форм жизни права... Но, кроме этого, у права есть более сложная и более скрытая форма воздействия на общественную жизнь, которая заключается в организующей, воспитательной и мобилизующей роли, присущей праву самим фактом своего существования. И уже оно порождает определенные правоотношения государства с гражданами и граждан между собой»¹⁸¹. Согласно точке зрения процитированного автора, «...уже самим фактом издания соответствующей нормы уголовного права создаются определенные регулятивные правовые отношения. Они представляют собой абсолютные правоотношения. К абсолютным правоотношениям относятся такие, которые определяют строго одну сторону правоотношений, сторону, которой предоставлено определенное право. Что же касается обязанности, то она лежит на всяком и каждом»¹⁸².

¹⁸⁰ Воппенко Н. Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Вестник ВолГУ. Сер. 5. Вып. 6. 2003-2004. С. 86.

¹⁸¹ Советское уголовное право : курс лекций. Вып. 1: Введение в уголовное право / М. И. Ковалёв ; Свердл. юрид. ин-т. Свердловск : СЮИ, 1971. С. 91.

¹⁸² Там же. С. 97.

Отметим, что абсолютные правоотношения то же самое, что и общие (общерегулятивные), а относительные – это конкретные правовые отношения. В основе этого подразделения находится тот же самый критерий, с помощью которого происходит разделение правовых отношений на общие и конкретные правовые отношения, то есть степень конкретности содержания и субъектного состава правоотношения. Н. Н. Вопленко связывает удвоение названий идентичных явлений с консервативностью отраслевых юридических наук к общеправовым понятиям¹⁸³.

Нельзя отрицать, что вопрос об общих (общерегулятивных) или абсолютных правовых отношениях в науке права, в том числе в науке уголовного права, является спорным. Основными аргументами противников существования общих (общерегулятивных) или абсолютных правовых (уголовно-правовых) отношений являются: отождествление правоотношения с нормой права; отсутствие юридического факта – совершения преступления¹⁸⁴; отсутствие четко обозначенных субъектов, их прав и обязанностей¹⁸⁵; сходство по своей юридической природе с конституционными правовыми отношениями¹⁸⁶. Вывод: выделение в предмете таких отношений влечет преувеличенное представление о предмете уголовно-правового регулирования, превращая уголовное право в некую «универсальную» отрасль¹⁸⁷.

Согласно точке зрения Ю. И. Ляпунова, вряд ли кто-нибудь способен серьезно воспринимать утверждение, что все без исключения безусловно законопослушные члены общества являются

¹⁸³ См.: Вопленко Н. Н. Указ. соч. С. 87.

¹⁸⁴ См.: Ляпунов Ю. И. Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны // Уголовное право. 2005. № 1. С. 50.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ См.: Петрова Г. О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования. Нижний Новгород, 1999. С. 26–28; Пудовочкин Ю. Е. Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи // Энциклопедия уголовного права : в 35 т. Т. 1. Понятие уголовного права / под ред. В. Б. Малинина. 2-е изд. СПб., 2008. С. 181.

¹⁸⁷ См.: Яценко Б. В. Противоречия уголовно-правового регулирования. М., 1996. С. 40, 41; Ляпунов, Ю. И. Указ. соч. С. 50, 51.

с момента деликтоспособности и вплоть до своей смерти субъектами уголовных правоотношений, да к тому же и будучи лишенными в их рамках каких-либо прав. Подобная односторонность противоречит самой сути «отношения», в котором всегда есть взаимосвязь, по меньшей мере двух его субъектов, правам и обязанностям одного из которых соответствуют определенные, совершенно конкретные права и обязанности другого¹⁸⁸. По его мнению, очевидно, отнесение так называемых абсолютных правоотношений к предмету уголовного права проистекает, во-первых, из-за смешения понятий «предмет правового регулирования» и «функция права», и, во-вторых, подмены первого понятия, воздействием права на его адресатов¹⁸⁹.

Не такой категоричной в своих суждениях является Н. В. Генрих. Она считает, что общие (общерегулятивные) или абсолютные уголовно-правовые отношения не вправе претендовать на роль предмета уголовно-правового регулирования, но и не исключает их, поскольку придерживается дифференцированного подхода к предмету отрасли уголовного права, включающего в себя предмет уголовно-правовой охраны (наиболее ценные для общества отношения, поставленные под охрану уголовного закона); предмет уголовно-правового воздействия (общественные отношения, связанные с удержанием лиц от нарушений уголовно-правовых запретов); предмет уголовно-правового регулирования (отношения, которые объективно требуют упорядочения именно уголовно-правовыми нормами как специально созданными для этого средствами)¹⁹⁰.

Позиция Ю. И. Ляпунова представляется спорной. Особенностью общих (общерегулятивных) или абсолютных правоотношений является то, что в их основании лежит Конституция РФ как правовой акт, устанавливающий юридический характер отношений между личностью и государством, имеющий значение юридического

¹⁸⁸ Ляпунов Ю. И. Указ. соч. С. 50, 51.

¹⁸⁹ Там же. С. 51.

¹⁹⁰ Генрих Н. В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2011. С. 105, 121.

факта возникновения этих отношений, а не нарушение положений Конституции РФ¹⁹¹. В одном из решений Конституционного Суда РФ указано, что гражданин и государство в Российской Федерации связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями¹⁹².

Общие (общерегулятивные) или абсолютные правовые отношения тем и отличаются от конкретных правоотношений, что в них отсутствует индивидуализированная юридическая связь между конкретными субъектами в соответствии с той правовой ролью, которая им отводится в определенных правовых отношениях. Это больше положения длящейся юридической связи «каждого с каждым».

Утверждение противников выделения общих (общерегулятивных) или абсолютных уголовно-правовых отношений по причине отождествления уголовно-правового отношения с уголовно-правовой нормой, тоже спорно. В этом случае, по словам А. Васильченко, смешивается норма права как элемент позитивного права с возникающей одновременно с появлением юридического факта правовой связью между носителями корреспондирующих субъективных прав и обязанностей. Результатом взаимодействия сторон общего (общерегулятивного) уголовно-правового отношения является фактическое осуществление вне правоприменительного процесса, определенных ч. 1 ст. 2 УК РФ задач уголовного законодательства¹⁹³.

Нет здесь и смешения понятий «предмет правового регулирования» и «функция права». Действительно, эти понятия нетождественные, но взаимосвязанные. Нельзя не согласиться с В. Г. Смирновым в том, что понятие «функция права» синтезирует задачи и способы регулирования общественных отношений, определяет

¹⁹¹ Иглин А. В. Указ. соч. С. 44.

¹⁹² По делу о проверке конституционности положений п. «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова : постановление Конституционного Суда РФ № 17-П от 20 декабря 1995 г. Текст : электронный // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20121995-p/>

¹⁹³ Васильченко А. Общерегулятивные (общие) уголовно-правовые отношения // Уголовное право. 2005. № 4. С. 20.

в единстве цели и методы их регулирования. Но поскольку задачи и методы правового регулирования не могут быть понятны без уяснения структуры и содержания предмета, на который воздействует право, постольку понятие функции права фактически отражает в совокупности предмет, задачи и метод регулирования¹⁹⁴.

Позиция В. Г. Смирнова соответствует положениям теории права, где функциональная роль используется в качестве критерия деления правоотношений на регулятивные и охранительные.

Однако основным аргументом в пользу существования общих (общерегулятивных) или абсолютных уголовно-правовых отношений является то, что в ст. 2 УК РФ речь в первую очередь идет не о лице, совершившем преступление или потерпевшем, а о личности, обществе и государстве, политическое общение между которыми, как верно замечено Н. В. Шигиной, ограничивается регулированием, обеспечением или охраной жизненно важных интересов, определяющих необходимые и достаточные условия их существования¹⁹⁵.

Н. В. Шигина, исследуя вопросы отличий субъектов уголовного права от субъектов уголовно-правовых отношений, приходит к выводу, что с точки зрения сущности уголовного права связи между индивидом (личностью), обществом и государством являются сложными, и они выступают в них в различных субъектных качествах. Помимо собственно уголовно-правовых отношений (в том их значении, которое является наиболее распространенным), права и обязанности субъектов уголовного права могут быть реализованы в уголовно-правовых отношениях иного порядка. Она определяет их как политико-правовые отношения между личностью, обществом и государством. У них есть и собственное содержание. В уголовно-политическом смысле государство использует право устанавливать обращенные к индивиду запреты в жизненно важных интересах

¹⁹⁴ Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования. Ленинград : ЛГУ, 1965. С. 9.

¹⁹⁵ Шигина Н. В. Интерес в уголовном праве (методологический аспект). Владимир, 2007. С. 76.

личности, общества и самого себя (безопасности в широком смысле). Индивид обязан им следовать, в противном случае – нести ответственность за несоблюдение этой обязанности. Одновременно с этим государство обязано гарантировать безопасность личности и общества ненарушением политических границ. Этой обязанности противостоит право индивида требовать от государства соблюдения пределов его репрессивной власти. Несоблюдение указанной обязанности предполагает ответственность государства перед индивидом, которая нашла свое выражение в институте реабилитации¹⁹⁶.

Следовательно, объектом общих (общерегулятивных) или абсолютных правоотношений является безопасность субъектов уголовного права – личности, общества и государства.

Личность, общество и государство к субъектам уголовного права относит также А. В. Иглин. В отличие от Н. В. Шигиной он уточняет, что разграничение отношений между субъектами уголовного права и субъектами уголовно-правовых отношений является условным. Отношения между субъектами уголовного права также выступают в виде правоотношений. Они являются уголовно-правовыми, поскольку охватываются понятием «уголовное право». Указанное разграничение проводится для того, чтобы показать существенное различие между теми и другими субъектами, их статусами (правами и обязанностями) и содержанием отношений между ними. В содержании норм Особенной части УК РФ субъекты отношений, определяемых уголовно-правовыми запретами, выступают под другими именами, наделяются признаками, имеющими конкретно-юридическое значение согласно их роли в юридико-фактических отношениях, гораздо более ограниченное, чем значение признаков субъекта уголовного права¹⁹⁷.

В. Н. Куфлева не разделяет позиции Н. В. Шигиной и А. В. Иглина. По сути, не возражая против государства и личности как субъектов уголовного права, она отрицательно относится к признанию субъектом уголовного права «общества» и высказывает несколько

¹⁹⁶ Цит. по: Иглин А. В. Указ. соч. С. 51, 52.

¹⁹⁷ Там же. С. 45.

принципиальных, по ее мнению, замечаний. Во-первых, отсутствие у общества собственных интересов, отличных от интересов отдельных лиц и государства. Оно не имеет правоспособности, не может приобретать и реализовывать какие-либо самостоятельные права. Во-вторых, отождествление субъектов права с субъектами «политического общения» неверно по причине различия субъектов правового и политического общения. Она считает, что субъекты уголовной политики – это другие субъекты, не совпадающие с субъектами уголовного права или субъектами уголовно-правовых отношений¹⁹⁸.

О самостоятельности общества как субъекта политики и права (уголовного права) со своими собственными интересами мы уже писали, поэтому нет необходимости повторяться. Что касается второго замечания, следует отметить, что личность, общество и государство – это три взаимосвязанных политико-правовых феномена, которые могут быть как субъектами, так и объектами уголовно-правовой политики государства.

Государство как основной субъект уголовно-правовой политики выполняет три ключевые функции. На уровне законодательства государство определяет круг охраняемых интересов субъектов уголовного права и формулирует уголовно-правовые запреты, устанавливая этим границы преступного поведения. На уровне правоприменения государство реализует уголовный закон, выбирая варианты уголовно-правового воздействия, вследствие нарушения уголовно-правового запрета. На уровне потерпевшего государство имеет право на охрану собственных интересов.

Государство реализует свою политику (уголовно-правовую политику) через государственные органы, тогда как общество влияет на государственную политику (уголовно-правовую политику) через свои институты. Успешная реализация и эффективность уголовно-правовой политики возможна только при соблюдении баланса интересов всех трех субъектов, их конструктивном взаимодействии.

¹⁹⁸ Куфлева В. Н. К проблеме определения субъектов уголовного права // Юрислингвистика. 2024. № 33. С. 45, 46.

Но существенно другое наше замечание. Позиция В. Н. Куфлевой сформирована на основе того, что в научных исследованиях уголовно-правовые отношения сводятся исключительно к юридико-фактическим отношениям, возникающим вследствие нарушения уголовно-правового запрета или в рамках отношений уголовной ответственности. При этом субъектами таких отношений считаются конкретные лица в зависимости от их роли в данных правоотношениях (например преступник или потерпевший). Но, формируя структуру Особенной части УК РФ, законодатель руководствуется интересами в первую очередь не этих лиц (субъектов), а других субъектов – личности, общества и государства. Именно интересы личности, общества и государства определяют основополагающий критерий для всей системы уголовно-правовой охраны, которая реализуется через механизмы уголовно-правового запрета и уголовной ответственности¹⁹⁹.

Следовательно, специфичность общих (общерегулятивных) или абсолютных уголовно-правовых отношений, ввиду особенностей их структурных элементов, проистекает из специфичности субъектного состава, содержания и объекта. В сравнении с ними уголовно-правовые отношения, обусловленные содержанием уголовно-правового запрета и отношения уголовной ответственности, являются производными, так же как производными являются их субъекты.

Общее (общерегулятивное) или абсолютное уголовно-правовое отношение между субъектами уголовного права определяет объекты уголовно-правовой охраны, получающие отражение в тексте уголовного закона и влияющие на структуру его Особенной части.

Соответственно, субъектами уголовно права в контексте общих (общерегулятивных) или абсолютных правовых отношений являются личность, общество и государство.

Признание общих (общерегулятивных) или абсолютных уголовно-правовых отношений способствует устранению распространенной точки зрения о неравном друг к другу отношении личности,

¹⁹⁹ Куфлева В. Н. К проблеме определения субъектов уголовного права // Юрислингвистика. 2024. № 33. С. 37

общества и государства в публично-правовых отношениях, в частности, ввиду того, что «...государство как субъект правоотношений всегда будет обладать монополией на принуждение, что уже исключает паритет интересов»²⁰⁰.

Особенность названных уголовно-правовых отношений состоит в равноправии субъектов уголовного права, выражающемся в одинаковой оценке, и достаточном отражении в объектах уголовно-правовой охраны всех жизненно-важных интересов личности, общества и государства.

Но что в таком случае является объектом уголовно-правовой охраны?

Формулировка «объект уголовно-правовой охраны» часто используется в литературе по уголовному праву обычно в исследованиях, прямо или косвенно затрагивающих вопросы объекта преступления. Одни авторы рассматривают понятие «объект уголовно-правовой охраны» как близкое к понятию «объект преступления», но все же отличающееся. А. Э. Жалинский считает, что «объект уголовно-правовой охраны возникает в момент принятия соответствующей уголовно-правовой нормы. Он может существовать и существует при отсутствии деяний на него посягающих, то есть преступлений. Объект преступления – то, на что посягает преступление, возникает в момент совершения преступления, хотя только при условии существования уголовно-правовой нормы»²⁰¹. Аналогичную позицию занимает Г. В. Верина: «Реализация задачи уголовно-правовой охраны на уровне законодательства осуществляется, прежде всего, путем установления запрета причинения вреда тому или иному объекту под угрозой наказания. Иными словами, призна-

²⁰⁰ Рарог А. И. Соотношение интересов личности и государства в уголовном праве Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 299.

²⁰¹ Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. Т. 2. Уголовное право / сост. К. А. Барышва, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов ; отв. ред. О. Л. Добовик ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 243. Аналогичная точка зрения содержится в учебниках под ред. Б. В. Здравомыслова, Ю. А. Красикова, А. И. Рарога // Уголовное право. Общая часть : учебник. М., 1994. С. 112.

ние определенных общественно опасных деяний, посягающих на те или иные блага и общественные отношения, преступлениями преследует цель реализации задачи уголовно-правовой охраны. В случае совершения преступления данная задача в превентивном аспекте не выполняется, соответствующая цель не достигается. Однако на этом действие права не заканчивается, более того, вступают в силу нормы, предусмотренные Особенной частью Уголовного кодекса»²⁰².

Л. Д. Гаухман полагает, что отличие этих понятий заключается в том, что «первое дает лишь общее представление о круге общественных отношений, защищаемых уголовным законом, то есть имеет общесоциальное значение... Второе имеет уголовно-правовое значение, так как характеризует элемент состава преступления. В этом смысле общественные отношения понимаются при их перечислении в названиях разделов, глав и отдельных статьях УК»²⁰³.

С точки зрения Н. И. Коржанского, разница заключается в различном практическом значении видов объекта преступления. «Для нормотворчества имеют значение только общий, родовой и видовой объекты... В правоприменительной деятельности, напротив, <...> большей частью речь идет о непосредственном объекте <...>, т.е. о том конкретном общественном отношении, которое уже нарушено (изменено) преступлением. По этим признакам можно различать объект уголовно-правовой охраны и непосредственный объект преступления»²⁰⁴. Соответственно, объект уголовно-правовой охраны в понимании автора – это охраняемое уголовным законом общественное отношение, не претерпевшее никаких преступных изменений. В остальном объект уголовно-правовой охраны и объект преступления для Н. И. Коржанского – это целиком схожие понятия²⁰⁵.

²⁰² Верина Г. В. Системные связи объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления: анализ и синтез научной мысли // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2 (36). С. 169, 170.

²⁰³ Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : АО Центр «ЮрИнфоР», 2001. С. 64, 65.

²⁰⁴ Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 85.

²⁰⁵ Там же.

Другие теоретики, используя формулировку «объект уголовно-правовой охраны» в своих исследованиях, непосредственно посвященных объекту преступления или опосредованных им, данную проблему обходят молчанием, видя в этих понятиях их тождественность, неразделимость и взаимозаменяемость. Но в некоторых случаях, когда автор не высказывается прямо об отграничении этих понятий, оно им подразумевается. Например, В. Я. Таций указывает, «...Не только непосредственным и родовым, но и общим объектом всех преступлений является не система <...> общественных отношений, а только те из них, которые охраняются уголовным законодательством... В результате преступного посягательства не только причиняется реальный вред охраняемым общественным отношениям, но и возникают новые, антисоциальные отношения. Они складываются уже между государством и преступником по поводу совершенного последним преступления»²⁰⁶.

В современной уголовно-правовой науке попытки выявить существенные различия рассматриваемых явлений предпринимались путем использования деятельностного подхода. В частности, В. А. Краснопеев отмечает, что «...когда речь идет об объекте уголовно-правовой охраны, одной из основных проблем является выяснение сущности процесса их постановки под охрану уголовным законом. Что же касается понятия «общественные отношения как объект преступления», то <...> одной из основных задач является выяснение механизма причинения вреда преступлением тем общественным отношениям, которые до этого уже были поставлены под охрану уголовным законом»²⁰⁷.

Разумеется, если рассматривать преступление и уголовно-правовую охрану как виды деятельности, между ними имеются существенные отличия. Они различаются и по субъекту, и по мотивам,

²⁰⁶ Таций В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 15.

²⁰⁷ Краснопеев В. А. Объект преступления в российском уголовном праве (теоретико-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2001. С. 106.

целям, задачам, и по способам, наконец, по результатам деятельности. Однако указанный подход не позволяет выявить сущностную, отличительную черту этих явлений²⁰⁸. К такому результату пришел сам В. А. Краснопеев, отметив, что, несмотря на некоторые различия, объектом уголовно-правовой охраны и объектом преступления являются общественные отношения.

Е. Н. Карабанова, указывая отмеченные выше различия, содержанием объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления называет социальную ценность (правовое благо)²⁰⁹.

Есть авторы, полагающие, что разделение этих понятий бессмысленно. Так, по мнению В. Д. Филимонова, «объект уголовно-правовой охраны и объект преступления – идентичные понятия. ...Противопоставление объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления теоретически необоснованно, способно причинить вред – привести к подрыву важнейшего принципа уголовного права – признанию состава преступления единственным основанием уголовной ответственности»²¹⁰. Обращаясь к Ю. А. Демидову, полагавшему, что совпадение понятий «объект преступления» и «объект уголовно-правовой охраны» сводит последнее до уровня «элемента» или «стороны» преступления, что в принципе недопустимо²¹¹, В. Д. Филимонов пишет: «...Ю. А. Демидов не учитывал того,

²⁰⁸ Решетникова Г. А. Об объекте уголовно-правовой охраны в науке уголовного права // Вестн. Удм. ун-та. Сер. «Экономика и право». 2019. Т. 29, вып. 4. С. 531.

²⁰⁹ Карабанова Е. Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве // Журнал российского права. 2018. № 6. Текст : электронный // КиберЛенинка : [сайт]. URL: <file:///C:/Users/QWER/Downloads/popyatie-obekta-prestupleniya-v-sovremennom-ugolo-vnom-prave.pdf>

²¹⁰ Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. С. 6.

²¹¹ Непонятно, – отмечает Ю. А. Демидов, – как советский государственный и общественный строй, социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность, личность и другие объекты уголовно-правовой охраны могут быть «элементом» или «стороной преступлений» // Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 32.

что называя объектом преступления конституционный строй Российской Федерации и по существу все другие охраняемые уголовным правом объекты, причем как родовые, так и видовые и непосредственные, мы допускаем определенное упрощение. Та или иная совокупность общественных отношений становится объектом преступления только во время осуществляемого в отношении нее преступного посягательства. Кроме того, в качестве объекта преступления при этих условиях выступает не вся совокупность общественных отношений, а лишь известная ее часть, ее структурный элемент»²¹². Возникает вопрос: чем в таком случае является оставшаяся часть общественных отношений?

Обзор точек зрения по вопросу отличий объекта уголовно-правовой охраны от объекта преступления можно было бы продолжить, однако этих достаточно для следующих выводов. Во-первых, объект уголовно-правовой охраны значительно шире, поскольку включает все общественные отношения, блага или ценности, которые защищаются уголовным законом. Объект преступления имеет более узкое значение, так как охватывает только те общественные отношения, блага или ценности, которым уже причинен вред конкретным преступлением. Во-вторых, объект уголовно-правовой охраны включает потенциально нарушаемые общественные отношения, блага или ценности, а объект преступления связан с нарушенными общественными отношениями, благами или ценностями в конкретном случае. В-третьих, объект преступления всегда связан с конкретными действиями конкретных лиц и фактическим причинением вреда. Объект уголовно-правовой охраны включает лишь предполагаемые сферы общественных отношений, благ или ценностей, которым может быть причинен вред преступлением. В-четвертых, объект уголовно-правовой охраны определяется рамками всего действующего уголовного законодательства РФ, а объект преступления связан с конкретной нормой УК РФ, которая была нарушена. В-пятых, объект уголовно-правовой охраны возникает с момента

²¹² Филимонов В. Д. Указ. соч. С. 6.

вступления уголовного закона в силу в отличие от объекта преступления, который возникает в момент совершения преступления.

Однако проведенные авторами отграничения не позволяют установить сущностное отличие этих явлений, поскольку объект уголовно-правовой охраны и объект преступления характеризуется учеными в контексте либо общественного отношения, либо ценностей, или благ.

Учение об объекте преступления как общественном отношении, не сдающем своих позиций и в современный период, разделяется не всеми учеными. Опуская нюансы, отметим, что все точки зрения об объекте преступления, отличающиеся от традиционной, можно свести к тому, что объектом преступления признаются: человек²¹³ (люди) и его (их) коллективные образования²¹⁴ или их интересы²¹⁵ (авторы нередко «интерес» отождествляют с понятиями «благо»²¹⁶, «ценность»²¹⁷).

Уязвимость позиции признания объектом преступления человека обсуждалась в научной литературе²¹⁸, так же как и последствия отказа в понимании объекта преступления как общественного отношения. Так, по мнению А. И. Чучаева, непризнание объектом преступления общественных отношений неприемлемо в связи с тем, что эта концепция основана на ценностном подходе к оценке объектов уголовно-правовой охраны и представляется наиболее продук-

²¹³ См.: Тер-Акопов А. А. Проблемы личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. Рязань, 1994. С. 56.

²¹⁴ См.: Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 62.

²¹⁵ См.: Каиржанов Е. К. Интересы трудящихся и уголовный закон. Алма-Ата, 1973. С. 56, 57; Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве. Владивосток, 1997. С. 152; Мальцев В. В. Введение в уголовное право. Волгоград, 2000. С. 73.

²¹⁶ Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 2 т. Т. 1: Общая часть. 3-е изд. доп. и перераб. М., 2004. С. 179; Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 202.

²¹⁷ См.: Карабанова Е. Н. Указ. соч.

²¹⁸ См., напр.: Филимонов В. Д. Указ. соч. С. 6–11.

тивной в социальном плане. Общественные отношения наполнены конкретным содержанием и существуют по поводу определенных ценностей. Они обуславливают выделение потерпевшего и предмет преступления, имеющие собственное уголовно-правовое значение. Кроме того, общественные отношения как объект преступления позволяют отграничивать сходные по другим признакам преступления (что нельзя сделать при признании объектом человека). Наконец, отказ от признания общественных отношений объектом преступления ведет к разрыву естественной связи уголовного права с другими отраслями права, поскольку бланкетные диспозиции уголовно-правовых норм изначально предполагают урегулированность общественных отношений нормами иных отраслей права²¹⁹.

Так, при традиционном подходе к понятию объекта преступления под общественными отношениями понимаются многообразные связи, возникающие между субъектами в процессе экономической, социальной, политической, культурной и т.д. жизни и деятельности. Структура общественного отношения представляет целостную систему образующих ее элементов, взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом. Элементами общественных отношений являются: 1) носители (субъекты) отношений; 2) предмет, по поводу которого существуют отношения; 3) общественно значимая деятельность (социальная связь) как содержание отношений. Каждый структурный элемент общественных отношений отображает различные социальные функции, и в многообразных общественных отношениях они разные. Субъектный состав и социальные функции субъектов в этих отношениях позволяют определить содержание и объем этих отношений. Например, субъектами семейных отношений являются лица, наделенные семейными правами и обязанностями. В их число входят супруги, родители или лица, их заменяющие (усыновители, опекуны, попечители), дети (в том числе усыновленные), другие члены семьи в случаях, прямо предусмотренных семейным законодательством (дедушка, бабушка, внуки, сводные

²¹⁹ Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М. : Эксмо, 2007. С. 84.

братья и сестры, отчим, мачеха, пасынок, падчерица). Содержание семейных отношений раскрывается через осуществление семьей ее социальных функций. Семья выполняет множество функций. Некоторые из них по истечении времени не претерпели существенных изменений, в частности репродуктивная функция. Наряду с ней не менее важной функцией семьи является воспитательная функция. Семья обеспечивает преемственность между различными поколениями, наследование социального опыта, располагая особыми возможностями для воспитания и формирования человека. В семье ребенок усваивает нормы, которые регулируют поведение в различных ситуациях, вырабатывают у него привычки поведения и критерии оценки добра и зла. Кроме названных функций семья выполняет и ряд других: экономическую, бытовую, рекреативную, регулятивную, функцию взаимопомощи членов семьи, коммуникативную функцию, включающую в себя такие компоненты, как посредничество семьи в контакте своих членов со средствами массовой информации, литературой и искусством; организацию внутрисемейного общения и т.д. Функции семьи непосредственно выражают и предметно конкретизируют ее социальную сущность. В них воплощается и раскрывается активная служебная роль семьи, реализуется ее разносторонняя деятельность. Функции семьи возникают и развиваются сообразно задачам и целям. Именно в функциях семьи проявляются и объективизируются закономерности социально-экономических, политических и духовных преобразований в жизни общества. Каждая из них осуществляется исходя из интересов членов семьи, формирования между ними отношений, построенных на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности друг перед другом, создания в семье необходимых условий для воспитания детей. Следовательно, субъектный состав общественных отношений, социальные функции субъектов этих отношений являются свидетельством качественно иной сферы общественных отношений. При этом семейные отношения не состоят из этих свойств, а обладают ими. Однородность семейных отношений не сводится к отдельным их свойствам. Она отражает

целостную характеристику функционального единства существующих свойств семейных отношений, их внутренние и внешние определенности, их отличия от других общественных отношений (или сходства с ними). Однородность семейных отношений отражает устойчивое взаимоотношение его составных элементов, которые характеризуют специфику семейных отношений, дающих возможность отличить это общественное отношение от другого общественного отношения.

Преступления гл. 20 УК РФ направлены против общественных отношений, являющихся семейными правоотношениями, права и обязанности участников которых уже нормативно закреплены. Это дает основание отнести к непосредственным объектам этой группы преступлений следующие общественные отношения: 1) по обеспечению передачи ребенку надлежащего социального опыта (ст. 150, 151, 151.1 УК РФ); 2) по обеспечению действительности факта кровнородственных отношений (ст. 153 УК РФ); 3) по обеспечению нормального функционирования социальных институтов в области семейных отношений (ст. 154 УК РФ); 4) по обеспечению прочной семейной общности (ст. 155 УК РФ); 5) по обеспечению нормального развития и жизнеобеспечения несовершеннолетних (ст. 156 УК РФ); 6) обуславливающие стабильность экономического благополучия семьи и ее членов (ст. 157 УК РФ).

Таким образом, выделение в гл. 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» интересов несовершеннолетних является условным, поскольку речь идет не о самих несовершеннолетних как особой социальной группе, а о детях как членах семьи – пассивных объектах родительской, опекунской, попечительской (семейной) заботы, как участниках семейных отношений, субъектах, нуждающихся в наследовании социального опыта, в благоприятных условиях семьи или условиях заботы в рамках институтов усыновления (удочерения), опеки, попечительства или приемной семьи²²⁰.

²²⁰ Решетникова Г. А. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних : учеб. пособие. Ижевск : Детектив-информ, 2006. С. 75.

Разумеется, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 150, 151, 151.1 УК РФ их субъектами могут быть не только лица, являющиеся участниками семейных отношений. Уголовный закон также требует от этих лиц воздержаться от совершения негативного влияния в отношении несовершеннолетнего для обеспечения надлежащей передачи социального опыта.

Традиционный подход в понимании объекта преступления как общественного отношения имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку, во-первых, помогает установить пределы действия норм той или иной главы УК РФ; во-вторых, установить те из отношений родственной группы, которые еще ненадлежаще защищены и нуждаются в силу этого в уголовно-правовых средствах защиты. В этой связи считаем сомнительным включение в гл. 20 УК РФ состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ). Деяния, ставящие в опасность жизнь и здоровье, должны быть сосредоточены в гл. 16 УК РФ, где личность малолетнего в некоторых составах преступлений являетсяотягчающим уголовную ответственность обстоятельством.

Преступление как основной элемент отношения, определяемого содержанием уголовно-правового запрета, представляет собой индивидуализированную связь между формально определенными лицами. Поэтому объект преступления должен определяться в указанной системе координат, то есть связей, отношений. С этих позиций объектами преступлений являются общественные отношения. Именно они определяют содержание формально-юридических признаков преступления (состава преступления), а также формально-юридических признаков субъектов уголовно-правовых отношений. Последние несут в себе свойства субъектов уголовного права. Через конкретно-юридическое значение прав и законных интересов субъектов уголовно-правовых отношений законодатель определяет форму причинения вреда интересам субъектов уголовного права. Так устанавливается связь между теми и другими субъектами, а также

их интересами, которая тем не менее не определяет ни их тождества, ни тождества их интересов²²¹. Однако общественные отношения не приемлемы для характеристики объектов уголовно-правовой охраны, которые определяются содержанием не индивидуализированных уголовно-правовых отношений, а общих (общерегулятивных) или абсолютных правоотношений между субъектами уголовного права.

Таким образом, объекты уголовно-правовой охраны отличаются от объектов преступлений, так же как различаются понятия «уголовное право» и преступление, подобно тому, как различаются понятия «субъект уголовного права», «субъект уголовно-правового отношения» и субъект преступления²²². А. В. Иглин пишет: «Разграничение понятий «право» и «правоотношение» – в общей теории права является не только предметом научного внимания, но и положением ее доктрины. Это означает, что указанное разграничение выступает необходимым элементом общего правового учения и достигло достаточного уровня обоснованности»²²³. Правоотношение характеризуется индивидуализированной связью между участниками общественных отношений. Это сущностный признак, отличающий его от правовой нормы (совокупности правовых норм, права) – общего правила поведения, имеющего абстрактный характер. Правоотношение образовано от права, оно происходит и существует лишь на основании правовых норм. Если нормы права являются основой правового регулирования, то правоотношения – это детализация общих правил, средств их реализации. Точно также нельзя субъекта права отождествлять с участником правового отношения. Субъект права может участвовать в различных правовых отношениях одновременно, может выполнять различные функции правовой деятельности, оставаясь при этом тем же, кем он является (субъектом права).

²²¹ Иглин С. И. Указ. соч. С. 82.

²²² Там же. С. 81.

²²³ Там же. С. 23.

Н. В. Шигина отмечает, что индивидуальные признаки субъектов уголовно-правовых отношений зависят от многообразия уголовно-правовых запретов, тогда как роли субъектов уголовного права предопределены природой и функцией этой отрасли²²⁴.

По смыслу ст. 2 УК РФ уголовный закон охраняет выделенные им интересы личности, общества и государства, то есть интересы субъектов уголовного права. Следовательно, объектами уголовно-правовой охраны являются интересы личности, общества и государства, где безопасность как гарантия их социального благополучия обеспечивается всей совокупностью средств уголовно-правового воздействия, при помощи которых решается основная задача УК РФ – уголовно-правовая охрана безопасности субъектов уголовного права.

Неотъемлемой чертой политической концепции безопасности (национальной безопасности) является ее универсальность. Содержание уголовно-политической концепции безопасности должно удовлетворять требованиям, предъявляемым к политической концепции безопасности (национальной безопасности), то есть использование той же концептуальной схемы, что и в политической концепции безопасности: интересы – угрозы – защита²²⁵.

В общественных науках «интерес» – это один из распространенных терминов, не имеющий своего однозначного определения. Ученые, использующие его в своих трудах, не дают ему определения, считая «интерес» интуитивно понятным явлением, не требующим отдельного (специального) разъяснения. Анализ работ по философии, социологии, психологии и праву, в которых это явление непосредственно исследуется, показывает, что оно чаще рассматривается как потребность²²⁶ с преобладанием объективных²²⁷ или субъек-

²²⁴ Шигина Н. В. Указ. соч. С. 76.

²²⁵ Решетникова Г. А. Концептуальная схема уголовно-правовой политики в области обеспечения безопасности личности, общества и государства... С. 327.

²²⁶ Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1970. С. 9, 10; Спиридонов Л. И. Теория государства и права : учебник. М. : Гардарики, 1996. С. 194.

тивных моментов²²⁸ либо единством последних²²⁹, либо определяется через понятия выгоды, блага²³⁰. Объективным моментом интереса является то, что формирование человека как существа социального означает одновременно появление человеческих потребностей, с одной стороны, и потребностей общества – с другой. Если сущность человека есть совокупность общественных отношений, выступающих источником формирования человеческих потребностей, то, общественные отношения и есть то звено, которое связывает интересы с их первопричиной – человеческими потребностями. Субъективная сторона интереса выражается в том, что потребность, являясь первопричиной интереса и фактором активной деятельности человека, осознается им лишь вследствие сформированных мотивов и целей поведения²³¹. Следовательно, интерес, включающий в себя объективные и субъективные моменты, по утверждению В. Я. Тация, есть результат, «продукт» деятельности общественных отношений, который не является ни самим общественным отношением, ни его структурным элементом, а самостоятельным суще-

²²⁷ Михайлов С. В. Категория интереса в гражданском (частном) праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 13; Кряжков А. В. Роль прокурора в защите публичных интересов в арбитражном суде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 9.

²²⁸ Белых В. С., Кривошеев И. В. Страхование право. М. : Норма, 2002. С. 85; Кожевников, С. Н. Социально-правовая активность личности // Сов. гос-во и право. 1980. № 9. С. 25; Васькин А. Н. Правовое значение заинтересованности // Рос. юрид. журн. 2001. № 3. С. 110, 111; Фогельсон Ю. Б. Введение в страховое право. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2001. С. 116.

²²⁹ Чинчиков А. А. Роль государства и права в обеспечении социального мира и согласия // Общая теория государства и права : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 326; Свердлов Г. А. Гражданско-правовые способы сочетания общественных, коллективных и личных интересов. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1980. С. 12.

²³⁰ Брауде И. Л. К вопросу об объекте правоотношения по советскому гражданскому праву // Сов. Гос-во и право. 1951. № 3. С. 57; Гуревич М. А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Тр. ВЮЗИ. М. 1965. Т. 3. С. 46.

²³¹ См.: Решетникова Г. А. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних... С. 30–36.

ствующим наряду с общественным отношением, порожденным им социальным феноменом²³².

Если же определять интерес через понятия выгоды или блага, то, по мнению А. Г. Малиновой, нужно использовать понятие «благополучие»²³³. Считаем более точное понятие – это социальное благополучие, поскольку в нем отражается момент совпадения для конкретного субъекта обретенного им блага и удовлетворения за счет этого имеющихся у него потребностей. А также благополучие включает в себя не только индивидуальные, но и социально предпочтительные характеристики достойного существования во всех ключевых сферах жизнедеятельности человека и общества: экономической, социальной, политико-правовой и культурно-духовной.

Жизненным проявлением нормы, – писал Н. С. Таганцев, – может быть лишь то, что дает ей содержание, служит ей оправданием – это интерес жизни, интерес человеческого общежития, употребляя это выражение в широком собирательном значении всего того, что обуславливает бытие и преуспеяние отдельного лица, общества, государства и всего человечества в их физической, умственной и нравственной сферах. ...Обращая интерес жизни в правовое благо, право не только признает бытие этого интереса, не только дает ему охрану и защиту, но и видоизменяет его в объеме, форме, иногда даже в содержании, сглаживая его частный, индивидуальный характер и придавая ему социальное, общественное значение²³⁴.

Социальное благополучие субъекта (личности, общества, государства) зависит от конкретных внутренних и внешних обстоятельств, обусловлено ими, то есть интересы субъекта – суть этой обусловленности и с этой точки зрения выступают в качестве условий его благополучия. По выражению русского правоведа Ф. В. Тарановского, именно «жизненные условия общества, обеспечение

²³² Таций В. Я. Указ. соч. С. 73.

²³³ Малинова А. Г. Указ. соч. С. 40.

²³⁴ Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 32–33.

которых составляет цель права, это не что иное, как интересы, общие и индивидуальные». «Интересы» в праве не являются придуманным законодателем явлением, интересы субъектов социального взаимодействия изначально лежат в основе формирования правовых институтов, и их учет составляет основополагающую сторону юриспруденции. «Относя к цели права обеспечение интересов, мы открываем широкую возможность наполнять формальное понятие интереса самым разнообразным содержанием, подлежащим изменению в условиях общего культурного развития»²³⁵. Следовательно, интересы в праве – это условия социального благополучия субъектов социального взаимодействия, обеспечение которых есть цель правового регулирования²³⁶.

«Интересы» в праве понятие общее, включающее в свой состав все виды интересов, реализация которых может быть опосредована в сфере правового регулирования. Сюда входят и те интересы, реализация которых лишь подразумевается законодателем, и те, на необходимость учета, защиты и обеспечения которых прямо указывается в законодательстве²³⁷. Однако из-за большого разнообразия интересов каждый из них конкретизировать в законодательстве невозможно. Кроме того, изменение жизни, возникновение новых общественных отношений и их развитие делают практически невыполнимой задачу по своевременной формализации чьих-либо интересов. Поэтому включение в правовые нормы общего понятия «интересы» позволяет устранить неизбежное расхождение между действующим законодательством и реальными жизненными обстоятельствами. Такой подход дает возможность праву быть более гибким и адаптируемым к постоянно меняющимся условиям жизни общества. Соответственно, использование в законодательстве категории «интересы» является необходимым условием, способствующим преодолению разрыва между абстрактными юридическими

²³⁵ Тарановский Ф. К. Энциклопедия права : учеб. пособие. 3-е изд. СПб., 2001. С. 107.

²³⁶ Малинова А. Г. Указ. соч. С. 44, 45.

²³⁷ Там же. С. 46, 47.

нормами и конкретными жизненными ситуациями, возникающими в процессе социального взаимодействия субъектов.

Совокупность правовых норм (право) и правовые отношения выполняют служебную функцию, выступая компонентами правового общения субъектов права, создающими (обеспечивающими) условия их социального благополучия для реализации насущных потребностей. Правовое (в том числе уголовно-правовое) обеспечение безопасности как блага, является гарантией социального благополучия субъекта, его основной причиной и движущей силой²³⁸.

«...Ученые, авторы законопроектов, а также и сам законодатель, по утверждению А. В. Иглина, придают принципиальное (политическое) значение отражению в Особенной части Уголовного кодекса жизненно важных интересов личности, общества и государства, подчиняя ее нормы определенному порядку»²³⁹. Этот порядок имеет собственный политический смысл, поскольку выделение личности, общества и государства в Особенной части УК РФ формирует четкое представление об их защищенности, способствует решению вопросов по улучшению уголовно-правовой охраны и адекватности отражения в ней жизненно важных интересов названных субъектов²⁴⁰.

Требует поддержки позиция авторов, отрицательно относящихся к суждению о зависимости очередности размещения норм Особенной части УК РФ от ценности объекта посягательства. В таком случае, как указывает Г. П. Новоселов, придется согласиться с тем, что например, объект посягательства, предусмотренный нормой ст. 357 УК менее ценен, чем объект убийства или менее ценно здоровье населения, охраняемое нормами гл. 25 УК РФ, чем нормами гл. 16 УК РФ²⁴¹.

²³⁸ Решетникова Г. А. Концептуальная схема уголовно-правовой политики в области обеспечения безопасности личности, общества и государства... С. 327.

²³⁹ Иглин А. В. Указ. соч. С. 84.

²⁴⁰ Там же. С. 84, 85.

²⁴¹ Новоселов Г. П. Система Особенной части УК РФ // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 1 (25). С. 55.

Безопасность личности, общества и государства должна обеспечиваться равной и достаточной уголовно-правовой охраной их жизненно важных интересов как условий социального благополучия названных субъектов. Определение же приоритетов в уголовно-правовой охране является политическим решением, которое основано на политической оценке национальных интересов и стратегических национальных приоритетов.

Термин «жизненно важные интересы» на законодательном уровне сейчас не используется. Однако достаточно активно применяется в научной литературе. В соответствии с законом «О безопасности» 1992 г. понятие «жизненно важные интересы» определялось как совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства²⁴². Жизненно-важные интересы – это интересы, утрата которых влечет за собой угрозу существования личности, общества и государства.

Система жизненно важных интересов личности, общества, государства довольно сложная категория. Являясь долговременными и по большей части постоянными, они тесно связаны между собой, переплетаются и частично совпадают, но могут быть и расходящимися или даже непримиримыми. Поэтому насущной является задача по нахождению баланса жизненно важных интересов всех субъектов социального общения и взаимодействия. В современном понимании (согласно Стратегии 2021 г.) жизненно важные интересы личности, общества и государства – это интересы нации, находящиеся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности²⁴³.

Как отмечалось ранее, жизненно важные интересы находят выражение в нормах Особенной части уголовного закона: личности – в разд. VII УК РФ; общества – в разд. IX УК РФ; государства – в разд. X и XI УК РФ; экономические интересы личности, общества и государства – в разд. VIII УК РФ.

²⁴² О безопасности : Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1...

²⁴³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400...

Экономические интересы, как необходимые условия благополучия их «вещественного существования», относятся к числу жизненно важных интересов личности, общества и государства, имея в равной степени одинаковое правовое содержание, социально-политическое значение и механизмы реализации. Доказательством чему является уравнивание, в том числе и в уголовно-правовом смысле, всех форм собственности. Названные качества объясняют уголовно-правую охрану экономических интересов личности, общества и государства наличием самостоятельного раздела в системе Особенной части УК РФ²⁴⁴. Это утверждение согласуется с положениями Стратегии 2021 г., где в п. 3 отмечается, что настоящая Стратегия основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны²⁴⁵.

Отдельный раздел преступлений против военной службы выделяется из-за различий между государственной и военной службой, которые являются частями единой системы управления органов исполнительной власти, но имеют разные цели.

Преступления против мира и безопасности человечества, не выделяя конкретно личность, общество или государство в названии раздела, тем не менее имеют к обеспечению безопасности названных субъектов прямое (непосредственное) отношение, поскольку мир и безопасность являются фундаментальными и основополагающими условиями их существования.

С точки зрения А. Э. Жалинского, перечисленные в ч. 1 ст. 2 УК РФ объекты не отражают содержащиеся в Особенной части УК многие виды уголовно-правовых запретов. Охраняемые ценности не описаны, истолковать их весьма затруднительно. Не определены и пределы их уголовно-правовой охраны²⁴⁶. Мы, в свою очередь,

²⁴⁴ Иглин А. В. Указ. соч. С. 95.

²⁴⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400...

²⁴⁶ Жалинский А. Э. Уголовная политика и задачи уголовного права // Право и политика. 2006. № 6. Текст : электронный // Nota Bene : [сайт]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=49984

считаем, что здесь гораздо значительнее показать не столько содержание правоохраняемых интересов (перечислить их подробно просто невозможно), сколько их социальное значение как одинаково жизненно необходимых для личности, общества и государства. В преамбуле к Стратегии 2021 г. указано, что только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России. Для этого необходимы согласованные действия по реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, направленные на нейтрализацию внешних и внутренних угроз и создание условий для достижения национальных целей развития²⁴⁷.

Но что образует промежуточный элемент указанной концептуальной схемы, обозначенный нами как угрозы в уголовно-политической концепции безопасности? Ими являются опасное деяние, признаваемое преступлением, и опасная с криминологической точки зрения личность. С другой стороны, безопасными должны быть и уголовно-правовые средства воздействия, способные в случае их необоснованной репрессивности угрожать состоянию защищенности личности²⁴⁸.

В одном из постановлений Конституционного Суда РФ указано: «Из содержания уголовно-правового отношения между государством и гражданином вытекает не только обязанность последнего соблюдать уголовно-правовые запреты, но и право требовать от государства соблюдения установленных пределов уголовно-правового воздействия. Признавая необходимость повышенного уровня защиты прав и свобод граждан в правоотношениях, связанных с публичной ответственностью, в частности уголовной, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что законодательные механизмы, действующие в этой сфере, должны

²⁴⁷ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400...

²⁴⁸ Решетникова Г. А. Концептуальная схема уголовно-правовой политики в области обеспечения безопасности личности, общества и государства... С. 329.

соответствовать вытекающим из статей 17, 19, 45, 46 и 55 Конституции Российской Федерации и общих принципов права критериям справедливости, соразмерности и правовой безопасности, с тем чтобы гарантировать эффективную защиту прав и свобод человека в качестве высшей ценности...»²⁴⁹.

В ст. 2 УК РФ перечислены внутренние и внешние задачи, направленные как на законодателя и правоприменителя, так и на лиц, которым запрещено определенное поведение. А. Э. Жалинский подчеркивает, что внешние задачи связаны с воздействием на общество, они более подвержены изменениям, внутренние же задачи отражают специфику уголовного права²⁵⁰.

Таким образом, к внутренним угрозам в уголовно-политической концепции безопасности относятся необоснованно репрессивные средства уголовно-правового воздействия, а к внешним угрозам – опасное деяние, признаваемое преступлением, и опасная с криминологической точки зрения личность.

Хотя относительно опасной с криминологической точки зрения личности непосредственно в ч. 2 ст. 2 УК РФ ничего не сказано, необходимо учитывать следующее: опасность совершения лицом общественно опасного деяния исходит из психопатологических компонентов либо негативных социальных качеств отдельной лич-

²⁴⁹ По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. А. Тихомировой, И. И. Тихомировой и И. Н. Сардыко : постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П. Текст : электронный // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17102011-n/>

²⁵⁰ Жалинский А. Э. Избранные труды. Уголовная политология. Т. 3. С. 42. См. также: Решетникова Г. А. Личность как субъект уголовного права: основные идеи // Правовая политика в современном обществе: к 85-летию д-ра юрид. наук, проф. З. З. Зинатуллина : сб. ст. / М-во науки и высш. образования РФ, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ин-т права, соц. упр. и безопасности ; науч. ред. : В. Г. Ившин, Г. А. Решетникова, Л. Г. Татьяна. Ижевск : Удмуртский университет, 2023. С. 239.

ности, ее взаимоотношений с другими людьми, ее личных потребностей, мировоззрения, представлений о нормах нравственности, убеждений и т.д. Б. В. Волженкин пишет: «...объективная возможность совершения общественно опасного деяния определенным лицом существует до момента преступления, в чем и заключается объективная опасность личности...»²⁵¹. Приведенная цитата верна при одном условии – существует только лишь один признак, по которому можно оценить о реальных мыслях и намерениях отдельной личности – это совершенные им опасные деяния²⁵². В контексте уголовного права, это характер и степень общественной опасности деяния и степень общественной опасности деятеля. То, что лицо опасно, проистекает из опасности совершенного им деяния. В этом заключается связь деяния с деятелем, что принципиально отличается от идеи «опасного состояния» индивида, для признания которого таковым и не нужно совершать какого-либо общественно опасного деяния. А. А. Пионтковский утверждал, «Общественную опасность деяния и общественную опасность личности нужно брать в их единстве и взаимной связи. Общественная опасность деяния определяет и общественную опасность личности, а общественная опасность личности отражается на общественной опасности совершенного им деяния»²⁵³. Б. Т. Разгильдиев отмечает, «...общественная опасность деяния в качестве своей органической части включает в себя и опасность личности. Она становится опасной в силу совершенного преступления»²⁵⁴. Одновременно с этим нужно понимать, что общественная опасность личности и общественная опасность деяния – это не тождественные понятия. Тем не менее их объединяет то, что они оба обладают свойством опасности, без чего понятие безопасности невозможно.

²⁵¹ Волженкин Б. В. Избранные труды. 2008. Текст : электронный // Вики Чтение: Закон и юриспруденция : [сайт]. URL: <https://law.wiki-reading.ru/hMcVZwu24>

²⁵² Ленин В. И. Цит. по: Волженкин Б. В. Указ. соч.

²⁵³ Пионтковский А. А. Цит. по: Волженкин Б. В. Указ. соч.

²⁵⁴ Разгильдиев Б. Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 216.

Заключительным элементом рассматриваемой нами концептуальной схемы является «защита». Напомним, что в Стратегии 2021 г. она обозначена как «обеспечение национальной безопасности»: реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности²⁵⁵.

В число правовых мер обеспечения безопасности, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности, входят и уголовно-правовые меры обеспечения безопасности, к которым в соответствии с ч. 2 ст. 2 УК относятся: 1) основание и принципы уголовной ответственности; 2) криминализация; 3) наказание; 4) иные меры уголовно-правового характера.

В названных мерах выражается социально-правовое значение задач уголовного закона. Задачи УК РФ, основанные на Конституции РФ, а также общепризнанных принципах и нормах международного права, обусловленные необходимостью обеспечения безопасности личности, общества и государства, баланса реализации их жизненно-важных интересов, решаемых путем средств уголовно-правового воздействия, их и узаконивают, что в конечном итоге, выражаясь словами А. Э. Жалинского, заключается в обеспечении общественного блага²⁵⁶, а именно сформировавшегося политико-правового явления – национальной безопасности.

Об уголовно-правовых средствах воздействия, перечисленных в ч. 2 ст. 2 УК, как о мерах обеспечения безопасности прямо или опосредованно говорится также в науке уголовного права. В частности, В. В. Хилjuta рассматривает общественную опасность и криминализацию в качестве компонентов системы мер обеспече-

²⁵⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400...

²⁵⁶ Жалинский А. Э. Уголовная политика и задачи уголовного права... URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=49984

ния безопасности²⁵⁷. Е. А. Куликов устанавливает одну из существенных характеристик принципов права через категорию «мера». Он приходит к выводу, что принципы являются мерой права²⁵⁸. Н. М. Кропачев считает, что одного лишь провозглашения принципа законности (ст. 3 УК) недостаточно, должны быть гарантии его реализации. К гарантиям реализации названного принципа, обуславливающим обеспечение свободы личности, он относит правила об обратной силе закона, исчерпывающий перечень преступлений и наказаний, территориальные пределы действия закона, границы возраста уголовной ответственности, систему норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности и наказания; меры уголовно-правового воздействия, не связанные с уголовным наказанием и т.д.²⁵⁹. Н. М. Кропачев пишет: «Фактический статус субъектов общественных отношений, образующих предмет уголовного права, полярен, поэтому определение правовых границ взаимодействия преступника и государства означает ограничение власти последнего в выборе средств и методов воздействия на преступника. Не менее значимо для современного общества гарантировать свободу от всепильного государства и тому, кто не нарушает уголовно-правовых запретов. ...Любой из них хотел бы верить не только в то, что посягнувший на их интересы преступник будет наказан, но и в то, что его свобода не может быть ограничена, если он не нарушил уголовно-правового запрета»²⁶⁰.

Н. В. Щедрин различает меры безопасности в широком и узком смысле: меры обеспечения безопасности и меры безопасности.

²⁵⁷ См.: Хиллута В. В. Общественная опасность и криминализация в системе мер безопасности // Вестник Югорского государственного университета. 2022. Вып. 4 (67). С. 44–50.

²⁵⁸ См.: Куликов Е. А. Категория мера и принципы права // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Т. 2, № 2 (78). С. 125–128.

²⁵⁹ Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. С. 56, 11–12.

²⁶⁰ Там же. С. 56.

В широком смысле под мерами безопасности он подразумевает все право в целом, обеспечивающее безопасность социальных связей, через все свои институты²⁶¹.

Вопрос о мерах безопасности в узком смысле является предметом отдельного исследования. В этой главе нами ставились иные цели.

Во-первых, выявить конкретное и точное представление об основных идеях, выраженных в форме базовых понятий, лежащих в основе уголовно-политической концепции безопасности. Во-вторых, показать взаимосвязь между этими понятиями, необходимыми и достаточными для производного понятия, которым является «безопасность субъектов уголовного права».

Интересы	Угрозы	Защита
Жизненно важные интересы находят выражение в нормах Особенной части уголовного закона: личности – в разд. VII УК РФ; общества – в разд. IX УК РФ; государства – разд. X и XI УК РФ; экономические интересы личности, общества и государства – в разд. VIII УК РФ. Отдельный раздел преступлений против военной службы выделяется из-за различий между государственной и военной службой, которые являются частями единой системы управления органов исполнительной власти, но имеют разные цели. Преступления против мира и безопасности человечества, не выделяя	1) опасное деяние, признаваемое преступлением; 2) опасная с криминологической точки зрения личность; 3) необоснованно репрессивные средства уголовно-правового воздействия	Уголовно-правовые меры обеспечения безопасности: 1) основание и принципы уголовной ответственности; 2) криминализация деяния; 3) наказание; 4) иные меры уголовно-правового характера

²⁶¹ Щедрин Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности : монография. Краснояр. гос. ун-т, 1999. С. 84.

конкретно личность, общество или государство в названии раздела, тем не менее имеют к обеспечению безопасности названных субъектов прямое (непосредственное) отношение, поскольку мир и безопасность являются фундаментальными и основополагающими условиями их существования		
Безопасность субъектов уголовного права – это состояние защищенности жизненно-важных интересов личности, общества и государства от внутренних (необоснованно репрессивных уголовно-правовых средств воздействия) и внешних (опасного деяния, признаваемого преступлением или опасной с криминологической точки зрения личности) угроз, обеспечиваемых уголовно-правовыми мерами безопасности (совокупностью средств уголовно-правового воздействия)		

ГЛАВА 4. СУЩНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ, ЕЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Ранее отмечалось, что с позиции диалектики «безопасность» не может существовать без ее взаимоисключающей и одновременно взаимодополняющей противоположности – «опасности». Опасное деяние и опасная с криминологической точки зрения личность как внешние угрозы безопасности личности, общества и государства должны обладать прежде всего свойством общественной опасности.

Наука уголовного права выработала достаточное количество взглядов на сущность феномена «общественная опасность». Однако, как верно замечено Н. А. Лопашенко и другими авторами, она все еще является той уголовно-правовой категорией, вокруг которой ведутся ожесточенные споры с расхождением мнений, начиная с ее принятия и ее неоспоримых преимуществ, заканчивая недоверием и упреками с пожеланиями ее забыть²⁶².

Не разбирая подробно имеющиеся точки зрения о сущности явления «общественная опасность» (этот анализ в научной литературе неоднократно проводился)²⁶³, считаем целесообразным начать с подхода, не так часто используемого в качестве отправного начала для его исследования, и думаем, правильного с методологической точки зрения, поскольку толкование чего-либо необходимо начинать с исследования языковой формы выражения понятия. По замечанию Н. А. Лопашенко и ее соавторов, непонятно почему поиск

²⁶² Лопашенко Н. А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Д. А. Ковлагина, М. М. Лапунин, К. М. Хутов // Правоприменение. 2020. № 4. С. 125.

²⁶³ См.: Герасимов А. М. Теория уголовного правонарушения : монография. М. : Юрлит-информ, 2022. С. 32–63; Лопашенко Н. А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации... С. 125, 126; Прокументов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 4. С. 18–20; Чемеринский К. В. Общественная опасность как категория уголовного права // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2014. № 1 (80). С. 99–103.

сути общественной опасности, в основании которой находятся два совершенно ясных термина, практически никем не проводится. Но пренебрегать этим нельзя, поскольку, когда только решали о том, как ее назвать, безусловно, отталкивались от значения тех слов, которыми можно ее обозначить, стараясь уловить в них существенную основную черту. Опираясь на лингвистическое значение терминов «опасность» и «общественная», преступление следует понимать как теоретическую или законодательную конструкцию, содержащую признак общественной опасности, поскольку деяние в нем связывается с возможностью причинения вреда обществу²⁶⁴.

Лингвистический анализ термина «опасность», по утверждению С. А. Маркунцева, исключает из ее содержания реальность факта причинения вреда, подчеркивая потенциальность, возможность причинения вреда общественным отношениям²⁶⁵. Значительно раньше В. Н. Кудрявцев указывал, если вред наступил, то правильнее говорить не об опасности совершенного деяния, а о его общественной вредности, о тяжести преступления²⁶⁶.

Полагаем, если понятие «опасность» довольно часто используется в научных разработках согласно его общеупотребительному смыслу, то для выявления смысла понятий «общественная», «общество» только одного лингвистического подхода недостаточно. Именно поэтому Н. А. Лопашенко и ее соавторы задаются вопросом о пределах понимания термина «общество». Каков его объем и масштаб? Ради чего оно возникло и существует? Имеется ли общественная опасность в случае, если одно лицо совершает у другого лица кражу его имущества? Кому причиняется вред в этой и во множестве других ситуаций – конкретному лицу или обществу? Названные сомнения влекут вечные вопросы. Например, на каком основании государство возложило на себя роль арбитра в оценивании поведения человека, если ему этого права никто

²⁶⁴ Лопашенко Н. А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации... С. 126, 129.

²⁶⁵ Маркунцев С. А. Теория уголовно-правового запрета: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 335.

²⁶⁶ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 99.

не давал? В чем заключается частный интерес и интерес общественный? Почему потерпевший лишен права самостоятельно принимать решение о том, когда и каким образом ответить на посягательство, коснувшееся его интересов? Наконец, почему он не включен в механизм уголовно-правового регулирования?²⁶⁷

Недостаточность лингвистического подхода выражается также в том, что он не позволяет сказать прямо, является ли общественная опасность признаком любых правонарушений или только признаком преступления. Использование лингвистического приема для решения этого вопроса позволяет лишь волевым решением авторов занять ими ту или иную позицию. Так, по мнению Н. А. Лопашенко и ее соавторов, «...когда позиции разные по своему содержанию, невозможно примирить, поскольку все они имеют веские основания для доказательства своей правоты, следует договариваться, чтобы идти дальше <...>. Поэтому они присоединяются к преобладающей научной позиции, согласно которой общественная опасность является социальным свойством исключительно уголовно-противоправных деяний <...>; все иные правонарушения вредны для интересов общества теми последствиями, которые они за собой влекут»²⁶⁸.

В цитируемой работе указывалось, что «...общественная опасность деяния в ее объективном значении как свойство причинения вреда или способности его причинить не позволяет провести разницу между различными видами юридической ответственности, безусловно, необходимыми для государственной реакции на вредоносное деяние»²⁶⁹. Однако окончательный их вывод такой: только общественная опасность, позволяет выделить среди иных правонарушений преступления и уголовные проступки, показывает их качественно иную отличительную черту, придавая тем самым индивидуальность и отраслевую самостоятельность уголовному

²⁶⁷ Лопашенко Н. А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации... С. 127.

²⁶⁸ Там же. С. 130.

²⁶⁹ Там же.

праву. Относительно иных («неуголовных»), не обладающих общественной опасностью, но вредных для общества правонарушений, то их деление происходит не с помощью характера и (или) степени общественной вредности, а с помощью характера общественных отношений, определяющих их социальную и правовую особенность как явлений различного рода²⁷⁰.

Думаем, при таком подходе количество преступлений должно было бы сократиться в разы.

Однако Л. М. Прокументов считает разделение явлений «общественная опасность» и «общественная вредность» неправомерным, поскольку это однотипные явления²⁷¹.

Доводом для обоснования того, что общественная опасность – это исключительное свойство преступления, как правило, является указание на отсутствие этого признака в законодательном определении, в частности административного правонарушения, где нет ни слова об общественной опасности. Но в законодательном определении административного правонарушения не сказано и о его вредности, что вовсе не говорит о его безвредном, следовательно, неопасном характере для личности, общества или государства. Подтверждением являются положения ст. 2.2. и 2.7. КоАП РФ. Кроме того, как характер общественных отношений позволит, например, разграничить административное правонарушение, предусмотренное ст. 6.8 КоАП РФ, от преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, если при совершении идентичных действий в обоих случаях объектом посягательств является здоровье населения? Этим критерием является не качественный, а количественный показатель. Это значительный размер. Но даже если согласиться с тем, что единственным критерием отграничения преступления и всех иных правонарушений является характер общественных отношений, то как понять, что характер того или иного общественного отношения определяет (или должен определять) именно объект

²⁷⁰ Лопашенко Н. А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации... С. 131.

²⁷¹ Прокументов Л. М. Указ. соч. С. 19.

уголовно-правового запрета? Согласимся, некоторые преступления позволяют это сделать (убийство, изнасилование, похищение человека, террористический акт и др.). В УК РФ есть большое количество иных преступлений, находящихся в пограничном состоянии, соприкасающихся с иными видами правонарушений, имеющими один и тот же объект противоправного посягательства, социальная сущность которого остается неизменной, несмотря на его охрану нормами различной отраслевой принадлежности.

А. М. Герасимов, являющийся сторонником признания общественной опасности только признаком преступления, считает иначе: «Общественная опасность преступления определяется не столько ценностью объекта посягательства, сколько совокупностью всех объективных и субъективных признаков деяния, оказывающих на него негативное воздействие»²⁷². Из данного утверждения не совсем понятно, как объект посягательства, являясь объективным признаком, следовательно, входящим в названную совокупность, может оказывать негативное воздействие на самого себя? Негативное воздействие на объект охраны оказывает не совокупность объективных и субъективных признаков, а деяние, характеризующееся совокупностью названных признаков.

Далее свое высказывание А. М. Герасимов сопровождает сопоставлением преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ (убийство) и ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности), обладающих единым (одинаковым) объектом охраны, но являющихся разными по категориям преступлениями. Этот пример приводится им в качестве доказательства, что общественная опасность того или иного деяния имеет разную сумму вреда, причиняемого объекту уголовно-правового запрета. Он считает, что «совокупный вред преступного посягательства достигает таких масштабов, что возникает угроза материальному порядку»²⁷³. Тогда как административное правонарушение, по его мнению, интересов общества

²⁷² Герасимов А. М. Указ. соч. С. 87.

²⁷³ Там же.

не затрагивает и потому не носит социально опасного характера. «Что касается «суммы вреда» личности, обществу и государству от административного правонарушения, то она качественно отличается от совокупного вреда, свидетельствующего об общественной опасности содеянного»²⁷⁴. А. М. Герасимов убежден, что «По существу вредоносность административно-правового деликта ограничивается формальным нарушением нормы или правила поведения в сложившейся ситуации»²⁷⁵. Получается, у цитируемого автора объектом административного правонарушения является сама норма административного законодательства. Но подобная трактовка вступает в прямое противоречие с нормой ст. 1.2 КоАП РФ, согласно которой задачами законодательства об административных правонарушениях являются: защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений.

Отсюда следует, законодатель при определении объектов административно-правовой охраны закладывает в основу не норму, а интересы личности, общества и государства, охране которых норма административного законодательства и служит. Более того, сопоставление задач административного и уголовного законодательства в части объектов правовой охраны свидетельствует об их совпадении. В целом же, если деяние не представляет опасности для личности, общества или государства, то можно ли его признать правонарушением?

²⁷⁴ Герасимов А. М. Указ. соч. С. 88.

²⁷⁵ Там же. С. 87.

Для ответов на этот и другие поставленные в главе вопросы считаем эффективным подход, использованный Д. В. Мирошниченко, рассматривающим «общественную опасность» как весьма продуктивную, легитимирующую уголовно-правовой запрет категорию, обозначающую границы «законодательного произвола» (то есть формального определения преступления) и естественную необходимость в уголовно-правовом запрете²⁷⁶. Опираясь на идеи представителей концепции общественного договора, он пишет: «...установленные властью законы имеют цель удовлетворить все необходимые и естественные потребности общества и в первую очередь в обеспечении собственной безопасности, а потому эти законы также соответствуют естественным законам природы и социума. Уголовное право, являясь частью позитивного права, также соответствует естественному закону защиты общества. Поэтому каждое преступление – это деяние, причиняющее общественный вред вследствие нарушения общественного договора и разрыва преступником социальных («договорных») отношений. <...> Использование понятия «общественный вред» требовалось для того, чтобы обосновать необходимость применения к преступнику, объявлявшегося врагом общества, наказания»²⁷⁷.

Поддерживая позицию Д. В. Мирошниченко в части использования концепции общественного договора как методологического приема, отметим, эта концепция имеет в современной политической философии инструментальное значение, объясняя легитимность различных нормативных доктрин, и не только в политологии, но и в макросоциологии, этике, юриспруденции. Также О. Б. Соколов отмечает, что «теория общественного договора является наиболее эффективным средством легитимации нормативных политических проектов, и в этом отношении она выходит за пределы

²⁷⁶ Мирошниченко Д. В. Общественная опасность преступления как фикция // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 3 (58). С. 49.

²⁷⁷ Там же. С. 47, 48.

широкого спектра концепций, основанных на допущении о существовании неких метафизических оснований нравственности, морали и/или политического порядка (т.е. различных вариантов морального реализма)»²⁷⁸.

В этом контексте нельзя согласиться с предположением Н. А. Лопашенко и ее соавторов о том, что феномен «общество» может иметь собственный уголовно-правовой смысл. Они пишут: «Нужно, видимо, признать, что в уголовно-правовом смысле общество понимается так широко, как только возможно: и как объединение по каким-либо интересам, и как механическое объединение населения в любом масштабе; и как совокупность бесконечного множества людей; и как объединение двух человек, для совсем не общественных целей, – по любви, например»²⁷⁹.

Феномен «общество», как было отмечено, представляет собой внеиндивидуальную и наиндивидуальную реальность, не сводимую к другим ее видам, включенную в универсальный природный порядок. Общество – это целостное образование людей, особый субъект, развивающийся по своим, только ему свойственным законам, в котором приходится жить людям и в которое включаются все другие (объединения) группы. «Государство – это качественно иная социальная организация всех сфер общественной жизни, а не только кратосферы (сферы власти). Носителем этих новых качеств, их постоянным генератором является общество в целом, образующий его народ – взаимодействующие индивиды и их объединения. Без них государства нет и быть не может»²⁸⁰.

При таком подходе вопрос о том, обладают ли общественной опасностью все правонарушения, разрешается сам собой. Все правонарушения общественно опасны. «Суть современной превалирующей точки зрения сводится к тому, что вне зависимости от того, какой нормой права урегулировано деликтное правоотношение,

²⁷⁸ Соколов Б. О. Указ. соч. С. 12.

²⁷⁹ Лопашенко Н. А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации... С. 128.

²⁸⁰ Иванов Р. Л. Указ. соч. С. 10.

как раз сам деликт несет в себе общественную опасность, различаемую лишь по характеру и степени общественной опасности»²⁸¹.

По одному из дел Конституционный Суд отметил, что «...возможность дуалистического подхода к использованию административной и уголовной ответственности для борьбы с теми или иными правонарушениями обусловлена тем, что, будучи разновидностями юридической ответственности за совершение деяний, представляющих общественную опасность, они имеют схожие задачи, базируются на рядоположенных принципах, преследуют общую цель защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка и, по сути, во многом дополняют друг друга. Именно этим объясняется наличие в правовом регулировании смежных составов административных правонарушений и преступлений, что – принимая во внимание возможность изменения степени общественной опасности некоторых деяний – не исключает законодательной корректировки их противоправности, предполагающей допустимость преобразования составов отдельных административных правонарушений в составы преступлений и наоборот»²⁸².

Однако объяснение сущности общественной опасности лишь признаком легитимации уголовно-правового запрета является неполным, не позволяющим установить грань между его материальным и формальным основанием.

Признание деяния общественно опасным как результата криминализации сперва требует признания его опасным. Это вытекает из положений ч. 2 ст. 2 УК РФ, где сказано, что УК РФ определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, то есть общественно опасными, противоправными, виновными и наказуемыми.

²⁸¹ Казакова В. А. Общественная опасность деяния как критерий классификации правонарушений // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1-4). № 4. С. 436.

²⁸² По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина : постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П. Текст : электронный // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10022017-n-2-p/>

Опасное деяние – это объективно существующее явление, имеющее различное содержание (политическое, экономическое, социальное, психологическое, духовное и т.д.) и представляющее прямую или опосредованную угрозу причинения вреда личности, обществу и государству. В связи со сказанным А. Э. Жалинский признает, что «...при включении в правотворческий процесс в качестве объекта опасность деяния должна быть выявлена, проверена, доказана и в случае криминализации деяния претворена как в признак общественной опасности, так и в иные характеристики материальной стороны уголовно-правового запрета»²⁸³. Он убежден, что «опасность деяния» должна стать частью уголовно-правовых исследований и решаться путем анализа материальной основы опасности с использованием неправовой информации. «Решение о криминализации деяния в этом случае основывается на понимании объекта запрета, а затем преобразуется в правовые конструкции, которые, в свою очередь, отражают его (деяния) противоречие общим и хотя бы относительно сбалансированным социальным интересам, тому, что можно назвать общим благом страны»²⁸⁴.

Такой подход позволяет показать объективную реальность современных условий и следующих из них запросов личности, общества, государства. Поэтому перечень уголовно-правовых запретов, их изменение в идеальном варианте не свидетельствует о собственных (субъективных) желаниях законодателя, а указывает на социальные преобразования (перемены)²⁸⁵. Изменённые общественные отношения требуют переоценки их социальной значимости²⁸⁶. В принципе, как отмечает А. Э. Жалинский, опасность деяния должна обосновываться в экономических и политических науках, отражаться в стратегических документах страны²⁸⁷.

²⁸³ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. С. 246, 247.

²⁸⁴ Там же. С. 247.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Прокументов Л. М. Указ. соч. С. 22.

²⁸⁷ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ... С. 247.

«Если исходить из общеизвестного принципа «Нет преступления, кроме прямо предусмотренного законом» и принятых в России механизмов законотворчества, то можно прийти к мнению, что уголовное право само не создает границы дозволенного, а лишь ретранслирует (или, по крайней мере, должно ретранслировать) сложившиеся в обществе представления о таких границах»²⁸⁸. По мнению З. А. Незнамовой и А. В. Незнамова, механизмы представительной демократии прежде всего рассчитаны как раз на подобную ретрансляцию. Таким образом, вопрос о критериях криминализации противоправного поведения во многом распространяется далеко за пределы науки уголовного права. Это вопрос и философии, и социологии, и психологии, и теории права, и, вероятно, права конституционного; взаимодействие данных научных дисциплин при исследовании поставленной проблемы становится не только необходимым, но и неизбежным²⁸⁹.

Позиции названных авторов имеют объективное подтверждение. Так, исходя из названных в Стратегии 2021 г. угроз общественной и государственной безопасности, целями их обеспечения являются: защита конституционного строя Российской Федерации, обеспечение ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита основных прав и свобод человека и гражданина, укрепление гражданского мира и согласия, политической и социальной стабильности в обществе, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, укрепление законности и правопорядка, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности, традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера²⁹⁰.

²⁸⁸ Незнамова З. А., Незнамов А. В. Указ. соч. С. 4.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же.

Свое развитие концептуальные положения Стратегии 2021 г. находят в иных документах стратегического планирования: в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года²⁹¹, Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года²⁹², Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.²⁹³, Концепции общественной безопасности в Российской Федерации²⁹⁴, Стратегии научно-технического развития Российской Федерации²⁹⁵, Основых государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022²⁹⁶ и т.д.

²⁹¹ См.: Указ Президента Российской Федерации № 1666 от 19 декабря 2012 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512>

²⁹² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации № 208 от 13 мая 2017 г. Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921>

²⁹³ О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации № 176 от 19 апреля 2017 г. Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879>

²⁹⁴ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации // Утверждена Президентом Российской Федерации № Пр-2685 14.11.2013. Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653>

²⁹⁵ О Стратегии научно-технического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации № 642 от 1 декабря 2016 г. Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010007.pdf>

²⁹⁶ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022. Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

В целом каждый из перечисленных документов имеет однотипную структуру и включает, во-первых, оценку текущего состояния той или иной сферы обеспечения безопасности; во-вторых, указание на вызовы или угрозы в той или иной сфере обеспечения безопасности; в-третьих, установление целей, основных задач, приоритетных направлений и механизмов реализации государственной политики в той или иной сфере обеспечения безопасности.

К примеру, в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. в п. 20 раздела III «Вызовы и угрозы экологической безопасности» указано, что к внутренним вызовам экологической безопасности относятся: высокая степень загрязнения и низкое качество воды значительной части водных объектов, деградация экосистем малых рек, техногенное загрязнение подземных вод в районах размещения крупных промышленных предприятий. Оценка текущего состояния экологической безопасности, согласно разделу II рассматриваемой Стратегии, показывает, что ситуация с качеством воды в водных объектах продолжает оставаться неблагоприятной в первую очередь вследствие сбросов промышленных и бытовых сточных вод, поверхностных стоков вод с сельскохозяйственных угодий. Так, 19 % сточных вод сбрасывается в водные объекты без очистки. 70 % – недостаточно очищенными и только 11 % – очищенными до установленных нормативов допустимых сбросов. Это приводит к тому, что от 30 до 40 % населения страны регулярно пользуются водой, не соответствующей гигиеническим нормативам. Вследствие загрязнения питьевой воды химическими веществами и микроорганизмами увеличивается риск смертности (в среднем на 11 тыс. случаев ежегодно) и заболеваемости населения (в среднем на 3 млн случаев ежегодно)²⁹⁷.

Выдержки из Стратегии приведены для того, чтобы показать, 1) что (кто) подвергается опасности, то есть является объектом обеспечения безопасности; 2) в чем заключаются источники опасности

²⁹⁷ О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года...

для объекта ее обеспечения; 3) какие негативные последствия (вред в степени его максимального значения) для объекта безопасности следуют в случае реализованной опасности (вызовов и угроз).

Представленная оценка текущего состояния экологической безопасности, позволяет убедиться, во-первых, в опасности названных деяний; во-вторых, в необходимости их криминализации, учитывая, что в документе приводятся максимальные значения степени противоречия общественным интересам.

Таким образом, сущность категории «общественная опасность» заключается в обоснованной легитимации формального закрепления правового запрета (уголовно-правового запрета)²⁹⁸.

В этом определении дополнение признака легитимности формального закрепления уголовно-правового запрета признаком обоснованности неслучайно. Каждый уголовно-правовой запрет должен отражать вредоносность деяния, его нетерпимость обществом. Вредоносность деяния относится к материальным признакам преступления, которую в уголовном праве в большинстве случаев смешивают с общественной опасностью деяния.

Разделению признаков преступления на материальные и формальные преимущественно способствуют положения ч. 2 ст. 14 УК РФ. За время действия УК РФ 1996 г. эта часть статьи уже претерпела изменения. Но насколько оправданы эти изменения?

Т. Д. Устинова пишет: «...еще УК РСФСР 1922 г. в ст. 6 общественную опасность деяния определял как «угрозу основам советского строя». Именно в силу наличия столь существенной особенности преступления при определении малозначительности деяния в первоначальной редакции ч. 2 ст. 14 УК РФ 1996 г. деяние, не представляющее общественной опасности, определялось как «не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда

²⁹⁸ Решетникова Г. А. Значение сущности общественной опасности деяния // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право». 2023. Т. 33, вып. 4. С. 712.

личности, обществу или государству»²⁹⁹. Это уточнение Федерального закона от 25.06.1998 № 92-ФЗ, по ее мнению, не вполне оправданно было исключено из УК, поскольку посредством использования приема отрицания на законодательном уровне пояснялось, в чем состоит суть общественной опасности³⁰⁰.

Авторами противоположной точки зрения необходимость изменения объяснялась ошибочным указанием на отсутствие вреда. В. Н. Кудрявцев по этому поводу писал: «...деяние поэтому и называется малозначительным, что вред охраняемому объекту оно все же причиняет, но этот вред крайне невелик»³⁰¹.

Однако если речь идет о малозначительном деянии в контексте ст. 14 УК РФ, то правильно думать, что это только лишь тот вред, который свойственен исключительно преступлению³⁰². Соответственно, формулировка «не представляющее общественной опасности» не значит, что деяние не причинило вред или не создало угрозу причинения вреда личности, обществу и государству. Вред причиняется, но не тот вред, который присущ преступлению, не тот, который требует привлечения лица к уголовной ответственности³⁰³.

Соглашаясь с мнением Т. Д. Устиновой в том, что первоначальная редакция о малозначительности деяния была оправданной, тем не менее оправданность изначальной формулировки ч. 2 ст. 14 УК РФ заключается не столько в пояснении сути общественной опасности, сколько в необходимости разграничения опасности деяния, общественной опасности и материальной стороны преступ-

²⁹⁹ Устинова Т. Д. Общественная опасность и ее влияние (учет) при конструировании норм Общей части УК РФ // Lex Russica. 2015. № 3. С. 64.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Курс российского уголовного права. Общая часть / Российская акад. наук, Ин-т государства и права ; сост.: Бородин С. В. [и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. Москва : Спарк, 2001. С. 147.

³⁰² Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева. М., 2007. С. 198.

³⁰³ См.: Качество уголовного закона: проблемы Общей части : монография / отв. ред. А. И. Рарог. Москва : Проспект, 2021. С. 30.

ления. Так как, во-первых, не любое деяние, причиняющее вред, признается общественно опасным. Например, причинение вреда в состоянии необходимой обороны или при иных обстоятельствах, называемых Уголовным кодексом РФ – «обстоятельства, исключающие преступность деяния». Законодатель с помощью формулировки «не являются преступлением...» не признает такие деяния в первую очередь общественно опасными. Во-вторых, конкретные фактические обстоятельства не могут исключить общественную опасность деяния, уже учтенную и признанную законодателем. В этой связи формулировка в ч. 2 ст. 14 УК «не представляющие общественной опасности» не логична. Не может деяние одновременно быть и не быть общественно опасным. Более того, указание законодателем на деяние, «не представляющее общественной опасности» должно исключать не только степень, но и ее характер.

Учитывая сказанное, считаем, прежнее законодательное определение малозначительного деяния, за исключением наделения его признаком – не представляющее общественной опасности, наиболее приемлемым. В действующей редакции УК РФ было бы правильное определить его так: «не образует преступления действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но являющееся малозначительным, то есть не причинившим вреда или не создавшим угрозу причинения вреда личности, обществу или государству». Подчеркнем, речь идет о причиняемом вреде, но не о присущем преступлению.

В науке уголовного права имеются и другие предложения. В частности, Т. Д. Устинова, не отрицая того, что малозначительное деяние обладает общественной опасностью, предлагает вместо словосочетания «не представляющее общественной опасности» заменить словосочетанием «в силу малозначительности не обладающее (или не характеризующееся) достаточной степенью общественной опасности»³⁰⁴. Она пишет: «В предложенной нами новелле упор

³⁰⁴ Устинова Т. Д. Указ. соч. С. 64.

сделан именно на степень общественной опасности ввиду того, что она является изменяющейся не постоянной характеристикой, в отличие от характера общественной опасности, которая всегда определяется объектом посягательства»³⁰⁵.

Тем не менее степень общественной опасности трудно отнести к числу универсального критерия при оценке малозначительного деяния. Например, по одному из уголовных дел Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ отмечалось, что совершение мошенничества при получении выплат с использованием служебного положения, являющимся квалифицирующим признаком, предусмотренным ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, с учетом конкретных обстоятельств дела, незначительного размера материального ущерба, полностью возмещенного на стадии предварительного следствия, не исключает возможность применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Согласно обстоятельствам приведенного уголовного дела Ф., являвшаяся заместителем главы администрации сельского поселения, обвинялась в том, что внесла в справки о своих доходах и доходах мужа недостоверные сведения, а затем предоставила их в общеобразовательную школу для получения права на бесплатное питание своей дочери в школьной столовой. На основании этих справок ее дочери, как ребенку из малообеспеченной семьи, была необоснованно предоставлена мера социальной поддержки в виде освобождения от оплаты питания. Своими действиями Ф. причинила республиканскому бюджету в лице Министерства образования Российской Федерации материальный ущерб в размере 10 066 руб. 24 коп.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда и кассационное определение, а уголовное дело прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления ввиду его малозначительности и признала за Ф. в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию, мотивировав

³⁰⁵ Устинова Т. Д. Указ. соч. С. 64.

свое решение следующим. Согласно положением ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законодательством, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, то есть не причинившее существенного вреда и не создавшее угрозу причинения такого вреда личности, обществу или государству. В соответствии с п. 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», если действия лица при мошенничестве, присвоении или растрате хотя формально и содержали признаки указанного преступления, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности, то суд прекращает уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ. Приведенный в судебных решениях анализ обстоятельств совершенного Ф. деяния, небольшой размер материального ущерба, причиненного республиканскому бюджету, и отсутствие в материалах уголовного дела доказательств того, что деяние причинило существенный вред государственным либо муниципальным интересам, свидетельствуют об отсутствии в ее действиях признака общественной опасности, который позволял бы признать их преступлением. Совершение Ф. мошенничества с использованием служебного положения, что является квалифицирующим признаком, предусмотренным ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, без учета конкретных обстоятельств дела не может быть признано обстоятельством, препятствующим применению положений ч. 2 ст. 14 УК РФ. Кроме того, суд кассационной инстанции, отказывая в применении положений ч. 2 ст. 14 УК РФ, не привел аргументированные доводы о действительном наличии существенного вреда в результате совершенного Ф. деяния, а также общественной опасности в ее действиях, позволяющей расценивать их как преступное деяние, либо о существенных последствиях, наступивших в результате преступления. Более того, судом не дана надлежащая оценка факту полного возмещения причиненного Ф. ущерба еще на стадии предварительного следствия, что в совокупности с указанными выше обстоятельствами не позволяет признать

обоснованными выводы суда кассационной инстанции о невозможности применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ³⁰⁶.

В данном деле суд, естественно, руководствовался действующей редакцией ч. 2 ст. 14 УК РФ, имеющей принципиальные отличия от предложенной нами формулировки. Однако этим примером необходимо было показать другое обстоятельство – степень общественной опасности, учтенная законодателем в ч. 3 ст. 159.2 УК РФ и будучи значительно выше, чем степень общественной опасности деяния, предусмотренного ч. 1 названной статьи, не стала препятствием для применения ч. 2 ст. 14 УК РФ.

В другом деле Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ отмечено: «Сам по себе способ совершения деяния К. – с использованием служебного положения, что является квалифицирующим признаком, предусмотренным ч. 3 ст. 159 УК РФ, без учета конкретных обстоятельств дела не может быть признан обстоятельством, свидетельствующим об общественной опасности содеянного и препятствующим применению положений ч. 2 ст. 14 УК РФ»³⁰⁷.

В науке уголовного права часто материальная сторона преступления ассоциируются с общественной опасностью. Но это не совсем так. Безусловно, общественная опасность отображает материальную сторону преступления, однако не исчерпывает её. Материальная сторона преступления, как указывает А. Э. Жалинский, включает в себя такие свойства и признаки деяний, которые побуждают законодателя к их криминализации, то есть в какой-то степени социально легитимируют уголовный закон и определяют тяжесть уголовной ответственности (как это и предписано в ч. 2 ст. 2 УК РФ),

³⁰⁶ Определение № 15-УДП20-7-К1 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020). Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/29528/>

³⁰⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 41-УД22-33-К4 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № 6. URL: <https://vsrf.ru/files/34466/>

устанавливают виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений, а также их индивидуализацию³⁰⁸. Отсюда следует, что практическое значение материальной стороны преступления заключается в первую очередь в определении круга уголовно-правовых запретов их легитимацией, оценкой деяния на предмет их реальной вредоносности с уголовно-правовой точки зрения.

Соотношение опасности деяния, общественной опасности и материальной стороны преступления заключается в том, что материальная сторона предметна, а опасность деяния и общественная опасность оценочны. К примеру, действия (бездействие), причиняющие смерть, по утверждению А. Э. Жалинского, материальны, предметны, тогда как общественная опасность оценочна. Поэтому, не всегда причинение смерти общественно опасно, но, к сожалению, – пишет автор, – необходимо и может являться долгом солдата, лица, осуществляющего необходимую оборону³⁰⁹.

Опасность деяния и общественная опасность отражают материальную сторону в различных признаках преступления, а затем и состава преступления. При анализе диспозиций статей Особенной части УК РФ видно, что законодатель действительно описывает эти элементы так, что они отражают (плохо или хорошо) материальный характер деяния внутри некоторой формы противоправности³¹⁰.

Диспозиции норм Особенной части УК РФ показывают, что законодатель для адекватного отражения материальных признаков преступления (его вредоносности) в целях создания оптимальных моделей уголовно-правовых запретов использует признаки, характеризующие объективные и субъективные свойства криминализируемых деяний. Они могут относиться к деянию, последствиям, способу, обстановке, субъекту, субъективной стороне, потерпевшему, предмету преступления, к множественности преступлений, к формам соучастия и т.д.

³⁰⁸ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. С. 245.

³⁰⁹ Там же. С. 247, 248.

³¹⁰ Там же. С. 248.

Отдельно стоит сказать о таком критерии криминализации, как административная преюдиция, все больше и больше используемом законодателем. Это один из самых обсуждаемых в науке уголовного права критериев криминализации. Однако, как верно выразились З. А. Незнамова и А. В. Незнамов, «...каковы бы ни были наши научные предпочтения к преступлениям с административной преюдицией, вероятно, уже следует относиться как к данности. В этом смысле названный институт нуждается не столько в поддержке или критике, сколько в теоретическом осмыслении»³¹¹.

В контексте исследования достаточно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом РФ: «...общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства на охраняемые общественные отношения (объект преступления), временем, местом, способом его совершения и наступившими последствиями, в том числе их масштабом (объективная сторона преступления), формой вины, мотивами и целями противоправных действий, бездействия (субъективная сторона преступления). С учетом этого федеральный законодатель правомочен прибегать к институту уголовной ответственности в интересах надлежащей защиты конституционно значимых ценностей (статья 55, часть 3 Конституции Российской Федерации) и в тех случаях, когда противоправное деяние совершается лицом, ранее подвергавшимся административно-деликтному преследованию и наказанию за аналогичные деяния, т.е. имеющим специальную административную наказанность, используя в указанных целях так называемые составы преступлений с административной преюдицией»³¹². В этой связи административная преюдиция как криминообразующий признак свидетельствует о недостатке средств

³¹¹ Незнамова З. А., Незнамов А. В. Указ. соч. С. 7.

³¹² По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина...

административного права противостоять этим повторяющимся деяниям и в совокупности с иными обстоятельствами может рассматриваться в качестве причин для криминализации соответствующего деяния, являющимся в своей основе административным правонарушением, но по степени общественной опасности приближающимся к преступлению, способному причинить серьезный вред личности, обществу и государству. Социальная сущность административной преюдиции как критерия криминализации заключается в решении задач общей превенции последующего противоправного поведения.

Неверное понимание материальной стороны преступления (вредоносности) и ее неоднозначное отражение в нормах УК может привести к искажению задач уголовного законодательства. Например, является ли подмена ребенка (ст. 153 УК РФ) безвредной, если она совершается не по мотивам, указанным законодателем (корыстные или иные низменные побуждения) а по личным мотивам, обусловленным родственными или дружескими чувствами? Используемый в диспозиции нормы ст. 153 УК РФ критерий криминализации (мотив совершения преступления) не способен отразить и обеспечить надлежащую уголовно-правовую охрану интересов несовершеннолетнего ребенка в реализации его личных неимущественных прав: право жить и воспитываться в семье; право знать своих родителей; право на заботу родителей, на воспитание своими родителями; право на обеспечение его интересов и всестороннее развитие; право на уважение его человеческого достоинства. Поэтому полагаем, что критерием криминализации должно быть само деяние – подмена³¹³.

«Опасность деяния и общественная опасность преступления, по-видимому, имеют однородную структуру, но различаются по содержанию предметной основы и степени противоречия, общественным интересам» (Жалинский А. Э.)³¹⁴.

³¹³ Решетникова Г. А. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних... С. 99.

³¹⁴ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. С. 247.

Предметная основа и степень противоречия общественным интересам называются в праве терминами «характер» и «степень» общественной опасности деяния и используются для разграничения видов правонарушений между собой и для дифференциации общественно опасных деяний внутри каждого вида правонарушения. В уголовном праве преступления дифференцированы по категориям: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие.

Такой же позиции придерживается Конституционный Суд РФ. В одном из упомянутых в работе постановлений указано: «...важно учитывать, что в правовой системе России преступлению – в отличие от иных правонарушений – должна быть присуща криминальная общественная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, не может считаться таковым (часть вторая статьи 14 УК Российской Федерации). Как следствие, федеральный законодатель, определяя, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями (часть вторая статьи 2 УК Российской Федерации), обязан избегать избыточного использования уголовно-правовой репрессии, помня о том, что основанием преступности противоправных деяний могут служить лишь обстоятельства, в совокупности объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространенности и динамику роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств»³¹⁵.

Стоит отметить, что до 2011 г. степень общественной опасности как критерий оценки дифференциации преступлений по категориям был рассчитан исключительно на законодателя, введение же в ст. 15 УК РФ ч. 6 сделало этот критерий прикладным, то есть используемым и в правоприменительной деятельности.

³¹⁵ По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина...

Многие ученые отнеслись к данной новелле критически. Так, по словам Т. Ю. Орешкиной, «При принятии такого решения суд руководствуется в первую очередь характером и степенью общественной опасности преступления. Но именно характер и степень общественной опасности деяния позволили законодателю установить параметры для категорий преступлений. Однако суд рассматривает их заново в аспекте снижения категории на одну ступень, а перед этим сначала назначает наказание, опять же с учетом характера и степени общественной опасности совершенного деяния и иных обстоятельств, указанных в ч. 3 ст. 60 УК»³¹⁶.

Согласно позиции Т. Д. Устиновой, «Даже при отсутствии отягчающих обстоятельств убийство остается преступлением против жизни человека, то есть характер его общественной опасности не изменяется, а наличие смягчающих обстоятельств не может изменить и степень его общественной опасности, тем более что все смягчающие обстоятельства, как правило, характеризуют либо личность преступника, либо мотивы, цели, обстоятельства совершения деяния, которые лежат за пределами состава преступления»³¹⁷.

Следует заметить, что в ч. 6 ст. 15 УК РФ ничего не говорится о характере общественной опасности. В соответствии с указанной нормой, суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, учитывая лишь фактические обстоятельства преступления и степень его общественной опасности. Разрешая данный вопрос, – указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 15.05.2018 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации», – суд принимает во внимание способ совершения преступления, степень реализации преступных намерений, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла либо вид неосторожности, мотив, цель

³¹⁶ Орешкина Т. Ю. Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 50.

³¹⁷ Устинова Т. Д. Указ. соч. С. 70.

совершения деяния, характер и размер наступивших последствий, а также другие фактические обстоятельства преступления, влияющие на степень его общественной опасности. Вывод о наличии оснований для применения положений части 6 статьи 15 УК РФ может быть сделан судом, если фактические обстоятельства совершенного преступления свидетельствуют о меньшей степени его общественной опасности³¹⁸. В названном постановлении обращается внимание на то, что изменение категории преступления на менее тяжкую, согласно части 6 ст. 15 УК РФ, позволяет обеспечить индивидуализацию ответственности осужденного за содеянное и является реализацией закрепленных в статьях 6 и 7 УК РФ принципов справедливости и гуманизма³¹⁹. Что еще раз подтверждает принадлежность общественной опасности к оценочной категории.

Учитывая изложенное, общественная опасность имеет важное политико-правовое значение, которое прямо или опосредованно проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, в аспекте социально-регулятивной функции общественная опасность определяет границы допустимого поведения, формируя представление общества о недопустимом поведении. Во-вторых, в аспекте ее политико-правовой роли общественная опасность является критерием оценки противоправного и правомерного поведения, определяет политику государства в сфере борьбы с правонарушениями и формирования охранительного законодательства. В-третьих, в аспекте осуществления социальной защиты является отражением достаточной (недостаточной) правовой охраны интересов всех субъектов социального общения и взаимодействия, а в конечном итоге – состояния их защищенности (безопасности). В-четвертых, в части интегративной функции общественная опасность способствует объединению общества вокруг общих ценностей и норм, формированию

³¹⁸ П. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 15.05.2018 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации». Текст : электронный // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/26765/>

³¹⁹ Там же. П. 1

правосознания граждан, поддержанию социальной стабильности и правопорядка. Наконец, в контексте адаптивности (способности) к трансформации общественная опасность изменяется в зависимости от социально-политической ситуации, реагируя на новые вызовы и угрозы личности, обществу, государству, позволяя корректировать правовую политику государства. Следовательно, общественная опасность не является статичной категорией. Она эволюционирует вместе с развитием общества, изменениями в социально-политической и экономической сферах.

Не имея законодательного определения, категория «общественная опасность» обладает легальным признанием ее существования и уголовно-правовым значением, место и функции которой непосредственно отражены в положениях ст. 5, 6, 14, 15, 25, 26, 28, 34, 37, 60 УК РФ.

В целом содержание перечисленных норм позволяет назвать уголовно-правовое значение характера и степени общественной опасности.

Во-первых, в контексте институционального значения степень и характер лежат в основе построения многих институтов уголовного права и влияют на формирование уголовной политики. Во-вторых, с позиции нормативно-регулятивного значения характер и степень общественной опасности служат критериями оценки определения преступности деяния, необходимости уголовной ответственности за его совершение. В-третьих, в контексте законотворческой функции характер и степень общественной опасности являются критериями для криминализации новых видов преступлений, формирования санкций за их совершение и установления их категории. Они же выступают критериями оценки при решении вопроса о декриминализации деяния. В-четвертых, в контексте правоприменительной функции характер и степень общественной опасности используются при назначении наказания, влияя на выбор его вида (видов) и режима его (их) отбывания. Кроме того, оценка степени общественной опасности имеет влияние на снижение категории преступления (ч. 6 ст. 15 УК). В-пятых, в контексте превентивного

значения, помимо частной превенции, характер и степень общественной опасности, оказывая воздействие на формирование правосознания граждан, реализуют предупредительную функцию совершения новых преступлений, чем обеспечивают общую превенцию.

Таким образом, характер и степень общественной опасности являются теми критериями, которые способны показать внутренние сущностные закономерности уголовно-правовой действительности, заключая в себе предельно полную информацию о ее предмете. Исходя из этого, степень и характер общественной опасности выполняют важную политико-правовую функцию, обеспечивая баланс между свободой личности и необходимостью обеспечения безопасности интересов личности, общества и государства с помощью средств уголовно-правового воздействия.

ГЛАВА 5. СИСТЕМНОЕ СВОЙСТВО ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Изучение любой вещи или явления нужно начинать с выделения его состояний или состояния. Напомним, что, отражая сначала статику, категория «состояние» одновременно с помощью изменяемых свойств показывает и объясняет разные процессы преобразования вещей или явлений, раскрывая их динамическую сторону. То есть если в описании статики процесса категория «состояние» характеризует сущностные свойства объектов в данный момент времени, то в рамках длящегося существования и (или) качества объекта в целом (либо его частей) легко отображаются изменения, процессы, эволюции и т.п. характеристики. Следовательно, состояние защищенности (безопасности) субъектов уголовного права может быть установлено из анализа действующего уголовного законодательства и его изменений, его развития.

Особенная часть уголовного закона – это своеобразная форма отображения признанных обществом и охраняемых государством интересов участников общественных отношений, позволяющая сделать выводы и о достаточности уголовно-правовой охраны этих интересов, ее качестве, соответственно, и о безопасности субъектов уголовного права.

На протяжении всего времени действия Уголовного кодекса 1996 г. его Особенная часть, по мнению Д. В. Голенко, находится в состоянии фактического реформирования. Этот процесс видится автору в появлении новых статей, в исключении ранее действовавших статей, в изменении структурных компонентов. Тенденциями развития Особенной части УК РФ, с одной стороны, является стабилизация, с другой стороны, динамизм³²⁰.

³²⁰ Голенко Д. В. О тенденциях развития Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 4. С. 27.

Согласимся с автором в части применяемого ею методологического приема – противопоставления как эффективного средства анализа явлений для последующего их синтеза в единое целое. И тем не менее возразим в части, касающейся используемой ею парной категории – «стабилизация». Полагаем, учитывая те цели, которые ставит Д. В. Голенко, а именно установление тенденции развития Особенной части УК РФ, правильнее использовать другую парную категорию – «статичность».

Динамика и статика, являясь основополагающими понятиями, отображающими смысл и понимание идущих процессов, являются базовыми системообразующими категориями. Как правило, их противопоставление происходит одновременно с использованием других системных категорий – изменение, стабильность, устойчивость, трансформация и др., то есть того, что является результатом этого противопоставления, характеризующего состояние системы. В нашем случае – системы Особенной части УК РФ.

Современный законодатель «щедр» на законотворчество. Достаточно ознакомиться со списком изменений и их содержанием к основному тексту УК РФ, чтобы понять – не осталось ни одной главы Особенной части УК, которая не претерпела бы каких-либо изменений.

Не все из них в научной среде получили (получают) положительные отзывы. В основном критика касается 1) всевозрастающей тенденции – с помощью уголовного права управлять всеми сферами жизни общества, 2) качества нормативного материала уголовного законодательства.

Обоснованно мнение ученых об ограниченном ресурсе мер уголовно-правового воздействия. Их эффективность зависит от умелого сочетания с иными мерами (экономическими, организационными, идеологическими и др.), а также от соответствующей (адекватной) оценки характера и степени общественной опасности деяния³²¹.

³²¹ См.: Рапог А. И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 472; Кондрат И. Н. Современная концепция уголовной политики и ее влияние на развитие уголовно-процессуальных отношений // Современные пробле-

А. Г. Безверхов и Д. В. Голенко отмечают, «...увеличение количества статей в нормативном правовом акте должно быть связано с существенным изменением регулируемых им отношений, например в связи с существенным изменением политических, экономических, социальных условий внутри государства. Однако вряд ли следует говорить о том, что в нашем государстве происходят столь активные процессы, на которые законодатель так стремительно реагирует»³²². Полагаем, дело не в активности происходящих процессов, а в способности какого-либо деяния причинять или создавать угрозу причинения этим процессам настолько общественно опасного вреда, что требуется его криминализация.

Заслуживает поддержки позиция ученых, отмечающих в качестве серьезных недостатков появление объемных формулировок названия статей, по сути, дублирующих диспозиции³²³. Это свидетельствует об «увлечении» законодателем казуистическим приемом формулирования уголовно-правовых норм в ущерб не столько экономии нормативного материала, сколько способности охватить такой нормой все возможные виды преступного поведения. Причем не только существующего, но и которое возникнет в будущем, иначе в способности такой нормы действовать на перспективу.

Возражение вызывает (также из-за использования казуистического приема) появление в УК РФ составов преступлений, уже охватываемых другими нормами уголовного закона.

Однако в данной работе нет необходимости останавливаться на достоинствах и недостатках абстрактного и казуистического приемов изложения уголовно-правовой нормы, они в литературе

мы уголовной политики : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2013. Т. 1. С. 224.

³²² Безверхов А. Г., Голенко Д. В. Строение Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: современность и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 24.

³²³ См.: Ситникова А. И. Проблема качества уголовного закона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2014. № 4. С. 123.

назывались неоднократно³²⁴. Отметим лишь основной недостаток казуистического приема – любой перечень конкретных фактов, даже, казалось бы, самый полный, не в состоянии охватить все факты данного рода.

Отрицательной чертой уголовного законодательства является также большое количество частей в некоторых статьях Особенной части УК РФ. По этому поводу А. В. Иванчин считает, что достаточное число частей в статье Особенной части УК должно быть ограничено тремя, в исключительных случаях – четырьмя частями³²⁵.

Негативно отражается на дифференциации уголовной ответственности введение в статьи Особенной части УК РФ таких обозначений, как чч. 1.1, 1.2, 2.1, по факту свидетельствующих о значительно большем количестве частей в этих статьях³²⁶.

Данные вопросы, локального характера, находятся в пределах проблем юридической техники, что непосредственно в предмет настоящего исследования не входит. Поэтому, возвращаясь к названной Д. В. Голенко тенденции Особенной части к динамизму, отметим, что такой подход используется для оценки произошедших в системе качественных изменений при ее переходе из одного состояния в другое, характеризующееся преобразованием исходной структуры исследуемого объекта составом элементов и их взаимосвязи. Отсюда следует, что вряд ли внесенные изменения в УК РФ соответствуют этому требованию.

³²⁴ См.: Денисова А. В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 94–99; Иванчин А. В. Абстрактный и казуистический приемы в уголовном правотворчестве // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 195–199; Рыпьев А. Г. Пределы казуистичности в правотворческом процессе: упущения регламентации общественных отношений и риски правового усмотрения // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 41–46; Соловьев О. Г. Правотворческие приемы конструирования уголовно-правовых норм: понятие, виды, значение // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 7–9.

³²⁵ Иванчин А. В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 174.

³²⁶ Безверхов А. Г., Голенко Д. В. Указ. соч. С. 21.

В то же время, говоря о стабильности Особенной части УК, Д. В. Голенко отмечает сохранение его основной структуры, то есть о неизменности количества и наименования разделов и глав уголовного закона. Она пишет: «Для диссертационных работ, касающихся Особенной части отечественного уголовного законодательства, не является редкостью разработка предложений по изменению количества, заглавия или содержания разделов и глав Особенной части УК РФ»³²⁷. С ее точки зрения, не все предложения являются обоснованными, поскольку касаются какого-либо одного или нескольких структурных компонентов. Изменившиеся с момента принятия УК РФ 1996 г. социально-экономические и политико-правовые условия внутри государства и в мире выявляют потребность в обсуждении различных вариантов изменения структуры Особенной части УК РФ, соответственно числа и названия его разделов и глав. Но, подобные изменения должны касаться всего УК и они должны быть концептуальными³²⁸.

На первый взгляд, одним из примеров соблюдения названного Д. В. Голенко пожелания является авторская теоретическая модель Особенной части УК РФ, разработанная Н. А. Лопашенко, Е. В. Кобзевой, К. М. Хутовым и Р. О. Долотовым (далее – теоретическая модель). Принципиальным отличием представленной теоретической модели в сравнении с действующей структурой Особенной части УК является увеличение числа разделов. Вместо шести существующих на сегодняшний день разделов в УК РФ коллектив авторов предлагает одиннадцать разделов. Среди них: Раздел 1. «Преступления против жизни, здоровья, свободы и неприкосновенности личности»; Раздел 2. «Преступления против иных конституционных прав и свобод человека и гражданина»; Раздел 3. «Преступления в сфере интеллектуальной собственности и компьютерной информации»; Раздел 4. «Преступления в сфере экономики»; Раздел 5. «Преступления против общественной безопасности»;

³²⁷ Голенко Д. В. Указ. соч. С. 27.

³²⁸ Там же.

Раздел 6. «Преступления против экологической безопасности»; Раздел 7. «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»; Раздел 8. «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»; Раздел 9. «Преступления против власти и управления»; Раздел 10. «Преступления против военной службы»; Раздел 11. «Преступления против мира и безопасности человечества»³²⁹.

Сосредоточение преступлений в сфере интеллектуальной собственности и компьютерной информации в отдельном разделе за рамками раздела «Преступления в сфере экономики» объясняется авторами неспособностью нынешнего местоположения передать всю их специфичность, заключающуюся в совокупности как имущественных, так и неимущественных прав, и тяготеющих поэтому к преступлениям в сфере компьютерной информации³³⁰. Выделение такого раздела, а следовательно, и общего родового объекта, с позиции авторов, позволит в дальнейшем совершенствовать систему самих глав названного раздела, отметим, включающего в рассматриваемой теоретической модели всего только две главы: «Преступления в сфере интеллектуальной собственности»; «Преступления в сфере компьютерной информации»³³¹. Поэтому непонятно, какое новое качество, способное охарактеризовать родовой объект этих групп преступлений образуется, если сам раздел, исходя из его наименования, ничего, кроме как указания на эти группы преступлений, не содержит?

Другие новые разделы теоретической модели, как пишут сами авторы, возникли вследствие деления уже имеющихся в Особенной части УК разделов, «...прежде всего для того, чтобы акцентировать важность уголовно-правовой охраны отношений и благ, положенных в основу надродового объекта (или являются крупным и важным

³²⁹ Лопашенко Н. А., Кобзева Е. В., Хутов К. М., Долотов Р. О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 110, 111.

³³⁰ Там же. С. 112.

³³¹ Там же. С. 111, 112.

родовым объектом), а также в силу сложной структуры тех объектов, которые ранее законодатель считал родовыми»³³².

А. И. Коробеев и А. И. Чучаев, отмечая в качестве извинительных причин первый опыт разработки современного (нового) УК РФ (по крайней мере, из опубликованных), тем не менее в целом предложенному Н. А. Лопашенко и ее соавторами проекту, дают отрицательную оценку, считая его непригодным для решения актуальных задач современной России. «И главная его беда не в том, что он не стал концептуально оптимальным «маленьким, но жестким УК», то есть истинно и исконно приближенным к идеальным параметрам единственно возможного и необходимого свода уголовно-правовых запретов, а в том, что он мало чем отличается (в концептуальном, универсальном, рациональном, технико-юридическом и прочих отношениях) от той версии УК РФ, которая действует в настоящий момент, вызывает тотальную (и абсолютно обоснованную) критику со всех возможных сторон»³³³.

Какой отличный концептуальный смысл видится в новом УК, кроме того, что он должен быть «маленьким, но жестким», А. И. Коробеевым и А. И. Чучаевым не называется. Оценка проекта производится ими в контексте так называемых транспортных преступлений. Следует отметить, что с большинством из указанных замечаний относительно каждого из этой группы преступления, адресованных разработчикам проекта, можно согласиться, но возможно ли на примере одной группы преступлений вести речь о какой-либо концепции проекта в целом или какой-либо концепции Особенной части УК? Будет ли такой результат достоверным? Более того, являясь сторонниками переименования гл. 27 УК в «Транспортные преступления», в сущности лишь объясняют целесообразность этого предложения громоздкими названиями предлагаемых в науке уголовного права формулировок.

³³² Лопашенко Н.А., Кобзева Е. В., Хутов К. М., Долотов Р. О. Указ. соч. С. 110, 111.

³³³ Коробеев А. И., Чучаев А. И. Транспортные преступления: проект новый – недостатки старые // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10 (107). С. 186.

Разработчики теоретической модели, по их утверждению, не ставили цель изменить все только для того, чтобы изменить. То, что апробировало себя в правоприменении и не вызывает больших сомнений в теории, они сохранили³³⁴. На наш взгляд, за исключением главного – показать (следовательно, и увидеть) основное назначение уголовного закона – чьи интересы от преступных посягательств им охраняются, чья безопасность им обеспечивается³³⁵.

Прав А. В. Наумов в том, что «в любой стране основное назначение уголовного права одинаково – защита личности, общества и государства от преступных посягательств. А вот принципы реализации этой задачи в уголовном законодательстве зависят именно от содержания обслуживаемого им политического и экономического строя... В рамках одного строя (пусть и на разных этапах его развития) различие в провозглашенных в уголовном законодательстве концептуальных идеях менее важно, чем их сходство»³³⁶. Следуя логике процитированного автора, получается, что все другие (возможно и значительные) идеи являются (должны являться) лишь детализацией названной концептуальной идеи. «Никакого нового уголовного права не будет. Будет органическое развитие старого с его приспособлением к новым (для каждого исторического периода) реалиям. И любые трудности борьбы с преступностью (в том числе и международная организованная преступность и международный терроризм) не способны заставить отказаться от основополагающих материально-правовых (уголовно-правовых) принципов»³³⁷.

³³⁴ Лопашенко Н. А., Кобзева Е. В., Хутов К. М., Долотов Р. О. Указ. соч. С. 112.

³³⁵ Решетникова Г. А. Системное свойство Особенной части Уголовного кодекса и его значение для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Системно-деятельностный подход: криминалистика и правоохранительная практика : сб. ст. Всерос. науч.-практич. конф., посвящ. 90-летию доктора юрид. наук, профессора Марата Константиновича Каминского. Ижевск : Удмуртский университет, 2024. С. 151.

³³⁶ Наумов А. В. О будущем российского уголовного права – законодательства, его применения и науки // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 59. С. 16.

³³⁷ Там же. С. 19.

«Структура УК 1996 г. стала более сложной по конструкции, но одновременно более доступной, удобной с точки зрения отыскания необходимого материала и восприятия его в процессе правоприменительной деятельности»³³⁸. Еще одним достоинством УК РФ 1996 г. является то, что существующая система Особенной части как законодательная формализация правовых отношений между личностью, обществом и государством, отчетливо показывает, на ком лежит обязанность, и чью безопасность следует обеспечивать.

Для всех названных субъектов общим является интерес в их безопасности: состоянии их защищенности от преступных посягательств физических лиц. Обеспечение безопасности личности, общества и государства (субъектов уголовного права), а также мира и безопасности человечества принадлежит государству. В этом заключается его охранительная и предупредительная функции путем ограничения свободы личности, в том числе и мерами уголовно-правового воздействия.

По мнению Г. П. Новоселова, вопрос о системе Особенной части УК РФ тесно связан с вопросом о классификации преступлений, их систематизацией, классификационных уровнях и иерархических связях³³⁹.

В отечественном уголовном праве решение указанной проблемы происходит путем вертикальной дифференциации объектов преступления. Причем если в УК РСФСР 1960 г. системообразующими объектами являлись родовой и непосредственные объекты преступления, то по УК РФ 1996 г. к ним добавился еще и видовой объект преступления³⁴⁰.

Однако, по утверждению Г. П. Новоселова, эти представления являются спорными как в части научной обоснованности вертикальной дифференциации объектов преступления, так и в том, что вертикальной дифференциацией не берется в расчет, что в первую

³³⁸ Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. С. 140.

³³⁹ Новоселов Г. П. Система Особенной части УК РФ. С. 52.

³⁴⁰ Там же.

очередь происходит деление преступлений на типы: опасные для а) личности, б) общества и в) государства. «Тот факт, что данный вид классификации преступлений в УК РФ упоминается лишь в Общей части УК РФ (ч. 2 ст. 2) и формально не нашел непосредственного отражения в Особенной части РФ, вовсе не означает, что это деление должно рассматриваться вне единой системы преступлений, предусмотренной Особенной частью УК РФ, или в отрыве от выделяемых в ней разделов»³⁴¹.

К сожалению, – считает Г. П. Новоселов, – научной общественностью такое деление преступлений не исследуется, в связи с чем нет ответов на многие вопросы. В частности, что для такого деления выступает общим основанием? Правомерно ли нахождение в одном ряду преступлений против государства? Вписывается ли в данную классификацию преступления против мира и безопасности человечества? Если да, то что в таком случае является основанием деления Особенной части УК на разделы, учитывая, что их семь?³⁴²

Критерием построения системы Особенной части УК РФ являются интересы субъектов уголовного права. Это вытекает из задач уголовного закона. Нами неоднократно отмечалось, что жизненно важные интересы субъектов уголовного права (объектов безопасности) находят выражение в нормах Особенной части уголовного закона: личности – в разд. VII УК РФ; общества – в разд. IX УК РФ; государства – в разд. X и XI УК РФ; экономические интересы всех субъектов уголовного права – личности, общества и государства – в разд. VIII УК РФ. Преступления против военной службы выделяются в самостоятельный раздел, поскольку военная служба как элемент организационной системы управления в сфере исполнительной власти государства, имеет качественно иное функциональное назначение. Преступления против мира и безопасности человечества содержатся в отдельном разделе, потому что мир и безопасность являются основополагающими условиями благопо-

³⁴¹ Новоселов Г. П. Система Особенной части УК РФ. С. 52., 53.

³⁴² Там же. С. 53, 54.

лучия личности, общества и государства. Государство, принимая обязательства по охране мира и безопасности человечества, получает право ограничивать свободу личности в этих целях.

Г. П. Новоселов приводит другое объяснение: «Первые два раздела Особенной части объединяет то, что в них идет речь о преступлениях, посягающих на определенные виды благ: личного неимущественного (не отчуждаемые) или имущественного (отчуждаемые) отдельных лиц. В преступлениях против общества и государства предполагается посягательство на различные блага, затрагивающие интересы многих лиц. Но если это так, то расположение в Особенной части опасных для личности преступлений на первое место, опасных для общества – на второе место и опасных для государства – на третье место отражает стремление законодателя при размещении материала в Особенной части УК РФ следовать принципу «от простого к сложному»³⁴³.

Представленный аргумент, на наш взгляд, неубедительный. Как отмечалось выше, экономические интересы определяют необходимые условия «вещественного существования» не только личности, но и общества, и государства. Поскольку личность, общество и государство как социально-правовые конструкции производны от человека, сомнительно, что очередность их уголовно-правовой охраны имеет принципиальное значение. Все субъекты уголовного права в равной степени нуждаются в достаточной защищенности их жизненно важных интересов, а обязанностью государства является обеспечение этой защищенности в той мере, в какой необходимо для каждого из субъектов. Уголовно-правовое значение публичных интересов как предмета уголовно-правового регулирования определяется единым для всех субъектов уголовного права масштабом оценки их социальной значимости. Определение же приоритетов в уголовно-правовой охране – это политическое решение, итог политической оценки.

³⁴³ Новоселов Г. П. Там же. С. 55.

Так, в преамбуле к Стратегии 2021 г. указано, что последовательно проводимый Российской Федерацией курс на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала обеспечил укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления.

Конституцией Российской Федерации закреплены фундаментальные ценности и принципы, формирующие основы российского общества, безопасности страны, дальнейшего развития России в качестве правового социального государства, в котором высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, повышение благосостояния народа, защита достоинства граждан Российской Федерации (далее – граждане).

Только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России. Для этого необходимы согласованные действия по реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, направленные на нейтрализацию внешних и внутренних угроз и создание условий для достижения национальных целей развития³⁴⁴.

Таким образом, в водной части документа названы два, связанных друг с другом, концептуальных положения: во-первых, укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления; во-вторых, высший принцип – соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, повышение благосостояния народа, защита достоинства граждан³⁴⁵.

³⁴⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указа Президента Российской Федерации № 400 от 2 июля 2021 г...

³⁴⁵ Неймарк М. А. Новая Стратегия национальной безопасности России: преемственность и развитие. // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2021. № 7. С. 10.

Впервые термин «стратегические национальные приоритеты Российской Федерации» был использован в Стратегии 2009 г.³⁴⁶. В двух последующих Стратегиях 2015 и 2021 гг.³⁴⁷ его употребление стало традиционным.

Например, в Стратегии 2009 г. отмечалось, что внутренние и внешние суверенные потребности государства в обеспечении национальной безопасности реализуются через стратегические национальные приоритеты³⁴⁸. К основным приоритетам национальной безопасности России были отнесены: 1) национальная оборона; 2) государственная и общественная безопасность³⁴⁹.

В Стратегии 2015 г. обеспечение национальных интересов осуществлялось посредством реализации следующих стратегических национальных приоритетов: 1) оборона страны; 2) государственная и общественная безопасность; 3) повышение качества жизни российских граждан; 4) экономический рост; 5) наука, технологии и образование; 6) здравоохранение; 7) культура; 8) экология живых систем и рациональное природопользование; 9) стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство.

В Стратегии 2021 г. к ним стали относиться: 1) сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; 2) оборона страны; 3) государственная и общественная безопасность; 4) информационная безопасность; 5) экономическая безопасность; 6) научно-

³⁴⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента Российской Федерации № 537 от 12 мая 2009 г....

³⁴⁷ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021...

³⁴⁸ Пункты 22, 23 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Утв. Указом Президента Российской Федерации № 537 от 12.05.2009 (в ред. от 01.07.2014)...

³⁴⁹ Пункты 22, 23 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Утв. Указом Президента Российской Федерации № 537 от 12.05.2009 (в ред. от 01.07.2014)...

технологическое развитие; 7) экологическая безопасность и рациональное природопользование; 8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; 9) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество³⁵⁰.

За время существования этого термина основной его смысл не изменился. Поэтому в настоящей работе мы руководствуемся определением, данным в Стратегии 2021 г. На основании документа стратегические национальные приоритеты Российской Федерации (далее – стратегические национальные приоритеты) – это важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации³⁵¹.

Сопоставление этого определения с определением национальных интересов и их видов, некоторые из которых относятся к числу стратегически приоритетных, позволяет понять значение феномена «стратегические национальные приоритеты». Оно заключается не только в очередности реализации того или иного направления деятельности, но и в важности, преимуществе защиты на определенном отрезке времени тех национальных интересов, которые определяются базовым документом стратегического планирования в определенной последовательности. Формализация стратегических национальных приоритетов позволяет увидеть эту очередность³⁵².

³⁵⁰ Пункт 26 Стратегии 2021 г.

³⁵¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации № 400 от 2 июля 2021 г....

³⁵² Решетникова Г. А. Защита традиционных духовно-нравственных ценностей как стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Уголовно-правовая защита традиционных ценностей : материалы межвузовского круглого стола (Екатеринбург, 10 октября 2023 года). Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2023. С. 52.

Стратегические национальные приоритеты в порядке очередности	Стратегия 2009 г.	Стратегия 2015 г.	Стратегия 2021 г.
1.	Национальная оборона	Оборона страны	Сбережение народа России развитие человеческого потенциала
2.	Государственная и общественная безопасность	Государственная и общественная безопасность	Оборона страны
3.		Повышение качества жизни российских граждан	Государственная и общественная безопасность
4.		Экономический рост	Информационная безопасность
5.		Наука, технологии и образование	Экономическая безопасность
6.		Здравоохранение	Научно-технологическое развитие
7.		Культура	Экологическая безопасность и рациональное природопользование
8.		Экология живых систем и рациональное природопользование	Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти
9.		Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство	Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество

Стратегические национальные приоритеты – это результат эмпирического исследования. В их основании лежат факты, определяющие приоритетность и очередность их реализации. Каждому национальному интересу, обеспечение которого признано приоритетным в Стратегиях, дается (давалась) оценка его текущего состояния и оценка соответствующих угроз.

Определяющим качеством феномена «стратегические национальные приоритеты» является то, что он позволяет, не выделяя чью-либо приоритетную защиту (личности, общества или государства), исходя из социальной, экономической, политической и геополитической обстановки показать, что речь о приоритетах идет лишь в контексте национальных интересов, больше или меньше затрагивающих каждого из названных субъектов на определенном этапе развития общества³⁵³.

В качестве первого стратегического национального приоритета в Стратегии 2021 г. говорится о сбережении народа России и развитии человеческого потенциала. Такая формулировка приоритета используется впервые. Национальный интерес – «повышение качества жизни» дополнен новым термином – «сбережение народа». Прежде всего, это объясняется тем, что народ является носителем суверенитета Российской Федерации и ее главным достоянием. Российские духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности, талант народа лежат в основе государственности и являются фундаментом для дальнейшего развития страны³⁵⁴.

В соответствии со Стратегией 2021 г., как справедливо отмечает В. К. Белозеров, «...смысл государственной политики заключается в создании условий для процветания народа, его физического и духовного развития. Без развития человека и сбережения народа нельзя рассчитывать на какую-либо привлекательность и успех

³⁵³ Решетникова Г. А. Защита традиционных духовно-нравственных ценностей как стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности Российской Федерации... С. 57, 58.

³⁵⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации № 400 от 2 июля 2021 г...

российской модели устройства и развития страны»³⁵⁵. Не существует замены человеческому и интеллектуальному потенциалу³⁵⁶.

Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала являются емкими понятиями. По своему содержанию сбережение народа России включает все стороны жизни людей, начиная от соответствующих условий физического существования и заканчивая развитием интеллектуальных, творческих и профессиональных способностей личности, особенно нужных в эпоху цифровизации и роботизации как необходимых условий сохранения уникальности человеческих возможностей. Л. В. Шемберко пишет: «...сбережение и умножение нации охватывает физическое и нравственное здоровье, моральное и материальное благополучие, социальную правду и общественное согласие, ликвидацию массовой бедности населения как социального явления, преодоление беспрецедентного сокращения коренного населения, создание условий для развития национальной инфраструктуры физической культуры и спорта»³⁵⁷.

Поиск информации в базе данных по демографии и экономике позволил автору найти множество документов, где рассматривается качество человеческого капитала, определяющее конкурентоспособность рабочей силы, российского бизнеса, производительность труда и состояния экономики в целом³⁵⁸. Неслучайно в Стратегии 2021 г. в части, посвященной экономической безопасности отмечается, что в условиях продолжающейся структурной перестройки мировой экономики, связанной с изменением технологиче-

³⁵⁵ Белозёров В. К. Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 2 (843). С. 22.

³⁵⁶ Римащевская Н. М. Качественный потенциал наследия России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. 2001. № 3. С. 34.

³⁵⁷ Шемберко Л. В. Стратегические направления сбережения нации и развития человеческого капитала в России: информационный анализ на основе баз данных по социальным и гуманитарным наукам // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12-3. С. 585.

³⁵⁸ Там же.

ского фундамента ее развития, все большее значение приобретают человеческий потенциал и экология. Трансформация традиционных рынков товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, появление новых секторов экономики сопровождаются перераспределением ролей и потенциала отдельных стран и регионов мира, формированием новых центров экономического влияния³⁵⁹.

Целями обеспечения экономической безопасности Российской Федерации являются укрепление экономического суверенитета страны, повышение конкурентоспособности российской экономики и ее устойчивости к воздействию внешних и внутренних угроз, создание условий для экономического роста Российской Федерации, темпы которого будут выше мировых³⁶⁰.

Поэтому закономерно, сбережение народа России и развитие человеческого капитала в Стратегии 2021 г. названо в качестве первого стратегического национального приоритета, а не оборона страны, как было в двух предыдущих Стратегиях. В. К. Белозеров отмечает, в течение нескольких лет Россия величайшими усилиями увеличивала и продолжает преумножать свой оборонный потенциал, продемонстрировала свою возможность и мощь в применении военной силы, поскольку международная обстановка заставляет Россию, несмотря на трудности, быть во всеоружии. В то же время в современных реалиях геополитическая напряженность затронула другие сферы, в которых непрерывно и настойчиво создаются условия для развития губительного воздействия на целые народы и государства³⁶¹. Например, в информационной среде. Стратегический национальный приоритет – информационная безопасность хотя и занимает четвертую позицию среди всех стратегических национальных приоритетов, однако в качестве такового стал считаться впервые. Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий, сопровождающееся повышенной вероятностью угроз

³⁵⁹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021...

³⁶⁰ Там же.

³⁶¹ Белозёров В. К. Указ. соч. С. 28.

безопасности граждан, общества и государства, а также международному миру и безопасности, обязывает быть готовыми для их предотвращения. Названный стратегический национальный приоритет направлен на развитие безопасного информационного пространства и защиту российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия.

Проведенный Л. В. Шемберко анализ научной литературы позволил выявить следующие ценности, являющиеся основополагающими для сохранения российской нации: справедливость как социальное и политическое равноправие; распределение по совести результатов труда; достойное вознаграждение; назначение наказания по заслугам; честность как условие общественной и личной морали; соблюдение и уважение прав и свобод человека; личная свобода, пределы которой обусловлены личной нравственной ответственностью; признание и уважение национальных, религиозных и культурных особенностей; сбережение религиозных традиций; единство различных социальных, политических, мировоззренческих групп и национальностей; убеждения и нравственные жизненные принципы; патриотизм; мирное разрешение противоречий и конфликтов в обществе; солидарность, объединяющая народ, обеспечивающая единство нации³⁶².

Таким образом, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти логично также названа в Стратегии 2021 г. в качестве приоритетного направления. Нахождение этого приоритета в общем списке в качестве предпоследнего несколько не умаляет его значение, поскольку его реализация служит основным средством в деле обеспечения первого стратегического национального приоритета – сбережение народа России и развитие человеческого потенциала³⁶³.

³⁶² Шемберко Л. В. Указ. соч. С. 584, 585.

³⁶³ Решетникова Г. А. Защита традиционных духовно-нравственных ценностей как фактор сбережения народа России // Конституция Российской Федерации: история, современность, новые приоритеты и перспективы : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ.

Утверждение Указом Президента РФ Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее – Основы)³⁶⁴ активизировало процесс исследования рассматриваемого феномена, в том числе и в правовых науках.

Основы конкретизируют отдельные положения некоторых документов стратегического планирования, в первую очередь Стратегии 2021 г.

Сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей и культуры называлось в числе национальных интересов и в Стратегии 2015 г.³⁶⁵. Однако если в ней речь шла лишь об их сохранении, то в действующей Стратегии 2021 г. уже говорится об их укреплении. Кроме того, согласно Стратегии 2021 г. их защита относится к числу приоритетных направлений³⁶⁶. Дополнено это приоритетное направление и новым понятием – «защита исторической памяти». В этой связи принятие Основ и их утверждение Президентом РФ своевременно.

О своевременности документа свидетельствует происходящий в настоящее время опасный по своим последствиям процесс, который условно можно назвать «разрушением традиционных ценностей». Содержательно об этом сказано в Стратегии 2021 г.: «Происходящие в современном мире изменения затрагивают не только межгосударственные отношения, но и общечеловеческие ценности. Достигнув высокого уровня социально-экономического и техноло-

30-летию Конституции Российской Федерации. Ижевск : Удмуртский университет, 2024. С. 88.

³⁶⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

³⁶⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683...

³⁶⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021...

гического развития, человечество столкнулось с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов <...> все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности. Абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждается культ насилия, потребления и наслаждения, легализуется употребление наркотиков, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни. Проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений становятся предметом геополитических игр и спекуляций, порождающих вражду и ненависть»³⁶⁷. Следовательно, необходима разработка механизма по передаче опыта поколений, требуются мероприятия по расширению влияния традиций на жизнедеятельность общества.

В Основах дается оценка состоянию, основных рисков и угроз традиционным российским духовно-нравственным ценностям, изложены цели, задачи, инструменты государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, содержание этой деятельности, учитывая особенности регулируемой сферы общественных отношений. Основами предусматривается понятийный аппарат, что существенно облегчает понимание содержания и смысла документа в целом³⁶⁸.

Согласно Основам под традиционными ценностями понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа

³⁶⁷ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021...

³⁶⁸ Решетникова Г. А. Защита традиционных духовно-нравственных ценностей как фактор сбережения народа России... С. 86, 87.

России. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России³⁶⁹.

Не названа в этом перечне религия, хотя именно она в традиционном обществе имеет значение базиса для формирования общественного сознания. Доказательством этому являются положения Основ. В частности, в п. 6 указано, что христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию³⁷⁰. Религия, внося свой вклад в формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей, является важным социальным институтом для их поддержания. Поэтому в качестве задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей называются поддержка религиозных организаций традиционных конфессий, обеспечение их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных ценностей; противодействие деструктивным религиозным течениям³⁷¹.

Разумеется, не обо всех перечисленных в Основах ценностях можно сказать, как о пришедших из далекого прошлого. Тем не менее большая часть пришла именно из глубины веков. Их главная черта состоит в том, что традиционные российские духовно-нравственные ценности, проверенные временем, являются итогом при-

³⁶⁹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809...

³⁷⁰ Там же.

³⁷¹ Там же.

обретенного социального опыта, а сделанные на его основании выводы свидетельствуют об их важности для страны, следовательно, и их обязательном (нужном) исполнении.

Именно этот смысл содержится в данном Основами определении традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Определением подчеркивается уникальность нашей культуры как источника силы и единства, а значит, необходимости ее сбережения и защиты от глобализации.

Дополняет эту точку зрения и одно из значений ключевого слова, использованного в рассматриваемом словосочетании, — «традиция» как важное условие устойчивости, сохранения и преемственности бытия всего человечества, формирующего начала (основы) идентичности человека, группы или всего общества³⁷². Поэтому нельзя согласиться с бытующим среди некоторой части общества мнением, что изменение общественных отношений должно повлечь и изменение традиционных ценностей.

В Стратегии 2021 г. указывается на участвовавшие попытки фальсификации российской и мировой истории, искажение исторической правды и уничтожение исторической памяти народа, «вестернизацию» культуры, создающей угрозу для России в утрачивании своего культурного суверенитета. В. Д. Рузин пишет: «И если нам удалось сегодня вернуть политический суверенитет, с культурным суверенитетом, на мой взгляд, ситуация гораздо сложнее — в значительной степени он нами сегодня утерян. Некоторые могут сказать о том, что не бывает суверенитета культурного, культура всемирна. На что я бы ответил, что культура не имеет границ, но культура имеет корни. И весь вопрос вот в чём: следующее поколение, какое-либо другое поколение, через поколение, воспитанное уже в отсутствие культурного суверенитета или в иных культурных традициях, захочет ли оно вообще сохранять политиче-

³⁷² Толстых В. И. Традиция // Новая философская энциклопедия : в 4-х т. М. : Мысль, 2010. Текст : электронный // Электронная библиотека Института философии РАН : [сайт]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about>

ский суверенитет страны?»³⁷³. В этой связи разработан и актуализирован комплекс мер, направленных на активное противодействие названным в Основах угрозам.

Далее, во всех трех Стратегиях, обеспечение государственной и общественной безопасности относится к числу стратегических приоритетных направлений. В соответствии со Стратегией 2021 г. обеспечению государственной и общественной безопасности способствует реализация мер, направленных на усиление роли государства как гаранта безопасности личности и прав собственности, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб по защите основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, совершенствование единой государственной системы профилактики преступности, обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления, а также на формирование в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности³⁷⁴. Таким образом, в обновленной Стратегии 2021 г. сделан акцент на усиление роли государства «как гаранта безопасности личности и прав собственности», «прав и свобод человека и гражданина». На принципиально новую основу поставлена проблема борьбы с коррупцией и нецелевым использованием бюджетных средств. В Стратегии 2021 г. особо указывается на необходимость предупреждения и пресечения преступлений коррупционной направленности, нецелевого использования и хищения бюджетных средств – особенно при реализации национальных проектов и выполнении оборонного заказа, а также возмещения ущерба, причиненного такими преступлениями, и повышения ответственности за их совершение. Полагаем, именно с этим связано появление отдельного пункта – совершенствование института ответственности

³⁷³ Рузин В. Д. Культурный суверенитет, общество, государство и личность: штрихи к модели // Коммуникология. 2014. Т. 4, № 2. С. 152.

³⁷⁴ Пункт 41 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации № 400 от 2021 от 2 июля 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»...

должностных лиц за действия (бездействие), повлекшие за собой неэффективное использование бюджетных средств и недостижение общественно значимых результатов национального развития.

Еще одной новеллой Стратегии 2021 г., стратегическую важность которой невозможно недооценивать, является обеспечение защиты населения от опасных инфекционных заболеваний, способных вызвать чрезвычайную ситуацию в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Обусловленность этой новеллы ясна. Это последствия коронавирусной инфекции.

Принципиально новым дополнением Стратегии 2021 г. стало выделение наиболее актуальных и востребованных в современных условиях решений в области научно-технологического развития. Лидерство в развитии науки и технологий рассматривается в качестве одного из ключевых факторов повышения конкурентоспособности и обеспечения национальной безопасности. Заостряется внимание на появлении новых технологий, способствующих созданию образцов вооружения, военной и специальной техники, систем обеспечения безопасности, обладающих ранее недостижимыми характеристиками.

Повышенное внимание в Стратегии 2021 г. уделено проблеме экологической безопасности. В документе отмечается, что в последние десятилетия интенсивный рост производства и потребления в мире сопровождается увеличением антропогенной нагрузки на окружающую среду и ухудшением ее состояния, существенно влияя на изменение условий жизни на Земле. Хищническое использование природных ресурсов ведет к деградации земель и снижению плодородия почв, дефициту водных ресурсов, ухудшению состояния морских экосистем, уменьшению ландшафтного и биологического разнообразия. Усиливается загрязнение окружающей среды, влекущее за собой снижение качества жизни человека. Многие страны испытывают нехватку природных ресурсов. Изменения климата оказывают все более негативное влияние на условия ведения хозяйственной деятельности и состояние среды проживания человека. Возрастает частота опасных природных явлений и процессов, которые становятся источниками возникновения

чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Развитие «зеленой» и низкоуглеродной экономики становится главным вопросом на международной повестке дня. Возрастающая конкуренция за доступ к природным ресурсам – один из факторов усиления международной напряженности и возникновения конфликтов между государствами.

Целями обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования являются обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека, сохранение и восстановление природной среды, сбалансированное природопользование, смягчение негативных последствий изменения климата.

Новый подход используется Россией по вопросам, относящимся к стратегической стабильности и взаимовыгодному сотрудничеству – заключительному стратегическому приоритету. Ярко и убедительно этот подход характеризует следующее утверждение: в случае совершения иностранными государствами недружественных действий, представляющих угрозу суверенитету и территориальной целостности нашей страны, в том числе связанных с применением политических и экономических санкций либо использованием информационно-коммуникационных технологий, Россия считает правомерным принять симметричные меры для пресечения подобных недружественных действий, а также для предотвращения их претворения в будущем. Однако оговаривается, что Россия придерживается использования политических средств, прежде всего механизмов дипломатии и миротворчества, при урегулировании международных и внутригосударственных конфликтов.

В основании стратегических национальных приоритетов, как отмечалось ранее, лежат факты, обуславливающие приоритетность их реализации. Каждому национальному интересу, обеспечение которого признано приоритетным в Стратегии 2021 г., дается оценка его текущего состояния, оценка соответствующих угроз и определяются задачи государственной политики для достижения цели обеспечения безопасности в конкретной сфере.

Безусловно, указанные в Стратегии 2021 г. задачи для обеспечения, например, общественной и государственной безопасности, вовсе не означают, что решение всех их следует проводить используя средства уголовного закона. Средства уголовного закона – это крайняя мера. Напомним, законодатель, признавая деяние преступным, обязан избегать избыточного использования уголовно-правовой репрессии, помня о том, что основанием преступности противоправных деяний могут служить обстоятельства, объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространенности и динамику роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств. Это еще раз подтверждает мысль, что «...уголовное право само не создает границы дозволенного, а лишь ретранслирует (или, по крайней мере, должно ретранслировать) сложившиеся в обществе представления о таких границах»³⁷⁵.

Говорить о безопасности любого из субъектов уголовного права как объекте уголовно-правовой охраны можно из анализа уголовного законодательства на предмет реального (действительного) отражения их жизненно важных интересов в системе норм Особенной части УК РФ, то есть их фактического отражения в системе уголовно-правовых запретов.

Объекты уголовно-правовой охраны, в отличие от объектов преступлений, по словам А. В. Иглина, представляют собой наиболее обобщенную модель жизненно важных интересов абстрактных субъектов уголовного права в их правоотношениях (которые и называются в связи с этим общими), поэтому их структурное обособление в тексте уголовного закона должно отличаться максимальной степенью обобщенности³⁷⁶. Иными словами, личность, общество

³⁷⁵ Незнамова З. А., Незнамов А. В. Административная преюдиция как критерий криминализации противоправного деяния // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2. С. 4.

³⁷⁶ Иглин А. В. Указ. соч. С. 87.

и государство в такой системе должны иметь значение самостоятельных (отдельных) элементов. Поэтому цитируемый автор приходит к выводу, что структурным элементом законодательного текста, отвечающим этим требованиям, является «раздел» Особенной части уголовного закона. Именно он позволяет построить замкнутую систему норм, ориентированную на решение задач обеспечения защищенности каждого из трех субъектов уголовного права в отдельности³⁷⁷.

Суждение А. В. Иглина является неполным. В контексте исследования предыдущих глав, с нашей точки зрения, именно раздел как структурная единица уголовного закона, при сохранении автономности охраны интересов каждого из субъектов уголовного права, параллельно обеспечивает необходимый уровень состояния защищенности (безопасности) национальной безопасности. Об эффективности обеспечения национальной безопасности свидетельствует ее состояние, напрямую зависимое от реализации интересов личности, общества, государства, от удовлетворения их потребностей. Следовательно, в позитивной форме задача заключается в обеспечении средствами уголовного закона соответствующего отражения в Особенной части УК сбалансированных интересов личности, общества и государства, в создании эффективного механизма их уголовно-правовой охраны, а значит, и уголовно-правовой охраны национальной безопасности.

³⁷⁷ Иглин А. В. Указ. соч. С. 87.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абушенко В. Л. Пресуппозиции изучения личности в классической социологии // Социологический альманах. – 2014. – № 5. – С. 206–214.
2. Аверьянова В. Р., Пилюгина Т. В., Юшкина Т. В. Правовая организация взаимодействия и взаимосвязи национальной безопасности и национальных интересов гражданского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 11. – С. 127–133.
3. Александрова А. В., Василенко Н. С., Степанова О. В. и др. Инновации и импортозамещение в промышленности: экономика, теория и практика. – Санкт-Петербург. : СПбПУ., 2015. – 439 с.
4. Арсирый А. Г., Дмитриева Г. М. Материалы по занимательной грамматике русского языка. Часть 1. – Москва, 1963. – С. 210. – Текст : электронный. – URL: <https://djvu.online/file/I50EeqYdncB17>
5. Арсланбекова А. З., Дибиргазиев Д. М. Понятие и структура национальной безопасности // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. – 2024. – Т. 39, вып. 1. – С. 94–99.
6. Архипов С. И. Субъекты права (теоретическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 522 с.
7. Астафьева О. Н. Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном // Знание, понимание, умение. – 2008. – № 4. – С. 15–22.
8. Атаманов Г. А. Диалектика безопасности. – 03.03.2014. – Текст : электронный // Блог Атаманова Г.А. : [сайт]. – URL: <https://gatananov.blogspot.com/2014/03/blog-post.html>
9. Атаманов Г. А. Определения понятий «опасность» и «безопасность». – 01.01.2016. – Текст : электронный // Блог Атаманова Г.А. : [сайт]. – URL: https://gata-manov.blogspot.com/2014/07/blog-post_17.html
10. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е., Андриянов В. К. Уголовная политика : учебное пособие. – Москва : РГУП, 2018. – 73 с.

11. Багдасарян В. Э. Национальное государство сквозь призму идеологий // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2011. – Т. 4, вып. 3. – С. 91–100.
12. Баева Л. В. Экзистенциальная природа ценностей : дис. ... д-ра философских наук. – Волгоград, 2004. – 348 с. – Текст : электронный // Baevaludmila.ru : [сайт]. – URL: <http://baevaludmila.ru/>
13. Безверхов А. Г., Голенко Д. В. Строеие Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: современность и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 44. – С. 17–29.
14. Белов В., Голяков А. Терминологическая база теории безопасности // Стандарты и качество. – 2004. – № 9. – С. 48–51.
15. Белозёров В. К. Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2021. – № 2 (843). – С. 20–35.
16. Белых В. С., Кривошеев И. В. Страхование право. – Москва : Норма, 2002. – 205 с.
17. Бельков О. А. О языке теории и политики национальной безопасности России // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание : материалы Всерос. науч. конф. (Москва / Центр пробл. анал. и гос. – упр. Проект, 4 декабря 2009 г.). – Москва : Научный эксперт, 2010. – С. 144–155.
18. Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории. – Москва : Изд-во МГУ, 1991. – 142 с.
19. Биктагиров Р. Т. Субъект права как опорная категория // Гражданин. Выборы. Власть. – 2018. – № 2. – С. 46–63.
20. Бойцов В. Я. Система субъектов советского государственного права. – Уфа, 1972. – 158 с.
21. Борисенков А. А. Представления об индивидуальном интересе и их значении для изучения национальных интересов // Вестник Сибир. ин-та бизнеса и информационных технологий. – 2015. – № 3 (15). – С. 60–68.

22. Босяцкий А., Любашиц В. Я., Филлипова М. К. Возникновение национального государства как государства современного типа // Теория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. – 2015. – № 4 (31). – С. 122–135.

23. Брауде И. Л. К вопросу об объекте правонарушения по советскому гражданскому праву // Сов. Гос-во и право. – 1951. – № 3. – С. 56–58.

24. Васильченко А. Общерегулятивные (общие) уголовно-правовые отношения // Уголовное право. – 2005. – № 4. – С. 19–22.

25. Васькин А. Н. Правовое значение заинтересованности // Рос. юрид. журн. – 2001. – № 3. – С. 109–113.

26. Верина Г. В Системные связи объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления: анализ и синтез научной мысли // Ленинградский юрид. журнал. – 2014. – № 2 (36). – С. 159–171.

27. Вишняков В. Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации // Журнал российского права. – 2005. – № 9. – С. 27–39.

28. Владимиров С. М. Основные вопросы современной теории субъекта права // Вопросы экономики и права. – 2013. – № 12. – С. 7–11.

29. Владимирова Т. В. Социальная природа информационной безопасности : монография / АНО содействия развитию современной отечественной науки. – Москва : АНО Изд. дом «Науч. обозрение», 2014. – 239 с.

30. Волженкин Б.В. Избранные труды. – 2008. – Текст : электронный // Вики Чтение: Закон и юриспруденция : [сайт]. – URL: <https://law.wikireading.ru/hMcvVZwu24>

31. Вопленко Н. Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Вестник ВолГУ. – 2003–2004. – Сер. 5, вып. 6. – С. 76–89.

32. Галкин А., Красин Ю. Национальные интересы и национальная безопасность России // Обозреватель. – 1997. – № 3. – Текст : электронный // Институт стран СНГ : [сайт]. – URL: https://i-sng.ru/observer/observer/N3-4_97/017.htm

33. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – Москва : АО Центр «ЮрИнфоР», 2001. – 315 с.

34. Генрих Н. В. Предмет уголовного права в контексте теоретических проблем правопонимания // Журнал российского права. – 2010. – № 9. – С. 58–69.

35. Генрих Н. В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2011. – 416 с.

36. Герасимов А. М. Теория уголовного правонарушения : монография. – Москва : Юрлит-информ, 2022. – 320 с.

37. Голенко Д. В. О тенденциях развития Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7, № 4. – С. 26–29.

38. Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве. – Владивосток, 1997. – 193 с.

39. Горяинов О. В. Политико-правовые идеи Т. Гоббса и их влияние на философию французского просвещения: Теоретико-методологический историко-правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – Текст : электронный // disserCat : [сайт]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/politiko-pravovye-idei-t-gobbsa-i-ikh-vliyanie-na-filo-sofiyu-frantsuzskogo-prosveshcheniya-t>

40. Гревцов Ю. И. Субъект права // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2014. – Сер. 14, вып. 1. – С. 33–39.

41. Гриценко А. А. Теоретико-методологические подходы к определению понятия безопасности // Вестник НГУ. Сер. «Философия». – 2008. – Т. 6, вып. 3. – С. 86–91.

42. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1970. – 185 с.

43. Гуревич М. А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Тр. ВЮЗИ. – М., 1965. – Т. 3. – 156 с.

44. Гусейнов А. А. Насилие // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека института философии РАН. – 2001. – Текст : электронный // Наука. Искусство. Величие : [сайт]. – URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/964/nasilie.htm>

45. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – Москва, 1975. – 182 с.
46. Денисова А. В. О приемах законодательной техники, используемых в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. – 2010. – № 2 (29). – С. 94–99.
47. Дрейшев Б. В. Правовая безопасность и проблемы ее обеспечения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 2. – С. 11–19. – Текст : электронный // Научная электронная библиотека : [сайт]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23135341_17345406.pdf
48. Дювернуа Н. Л. Из курса лекций по гражданскому праву: Введение и часть общая (учение о лицах). – 2-е изд. – Санкт-Петербург, 1895. – 544 с.
49. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / под общ. ред. А. Б. Гофмана. – Москва : Наука, 1991. – 572 с.
50. Дябкина Л. П. Определение понятия «субъект права» в контексте основных типов правопонимания // Современная наука. – 2011. – № 1 (4). – С. 21–25.
51. Елин В. М. Теоретические аспекты формирования национальной безопасности // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 9. – С. 242–247.
52. Еллинек Г. Общее учение о государстве. – Санкт-Петербург, 1908. – 599 с.
53. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2017. – 427 с.
54. Жалинский А. Э. Уголовная политика и задачи уголовного права // Право и политика. – 2006. – № 6. – Текст : электронный // Nota Bene : [сайт]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=49984
55. Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. Т. 3. Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право / сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов ; отв. ред. О. Л. Дубовик ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 619 с.

56. Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. Т. 2. Уголовное право / сост. К. А. Барышва, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов ; отв. ред. О. Л. Дубовик ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 591 с.

57. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2016. – 400 с.

58. Зеленков М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации : монография. – Москва : Юридический институт МИИТа, 2013. – 195 с.

59. Иванов Л. Р. Соотношение государства и общества (проблема субстрата государства) // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 2 (43). – С. 6–13.

60. Иванчин А. В. Абстрактный и казуистический приемы в уголовном правотворчестве // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 195–199.

61. Иванчин А. В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 206 с.

62. Иглин А. В. Личность как субъект уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2008. – 193 с.

63. Каган М. С. Философская теория ценности. – Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с. – Текст : электронный. – URL: https://logic-books.ru/sites/default/files/kagan_filosofskaya_teoriya_cennosti.pdf

64. Каган М. С. Проблемы методологии гуманитарного познания. Избранные труды : для вузов. – Москва : Издательство «Юрайт», 2019. – 322 с.

65. Казакова В. А. Общественная опасность деяния как критерий классификации правонарушений // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27 (1-4), № 4. – С. 435–441.

66. Каиржанов Е. К. Интересы трудящихся и уголовный закон. – Алма-Ата, 1973. – 160 с.

67. Капустин Б. Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.). – Москва, 2004. – 226 с.

68. Кара-Мурза С. Г. Государственная политика нациестроительства в современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2011. – Т. 4, № 3. – С. 62–76.

69. Карабанова Е. Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве // Журнал российского права. – 2018. – № 6. – Текст : электронный // КиберЛенинка : [сайт]. – URL: <file:///C:/Users/QWER/Downloads/ponyatie-obekta-prestupleniya-v-sovremennom-ugolo-vnom-prave.pdf>

70. Качество уголовного закона: проблемы Общей части : монография / отв. ред. А. И. Рарог. – Москва : Проспект, 2021. – 288 с.

71. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – Москва, 1958. – 187 с.

72. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1 / под ред. В. Л. Янина. – Москва : Мысль, 1987. – 430 с.

73. Кожевников С. Н. Социально-правовая активность личности // Сов. гос-во и право. – 1980. – № 9. – С. 20–27.

74. Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. – Екатеринбург : УрГЮА, 1994. – 126 с.

75. Кокошин А. А. Национальные интересы, реальный суверенитет и национальная безопасность // Вопросы философии. – 2015. – № 10. – Текст : электронный // Журнал «Вопросы философии» : [сайт]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1258

76. Кондрат И. Н. Современная концепция уголовной политики и ее влияние на развитие уголовно-процессуальных отношений // Современные проблемы уголовной политики : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Н. Ильяшенко. – Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2013. – Т. 1. – С. 221–228.

77. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / под ред. акад. Б. Н. Топорнина. – Москва : Юристь, 1997. – 716 с.

78. Конституционное право России : учебник. – Екатеринбург : УрГЮА, 2001. – 548 с.

79. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. – 346 с.

80. Концепции современного естествознания : учеб. пособие / В. О. Голубинцев [и др.] ; под общ. ред. С. И. Смагина. – Изд. 11-е. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. – 412 с.

81. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – Санкт-Петербург, 1909. – 354 с.

82. Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. – 260 с.

83. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – Москва, 1980. – 248 с.

84. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Транспортные преступления: проект новый – недостатки старые // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 10 (107). – С. 172–189.

85. Кортунов С. В. Концептуальные основы национальной и международной безопасности : учеб.-метод. пособие. – Москва : Гос. университет – Высшая Школа Экономики, 2007. – 308 с.

86. Кравчук С. С. Государственно-правовые отношения в Советском социалистическом государстве // Советское государство и право. – 1956. – № 10.

87. Краснопеев В. А. Объект преступления в российском уголовном праве (теоретико-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. – Кисловодск, 2001. – 186 с.

88. Крылов А. А. Психология : учебник. – 2-е изд. – Москва : Проспект, 2005. – 474 с.

89. Кряжков А. В. Роль прокурора в защите публичных интересов в арбитражном суде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2000. – 171 с.

90. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – Москва : Госюриздат, 1960. – 244 с.

91. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева. – Москва, 2007. – 332 с.
92. Куликов Е. А. Категория мера и принципы права // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – Т. 2, № 2 (78). – С. 125–128.
93. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Москва, 1999. – 577 с.
94. Курс российского уголовного права. Общая часть / Российская акад. наук, Ин-т государства и права ; сост.: С. В. Бородин [и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева и А. В. Наумова. – Москва : Спарк, 2001. – 767 с.
95. Куфлева В. Н. К проблеме определения субъектов уголовного права // Юрислингвистика. – 2024. – № 33. – С. 44–51.
96. Лакеев А. А. Субъекты уголовного права: признаки, система // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2005. – № 3. – С. 106–119.
97. Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира / пер. Ю. А. Данилова ; Центр гуманитарных технологий. – Москва, 1995. – Текст : электронный // Гуманитарный портал : [сайт]. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/4545>
98. Литвинов Э. П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. – 2012. – № 1 (7). – С. 66–73.
99. Лопашенко Н. А., Кобзева Е. В., Хутов К. М., Долотов Р. О. Теоретическая модель Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: основные положения структуры и содержания // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 109–118.
100. Лопашенко Н. А. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Д. А. Ковлагина, М. М. Лапунин, К. М. Хутов // Правоприменение. – 2020. – № 4. – С. 124–140.

101. Ляпунов Ю. И. Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 48–52.
102. Малинова А. Г. Интерес как правовая категория, его специфика в семейном праве : учебное пособие. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2002. – 96 с.
103. Мальцев В. В. Введение в уголовное право. – Волгоград, 2000. – 202 с.
104. Маркунцев С. А. Теория уголовно-правового запрета : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2015. – 550 с.
105. Марченко М. Н. Соотношение гражданского общества и государства: вопросы теории // Журнал российского права. – 2008. – № 10. – С. 52–64.
106. Масленников Е. В. Принципы формирования концептуальной модели предмета исследования в методологическом контексте социологического измерения // Вестник Московского университета. Сер. 18. «Социология и политология». – 2011. – С. 116–133.
107. Матвеев А. В., Матвеев В. В. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – Вып. 1 (5). – С. 3–20.
108. Матузов Н. И. Права человека и общерегулятивные правоотношения. – Текст : электронный. – URL: <https://www.iolr.org/wp-content/uploads/2012/04/>
109. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003. – 510 с.
110. Мирошниченко Д. В. Общественная опасность преступления как фикция // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2020. – № 3 (58). – С. 40–49.
111. Михайлов С. В. Категория интереса в гражданском (частном) праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 255 с.
112. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций : в 2 т. Т. 1: Общая часть. – 3-е изд. доп. и перераб. – Москва, 2004. – 495 с.

113. Наумов А. В. О будущем российского уголовного права – законодательства, его применения и науки // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – № 59. – С. 15–20.
114. Незнамова З. А., Незнамов А. В. Административная преюдиция как критерий криминализации противоправного деяния // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 2. – С. 4–9.
115. Неймарк М. А. Новая Стратегия национальной безопасности России: преемственность и развитие // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2021. – № 7. – С. 5–18.
116. Нерсисянц В. С. Философия права : учебник для вузов. – М. : Изд. группа «ИНФРА-М-НОРМА», 1997. – 652 с.
117. Никифоров Б. С. Избранное / составитель канд. юрид. наук А. А. Гравина. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – 224 с.
118. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. – Москва : Издательство «Мир», 1990. – 345 с.
119. Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. – Москва, 2001. – 208 с.
120. Новоселов Г. П. Система Особенной части УК РФ // Бизнес, менеджмент и право. – 2012. – № 1 (25). – С. 52–55.
121. Орешкина Т. Ю. Категории преступлений и место среди них преступлений исключительной тяжести // Вестник Университета имен О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12. – С. 43–52.
122. Петрова Г. О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования. – Нижний Новгород, 1999. – 192 с.
123. Поздняков А. И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // Угрозы и безопасность. – 2013. – № 21 (210). – С. 46–53.
124. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Издание Юридического книжного склада «Право». – Петроград, 1917. – 328 с.
125. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – 3-е изд. – Москва, 2001. – 352 с.

126. Поляков Л. В. О понимании свободы. Перечитывая И. Берлина // Полития. – 2009. – № 1. – Текст : электронный // ИНТЕЛРОС : [сайт]. – URL: http://intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/8471-o-ponimanii-svobody-perechityvaya-iberlina.html

127. Пономарева Е. В. Методологические проблемы разграничения субъектов права и квазиправовых субъектов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – С. 74–81.

128. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. – Ижевск, 1996. – 232 с.

129. Потапова Н. Е. Феноменологический подход к осмыслению понятия безопасности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2024. – № 79. – С. 26–32.

130. Прозументов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. – 2009. – № 4. – С. 18–24.

131. Пудовочкин Ю. Е. Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи // Энциклопедия уголовного права : в 35 т. Т. 1. Понятие уголовного права / под ред. В. Б. Малинина. – 2-е изд. – Санкт-Петербург, 2008. – 699 с.

132. Пухта Г. Ф. Энциклопедия права / под ред. П. Карасевича. – Ярославль, 1872. – 99 с.

133. Разгильдиев Б. Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 2. – С. 214–224.

134. Разумовский О. С. Современный детерминизм и экстремальные принципы в физике. – Москва : Наука, 1975. – Текст: электронный // Институт исследований природы времени : [сайт]. – URL: http://www.chronos.msu.ru/old/TERMS/razumovsky_dinamika.html

135. Рапог А. И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 470–479.

136. Парог А. И. Соотношение интересов личности и государства в уголовном праве Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 298–304.

137. Рековская И. Ф. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической жизни (сводный реферат). – 1997. – Текст : электронный // КиберЛенинка : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/97-04-018-025-ponyatie-natsionalnyy-interes-v-rossiyskoy-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-svodnyy-referat/viewer>

138. Решетникова Г. А. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних : учеб. пособие. – Ижевск : Детектив-информ, 2006. – 124 с.

139. Решетникова Г. А. Субъекты уголовного права как объекты безопасности // Вестник Удм. ун-та. Сер. «Экономика и право». – 2019. – Т. 29, вып. 2. – С. 224–229.

140. Решетникова Г. А. Об объекте уголовно-правовой охраны в науке уголовного права // Вестн. Удм. ун-та. Сер. «Экономика и право». – 2019. – Т. 29, вып. 4. – С. 530–537.

141. Решетникова Г. А. Легальное понятие феномена «безопасность»: критический анализ // Вестн. Удм. ун-та. Сер. «Экономика и право». – 2019. – Т. 29, вып. 6. – С. 885–891.

142. Решетникова Г. А. Понятие «национальные интересы» в контексте национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Удм. ун-та. Сер. «Экономика и прав». – 2020. – Т. 30, вып. 3. – С. 438–444.

143. Решетникова Г. А. Политико-философская концепция безопасности: введение в проблему // Вестник Удм. ун-та. Сер. «Экономика и право». – 2020. – Т. 30, вып. 6. – С. 886–893.

144. Решетникова Г. А. Объекты национальной безопасности: их природа, социально-политическое и правовое значение // Вестник Удм. ун-та. Сер. «Экономика и право». – 2021. – Т. 31, вып. 4. – С. 690–696.

145. Решетникова Г. А. Защита традиционных духовно-нравственных ценностей как стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Уголов-

но-правовая защита традиционных ценностей : материалы межвузовского круглого стола (Екатеринбург, 10 октября 2023 года). – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, 2023. – С. 51–59.

146. Решетникова Г. А. Значение сущности общественной опасности деяния // Вестн. Удм. ун-та. Сер. «Экономика и право». – 2023. – Т. 33, вып. 4. – С. 708–714.

147. Решетникова Г. А. Личность как субъект уголовного права: основные идеи // Правовая политика в современном обществе: к 85-летию д-ра юрид. наук, проф. З. З. Зинатуллина : сб. ст. / М-во науки и высш. образования РФ, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ин-т права, соц. упр. и безопасности ; науч. ред. : В.Г. Ившин, Г.А. Решетникова, Л.Г. Татьяна. – Ижевск : Удмуртский университет, 2023. – С. 232–241.

148. Решетникова Г. А. Концептуальная схема уголовно-правовой политики в области обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестн. Удм. ун-та. Сер. «Экономика и право». – 2024. – Т. 34, вып. 2. – С. 326–332.

149. Решетникова Г. А. Защита традиционных духовно-нравственных ценностей как фактор сбережения народа России // Конституция Российской Федерации: история, современность, новые приоритеты и перспективы : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 30-летию Конституции Российской Федерации. – Ижевск : Удмуртский университет, 2024. – С. 80–89.

150. Решетникова Г. А. Системное свойство Особенной части Уголовного кодекса и его значение для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Системно-деятельностный подход: криминалистика и правоохранительная практика : сб. ст. Всерос. науч.-практич. конф., посвящ. 90-летию доктора юрид. наук, профессора Марата Константиновича Каминского. – Ижевск : Удмуртский университет, 2024. – С. 146–155.

151. Римащевская Н. М. Качественный потенциал наследия России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 3. – С. 34–48.

152. Родачин В. М. Безопасность как социальное явление // Журнал право и безопасность. – 2004. – № 4 (13). – Текст : электронный // Dpr.ru : [сайт]. – URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_10_5.htm
153. Рузин В. Д. Культурный суверенитет, общество, государство и личность: штрихи к модели // Коммуникология. – 2014. – Т. 4, № 2. – С. 151–161.
154. Рыпьев А. Г. Пределы казуистичности в правотворческом процессе: упущения регламентации общественных отношений и риски правового усмотрения // Философия права. – 2021. – № 3 (98). – С. 41–46.
155. Самыгин С. И., Верещагина А. В., Печкуров И. В. Социальная безопасность России в условиях информационной реальности : монография. – Москва : РУСАЙНС, 2016. – 154 с.
156. Свердлов Г. А. Гражданско-правовые способы сочетания общественных, коллективных и личных интересов. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1980. – 72 с.
157. Симанов А. Л. Понятие состояние в научном познании. Философия науки. – 2021. – № 3 (90). – С. 156–168.
158. Ситникова А. И. Проблема качества уголовного закона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». – 2014. – № 4. – С. 122–126.
159. Ситникова Л. В., Будник Е. Е., Гумерова Г. Ф. Влияние политики импортозамещения на деятельность предприятий оборонно-промышленного комплекса // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 4 (46). – Часть 1. – Апрель. – С. 103–108.
160. Смирнов А. А. Критический анализ ревизионистских подходов к определению понятия «безопасность» // Административное право и процесс. – 2015. – № 5. – С. 16–20.
161. Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). – Ленинград : ЛГУ, 1965. – 188 с.
162. Советское уголовное право : курс лекций. Вып. 1: Введение в уголовное право / М. И. Ковалёв ; Свердлов. юрид. ин-т. – Свердловск : СЮИ, 1971. – 146 с.

163. Соколов Б. О. Концепция общественного договора в современной политической теории : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2014. – 165 с.

164. Соловьев О. Г. Правотворческие приемы конструирования уголовно-правовых норма: понятие, виды, значение // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 1. – С. 7–9.

165. Социология: основы общей теории : учебник для вузов / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичёв. – Москва : НОРМА; ИНФРА-М, 2002. – 912 с.

166. Спиридонов Л. И. Теория государства и права : учебник. – Москва : Гардарики, 1996. – 300 с.

167. Стужко В. В. Проблема оценки в философии и науке XX века // Известия Саратовского университета. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». – 2010. – Т. 10, вып. 4. – С. 47–53.

168. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1. – Москва, 1994. – 419 с.

169. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общ. Т. 1. – Тула : Автограф, 2001. – 798 с.

170. Тарановский Ф. К. Энциклопедия права : учеб. пособие. – 3-е изд. – Санкт-Петербург, 2001. – 552 с.

171. Таций В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Харьков, 1988. – 196 с.

172. Тер-Акопов А. А. Проблемы личности в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. – Рязань, 1994. – 478 с.

173. Термодинамика нелинейных биологических процессов. Переход к хаосу : хрестоматия. – Екатеринбург, 2008. – 35 с.

174. Толстых В. И. Традиция // Новая философская энциклопедия : в 4-х т. – Москва : Мысль, 2010. – Текст : электронный // Электронная библиотека Института философии РАН : [сайт]. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about>

175. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова, Ю. А. Красикова, А. И. Рарога. – Москва, 1994. – 535 с.

176. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. – Москва : Эксмо, 2007. – 688 с.
177. Улитин Р. Р. Соотношение понятий «национальный интерес» и «национальная безопасность» в трудах западных и отечественных исследователей // Вестник Нижегородского ун-та имени Н. И. Лобачевского. Сер. «Международные отношения, Политология, Регионоведение». – 2003. – № 1. – С. 129–137.
178. Управление изменениями : учебное пособие / под ред. Т. Ю. Ивановой. – Москва : Проспект, 2016. – Текст : электронный. – URL: <https://books.google.ru/books?id=raF8DAAAQBAJ&pg=PT344&dq=иванова+управление+изменениями>
179. Устинова Т. Д. Общественная опасность и ее влияние (учет) при конструировании норм Общей части УК РФ // Lex Russica. – 2015. – № 3. – С. 63–72.
180. Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. – Санкт-Петербург : Юрический центр Пресс, 2003. – 196 с.
181. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – Москва : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
182. Фогельсон Ю. Б. Введение в страховое право. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2001. – 222 с.
183. Фомин А. А. Юридическая безопасность и правовая защищенность: состояние и взаимосвязь // Журнал российского права. – 2005. – № 11. – С. 101–108.
184. Фомин А. А. Юридическая безопасность субъектов российского права: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2008. – Текст : электронный // КиберЛенинка : [сайт]. – URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1275356>
185. Хилjuta В. В. Общественная опасность и криминализация в системе мер безопасности // Вестник Югорского государственного университета. – 2022. – Вып. 4 (67). – С. 44–50.
186. Чемеринский К. В. Общественная опасность как категория уголовного права // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2014. – № 1 (80). – С. 99–104.

187. Чинчиков А. А. Роль государства и права в обеспечении социального мира и согласия // *Общая теория государства и права : учебник* / под ред. В.В. Лазарева. – Москва, 1994. – 520 с.
188. Шемберко Л. В. Стратегические направления сбережения нации и развития человеческого капитала в России: информационный анализ на основе баз данных по социальным и гуманитарным наукам // *Россия: тенденции и перспективы развития*. – 2017. – № 12-3. – С. 584–589.
189. Шигина Н. В. Интерес в уголовном праве (методологический аспект). – Владимир, 2007. – С. 259.
190. Шкаратан О. И. Общество как социальная система // *Социологический журнал*. – 2011. – № 4. – С. 116–143.
191. Штурба Е. В. Историография, источники и методология изучения государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2011. – № 1-2 (7). – С. 20–51.
192. Щедрин Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности : монография. – Краснояр. гос. ун-т, 1999. – 179 с.
193. Щедрин Н. В. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности : монография / под науч. ред. Н.В. Щедрина ; Сиб. федер. ун-т. – Красноярск : СФУ, 2010. – 324 с.
194. Щетинин Б. В. Проблемы теории советского государственного права. – Москва, 1969. – 200 с.
195. Якупов А. М. О природе опасности и безопасности, формах их проявления и «зонах живучести» систем // *Современные проблемы транспортного комплекса России*. – 2014. – № 5. – С. 67–73.
196. Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. – Москва, 1999. – С. 357.
197. Яценко Б. В. Противоречия уголовно-правового регулирования. – Москва, 1996. – 226 с.

Научное издание

Решетникова Гульнара Аликовна

**БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА
КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Монография

Редактор: И. А. Бусоргина

Макет и компьютерная верстка: И. А. Бусоргина

Подписано в печать 01.10.2025. Формат 60х84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 10,21. Уч. изд. л. 7,35.

Тираж 500 экз. Заказ № 1501.

Издательский центр «Удмуртский университет»

426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021

Тел.: + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра

«Удмуртский университет»

426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

Тел. 68-57-18